ISSN 2782-6511

Историко-географический журнал

650 лет Кирову

ХЛЫНОВ · ВЯТКА
КИРОВ 650

№ 4 (том 3)
2024

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«МОЛОДЫЕ ИСТОРИКИ УРАЛА»

AUTONOMOUS NON-PROFIT ORGANIZATION
RESEARCH CENTER
«YOUNG HISTORIANS OF THE URALS»

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
HISTORICAL GEOGRAPHY JOURNAL

2024. Том 3. № 4
2024. Volume 3. Number 4

Екатеринбург 2024 Ekaterinburg

Historical Geography Journal. 2024. Volume 3. Number 4

Ekaterinburg

12+

Published since 2022
ISSN 2782-6511

Registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (ПИ № ФС77-83257, 2022, May 12)

Academic publication of the results of fundamental and applied research devoted to studying various spatial and temporal aspects of natural, socio-economic and political processes in order to search for patterns of their development in Russia and worldwide.

Founder

Autonomous non-profit organization "Research center "Young historians of the Urals"

Editor

Mikhail V. Mikheev

Editorial board

Elena V. Borodina, Ekaterina A. Bulakova, Eugenij S. Grishin, Andrew V. Deduk, Andrey A. Zaitsev, Konstantin I. Zubkov, Nadezhda M. Ignatova, Alexey O. Kaisin, Andrej A. Metelskii, Andrey S. Mikhaylov, Nikolay A. Mikhalev, Andrea Nanetti, Valeriy A. Sangharov, Dmitriy N. Slaschev, Elena K. Sozina, Vladinir N. Streletsky, Stepan N. Temushev

Editorial Council

Nikolay N. Baranov, Vladimir N. Zemtsov, Aleksandr I. Zyrianov, Vladimir A. Ivanov, Iskander L. Izmailov, Aleksandr A. Korablev, Marina Ch. Larionova, Sergey Z. Chernov, Larisa G. Shepko, Andrey N. Shikhov

Publisher and editorial office address

620144, Russia, Ekaterinburg, 8 Marta str., 190–414
office@hist-geo.ru

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

© Autonomous non-profit organization "Research center "Young historians of the Urals"

Историко-географический журнал. 2024. Том 3. № 4

Екатеринбург

12+

Выходит с 2022 г.
ISSN 2782-6511

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-83257 от 12 мая 2022 г.)

Научное издание результатов фундаментальных и прикладных исследований, посвященных изучению различных пространственно-временных аспектов природных, социально-экономических и политических процессов для поиска закономерностей их развития в России и мире

Учредитель

Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр «Молодые историки Урала»

Главный редактор

к. и. н. М. В. Михеев

Редакционная коллегия

к. и. н. Е. В. Бородина, Е. А. Булакова, Е. С. Гришин, к. и. н. А. В. Дедук, к. г. н. А. А. Зайцев, к. и. н. К. И. Зубков, к. и. н. Н. М. Игнатова, А. О. Кайсин, д. и. н. А. А. Метельский, к. г. н. А. С. Михайлов, к. и. н. Н. А. Михалёв, PhD А. Нанетти, к. и. н. В. А. Санжаров, Д. Н. Слащёв, д. филол. н. Е. К. Созина, д. г. н. В. Н. Стрелецкий, к. и. н. С. Н. Темушев

Редакционный совет

д. и. н. Н. Н. Баранов, д. и. н. В. Н. Земцов, д. г. н. А. И. Зырянов, д. и. н. В. А. Иванов, д. и. н. И. Л. Измайлов, д. филол. н. А. А. Кораблёв, д. филол. н. М. Ч. Ларионова, д. и. н. Чернов С. З., д. и. н. Шепко Л. Г., д. г. н. А. Н. Шихов

Адрес издателя и редакции

620144, Екатеринбург, 8 Марта, 190–414
office@hist-geo.ru

The Journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, in which the basic scientific results of dissertations for the academic degrees of Doctor of Science and Candidate of Science must be published.

© Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр «Молодые историки Урала»

СОДЕРЖАНИЕ

К 650-ЛЕТИЮ КИРОВА

Хлынов/Вятка/Киров — 650 лет: исторические и археологические исследования. Выпуск, посвященный юбилею города 6

ВЯТСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Мусихин А. Л. Афаткун: Вятка или Рождественское городище: историография вопроса 8

Коршунков В. А. Были ли языческие святилища на территории города Вятки? 20

ВЯТСКИЙ КРАЙ: ТЕРРИТОРИЯ И ХОЗЯЙСТВО

Белик А. А. Торговые операции вятских купцов за пределами Вятского края (конец XVIII — первая половина XIX в.) 36

Судовиков М. С. Общие и особенные черты территориального развития Вятской губернии в конце XVIII — начале XX в.: к постановке вопроса 50

АРХЕОЛОГИЯ ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ: НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Глазырина М. К., Черанёва Д. В., Пантюхина К. А. Археологические работы на территории города Кирова в 2020–2024 гг. 58

Оруджов Э. И., Кайсин А. О., Шипилов А. В. Археологические исследования на Пижемском городище 2022 г. 72

Егоров А. В., Харин П. А. Археологические работы на Котельничском городище в 2023 г. 86

СООБЩЕНИЯ

Елена Алексеевна Кошелева — к 70-летию со дня рождения 110

Всероссийская научно-практическая конференция «Вятка. Музей. Алабин» (к 200-летию П. В. Алабина и 650-летию города Кирова) 114

Тайны Хлынова: история и находки — выставка к юбилею города 116

CONTENTS

TO THE 650th ANNIVERSARY OF THE CITY OF KIROV

Khlynov/Vyatka/Kirov — 650 Years: Historical and Archaeological Research. Issue Dedicated to the City Anniversary 6

VYATKA ANTIQUITIES

Musikhin A. L. Afatkun: Vyatka or the Rozhdestvenskoe Settlement: Historiography of the Question 8

Korshunkov V. A. Were There Any Pagan Shrines within the City of Vyatka? 20

VYATKA REGION: TERRITORY AND ECONOMY

Belik A. A. Vyatka Merchants' Trading Operations outside of the Vyatka Region (Late 18th — First Half of the 19th Centuries) 36

Sudovikov M. S. General and Specific Features of Territorial Development of the Vyatka Governorate in the Late 18th — Early 20th Centuries: To the Formulation of the Question..... 50

ARCHAEOLOGY OF THE VYATKA LAND: THE LATEST RESEARCH

Glazyrina M. K., Cheraneva D. V., Pantyukhina K. A. Archaeological Explorations on the Territory of the City of Kirov in 2020–2024.. 58

Orudzhov E. I., Kaisin A. O., Shipilov A. V. Archaeological research at the Pizhma settlement in 2022 ...72

Egorov A. V., Kharin P. A. Archaeological Work at the Kotelnich Hillfort in 2023 86

INFORMATION

Elena Alekseevna Kosheleva — on the 70th Anniversary of the Birth..... 110

All-Russian Scientific and Practical Conference «Vyatka. Museum. Alabin» (To the 200th Anniversary of P. V. Alabin and the 650th Anniversary of the City of Kirov) 114

Khlynov's Secrets: History and Finds — Exhibition for the City Anniversary 116

К 650-летию Кирова

Хлынов/Вятка/Киров — 650 лет: исторические и археологические исследования. Выпуск, посвященный юбилею города

В 2024 г. город Киров отметил свое 650-летие. За этой юбилейной датой скрывается многовековой, полный трудов и и борьбы, заслуживающий внимания путь развития — от зарождения городского поселения и превращения его сначала в город Хлынов, затем — в губернский центр Вятку, а к середине XX в. — в крупный торгово-промышленный и научный центр — город Киров. Нашим юбилейным подарком Хлынову/Вятке/Кирову является этот выпуск, посвященный изучению различных аспектов жизни города и связанного с ним региона в прошлом, — того исторического наследия, которое находит актуальное отражение и в его настоящем дне. Собранные в этом номере исследования исторических, архивных и археологических материалов по истории города Кирова, выполненные сотрудниками различных научных организаций, лишний раз доказывают, что захватывающее прошлое города не оставляет исследователей равнодушными, а историко-археологические данные являются ценнейшим и перспективным источником для воссоздания образа жизни города и его жителей в этих минувших столетиях.

Номер открывает рубрика «Вятские древности», посвященная историческим событиям и процессам, происходившим на территории современного Кирова до основания здесь города в XIV в. Так, в статье А. Л. Мусихина «Афаткун: Вятка или Рождественское городище: историография вопроса» рассматривается проблема локализации городка Афаткун, упоминаемого в энциклопедиях мамлюкского периода XIV — начала XV в., и приводятся доводы в пользу того, что городок располагался на территории сформировавшейся несколько позднее Вятской земли, упомянутой в знаменитой энциклопедии аль-Калкашанди под тем же именем, и может быть отождествлен с русским названием этой территории. Статья В. А. Коршункова «Были ли языческие святилища на территории города Вятки?» исследует вопрос существования капищ на территории города до появления русского населения.

Рубрика «Вятский край: территория и хозяйство» затрагивает отдельные аспекты экономической истории региона. Статья А. А. Белика «Торговые операции вятских купцов за пределами Вятского края (конец XVIII — первая половина XIX в.)» рассказывает о торговых связях вятских купцов в России и за ее пределами. В статье М. С. Судовикова «Общие и особенные черты территориального развития Вятской губернии в конце XVIII — начале XX в.: к постановке вопроса» анализируется процесс формирования территории обширного края — Вятской земли, впоследствии Вятской губернии.

Раздел «Археология Вятской земли: новейшие исследования» знакомит читателей с последними результатами полевых работ на территории города Кирова и Кировской области. Так, в статье М. К. Глазыриной, Д. В. Черанёвой и К. А. Пантюхиной «Археологические работы на территории города Кирова в 2020–2024 гг.» подводятся итоги археологических работ, инициированных в связи с хозяйственным освоением современной территории Кирова и имевших своим результатом выявление новых участков культурного слоя Хлынова/Вятки. Статья Э. И. Оруджова, А. О. Кайсина, А. В. Шипилова «Археологические исследования Пижемского городища в 2022 г.» рассказывает о работах на городище раннего железного века, относящемся к ананьинской культуре (I тыс. до н. э.). Статья А. В. Егорова и П. А. Харина «Археологические работы на Котельничском городище в 2023 г.» анализирует результаты раскопок на этом археологическом объекте и свидетельства о материальной культуре населения города Котельнича XIII — начала XX в.

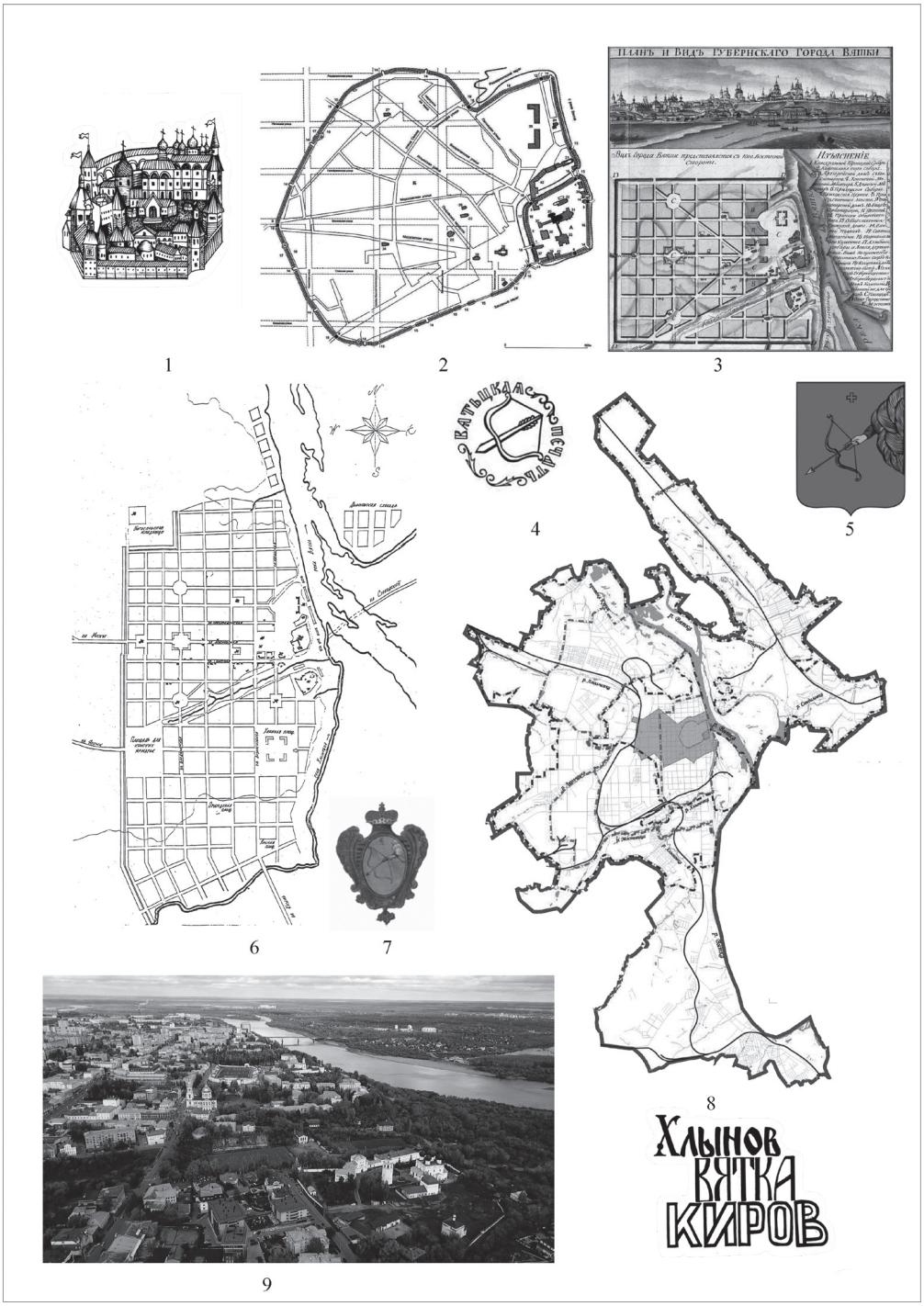
Номер завершает традиционный раздел сообщений об актуальных событиях из жизни научного сообщества. Его открывает подготовленная коллективом Научно-исследовательской археологической лаборатории ВятГУ юбилейная статья «Елена Алексеевна Кошелева — к 70-летию со дня рождения». Она посвящена археологу, чьими усилиями были основаны два научных центра в Кирове — археологическая лаборатория ВятГу и Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области. Далее в обзоре даются описания научных и выставочных мероприятий, организованных Кировским областным краеведческим музеем им. П. В. Алабина.

Надеемся, что публикуемые материалы станут полезными и важными источниками для накопления и систематизации знаний о прошлом интереснейшего российского города и связанного с ним региона.

Редакция

To the 650th Anniversary of the City of Kirov

Khlynov/Vyatka/Kirov — 650 Years: Historical and Archaeological Research. Issue Dedicated to the City Anniversary

1 — Град Хлынов, прорисовка изображения Хлынова с иконы «Трифон Вятский» XVII в.;
2 — План города Хлынова XVII в. с наложением квартальной застройки конца XIX в. (Реконструкция А. Г. Тинского); 3 — План и вид города Вятки на Генеральной карте Вятской губернии 1806 г.; 4 — «Печать Вятьцкая» с печати Ивана IV 1577–1578 гг.; 5 — Герб города Вятки 1781 г.; 6 — План города Вятки 1812 г.; 7 — Герб Вятского драгунского полка 1730 г.; 8 — Городские границы в XVII–XXI вв.; 9 — Современный вид исторического центра Кирова

Вятские древности

УДК 94(470.342) DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-8-19

Мусихин Алексей Леонидович
независимый исследователь (Россия, Нижний Новгород)
ORCID: 0009-0004-9324-3796
E-mail: a-musikhin@narod.ru

Афаткун: Вятка или Рождественское городище: историография вопроса

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается историография XIX–XXI вв. вопроса локализации городка Афаткун, упоминаемого в энциклопедиях мамлюкского периода XIV — начала XV в., служащих государственной канцелярии Египта ал-Умари и ал-Калкашанди. Согласно энциклопедиям, Афаткун располагался севернее города Булгар. Самыми распространенными среди версий исследователей являются: Афаткун — это страна народа вису, или вогулов, или сами эти народы; Афаткун — это археологический памятник на Верхней Каме Рождественское городище; Афаткун — это один из городов Вятской земли с русским названием Вятка. Установлено, что для наиболее точной локализации этого населенного пункта необходимо сочетание четырех факторов: выявление правильного чтения названия и его интерпретация; перевод в метрическую систему количества дней пути от Булгара до этого населенного пункта; астрономическо-математическое вычисление северной широты расположения населенного пункта на основании продолжительности в нем самой короткой ночи; время появления этого населенного пункта в египетских энциклопедиях. В результате рассмотрения всех факторов установлено, что в настоящее время наиболее состоятельной является версия А. Н. Поляка — В. В. Напольских о том, что городок, правильно читаемый как Афаткун, располагался на территории несколько позднее сформировавшейся Вятской земли, названной в энциклопедии ал-Калкашанди тем же именем, и отождествляется с русским названием Вятка. А значит, в энциклопедии ал-Умари топоним Вятка появился примерно на 25–30 лет ранее, чем в общерусских летописях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: энциклопедии мамлюкского периода, ал-Умари, ал-Калкашанди, Булгар, Афаткун, Вятская земля, Рождественское городище

Для цитирования: Мусихин А. Л. Афаткун: Вятка или Рождественское городище: историография вопроса // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3. № 4. С. 8–19. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-8-1

Поступила в редакцию 20.11.2024

Принята к публикации 02.12.2024

© Мусихин А. Л., 2024

Vyatka Antiquities

UDC 94(470.342) DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-8-19

Alexey L. Musikhin
Independent Researcher (Russia, Nizhny Novgorod)
ORCID: 0009-0004-9324-3796
E-mail: a-musikhin@narod.ru

Afatkun: Vyatka or the Rozhdestvenskoe Settlement: Historiography of the Question

ABSTRACT. The article examines the 19th – 21st centuries historiography of the localization of the town of Afatkun, mentioned in the 14th – early 15th centuries encyclopedias of the Mamluk period by employees of the state Chancellery of Egypt al-Umari and al-Qalqashandi. According to the encyclopedias, Afatkun was located north of the city of Bulgar. The most common versions of researchers are: Afatkun is the land of the Visu or Vogul people or these peoples themselves; Afatkun is the Rozhdestvenskoye settlement archaeological site on the Upper Kama; Afatkun is one of the cities of Vyatka land with the Russian name Vyatka. It is established that for the most accurate localization of this settlement, a combination of four factors is necessary: identification of the correct reading of the name and its interpretation; translation into the metric system of the number of days of travel from Bulgar to this locality; astronomical and mathematical calculation of the northern latitude of the locality based on the duration of the shortest night in it; the time of appearance of this locality in the Egyptian encyclopedias. Considering all factors, it was found that at present the most well-grounded is the A. N. Polyak — V. V. Napolskykh version that the town, correctly read as Afatkun, was located on the territory of the somewhat later formed Vyatka land, named in the al-Qalqashandi encyclopedia by the same name, and is identified with the Russian name Vyatka. This means that the toponym Vyatka appeared in the al-Umari encyclopedia about 25–30 years earlier than in the all-Russian chronicles.

KEYWORDS: encyclopedias of the Mamluk period, al-Umari, al-Qalqashandi, Bulgar, Afatkun, Vyatka land, Rozhdestvenskoye settlement

For citation: Musikhin A. L. [Afatkun: Vyatka or the Rozhdestvenskoe Settlement: Historiography of the Question]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2024, vol. 3, no. 4, pp. 8–19. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-8-19 (In Russian).

Received 2 December 2024

Accepted 20 November 2024

© 2024 The Author

Попытки расширения источниковой базы средневековой истории современной территории России неизбежно приводят к необходимости изучения иностранных письменных источников. Для Волго-Камского региона большую важность имеют арабоязычные источники[1]. Для XIV–XV вв. среди них выделяются египетские энциклопедии мамлюкского периода, важные не только «для одной географии, но в такой же мере для истории и культуры в целом»[2]. Наиболее известны энциклопедии, написанные — одна в 1340-е гг., другая в 1389–1412 гг. — служащими государственной канцелярии Египта, соответственно, Шихаб ад-дином Ахмед ибн Йахйа ибн Фадлаллах ал-Умари ад-Димашки (1301–1349) и Шихаб ад-дином Абу-л-Аббас Ахмед ибн Али ал-Калкашанди (1355–1418)[3].

При описании Золотой Орды и граничащих с ней территорий в обеих энциклопедиях на севере от Булгара упоминается город (и страна), о правильном прочтении названия которого и о его локализации до настоящего времени дискутируют исследователи. Статья посвящена рассмотрению историографии изучения данных вопросов.

Чтобы был понятен предмет дискуссии, приведем цитаты в переводе на русский язык из указанных энциклопедий с упоминанием этого города. Ал-Умари: «(Один) из известнейших городов его (Золотой Орды) Булгар; самая короткая ночь его (длится) 4 1/2 часа. Хасан Эрруми рассказывает (следующее): “Потом я расспросил об этом Масуда, определителя времени (молитв) в Булгаре. Мы исчислили ее — сказал он, — посредством астрономических инструментов и нашли, что она (длится) 4 1/2 часа с небольшим. Это крайняя убыль ночного времени там. Что касается “касабы” *Акикула*, то мы (и там) делали наблюдения над ним и нашли, что самая короткая ночь там (длится) 3 1/2 часа, (следовательно) короче булгарской ночи на один час. Между Булгаром и *Акикулом*, говорит он, расстояние 20 дней обыкновенной ходьбы. Слово “касаба”, по терминологии персов, значит ‘маленький город’. За *Акикулом*, говорил он, (следуют) Сибирь и Ибирь, потом за ними земля Чулыман ”»[4]. Ал-Калкашанди: «Страна *Афтакун*, северная соседка страны Булгара. Их главный город — небольшой *Афтакун*»[5].

Насколько сложны вопросы прочтения и локализации некоторых топонимов из указанных энциклопедий, в частности *Акикул/Афтакун*, показывает их умолчание в работах некоторых исследователей. Так, например, В. Л. Егоров, называя все другие топонимы из энциклопедии ал-Умари (в переводе В. Г. Тизенгаузена), ни разу не воспроизводит название *Акикул*[6]. А «такой блестящий знаток арабской литературы, как И. Ю. Крачковский», отмечал А. Н. Поляк, «воздержался от расшифровки части» имен народов у ал-Калкашанди, таких как «валахи, австрийцы, новгородцы, а также Вятская земля и Югра»[7]. В. Бьеркман, хотя его труд и является надежным ключом «к всестороннему анализу произведения ал-Калкашанди»[8], относительно страны *Афтакун* (Aftakūn) ограничился кратким упоминанием того, что она с одноименным главным городом располагается севернее Булгара, не уточняя его локализацию[9].

Французский востоковед Э.-М. Катрмер, описывая рукопись энциклопедии ал-Умари из Королевской библиотеки в Париже, читал это имя как *Афикун* (Afikoun) или *Афикул* (Afikoul). Но он решил, что первое чтение испорчено, поэтому нужно читать *Афикул* и признать это название

---

[1] Коновалова И. Г. Восточные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 169.

[2] Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. 4: Арабская географическая литература. С. 399–400.

[3] Крачковский И. Ю. Указ. соч. С. 405–416; Блашэр Р. Некоторые соображения по поводу форм, присущих энциклопедизму в Египте и Сирии в период с VIII/XIV по IX/XV в. // Арабская средневековая культура и литература. Сб. ст. зарубежн. ученых. М., 1978. С. 85–89; Григорьев А. П., Фролова О. Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 261–302.

[4] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. С. 237–238.

[5] Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 35. Поляк привел лишь небольшую выдержку из описания этой страны в энциклопедии ал-Калкашанди.

[6] Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. 3-е изд. М., 2010. С. 29, 45, 54–55.

[7] Поляк А. Н. Указ. соч. С. 33.

[8] Григорьев А. П., Фролова О. Б. Указ. соч. С. 261.

[9] Björkman W. Beiträge zur Geschichte der Staatskanzlei im islamischen Ägypten. Hamburg, 1928. S. 109. (Abhandlungen aus dem Gebiet der Auslandskunde; Bd. 28.)

за страну вогулов[10]. На мнение Катрмера как на подтвержденный факт позднее ссылался В. Томашек, считавший, что *Афикул* (Afikûl) — это множественное число (вогулы), а *Афкул* (Afkul) — единственное число (вогул)[11]. В. Г. Тизенгаузен полагал, что правильным должно быть чтение *Акикул*, которое означает ‘белое озеро’, то есть, вероятно, Белозерск. Он же предложил еще одну версию, по которой *Акикул* — это искаженное написание названия народа ‘весь’[12]. Дж. Маркварт был почти уверен, что *Афикун* (Afikūn) находился в области Чулман (Cölmän), на реке Каме, и принадлежал Булгару[13].

Другое прочтение названия города и его локализацию предложил израильский филолог А. Н. Поляк. Разбирая сведения энциклопедии ал-Калкашанди, он прочитал его как *Афтакун* (Aftakūn) > *Афаткун*, что, по мнению Поляка, означает Вятская земля и город Вятка: «Арабская форма указывает на первоначальную русскую — (село) Вяткино или Вяткин-городок»[14]. Никаких аргументов в поддержку своего мнения он в этой статье не привел[15].

Со второй половины 1980-х гг. культурные связи Волжской Булгарии с Верхним Прикамьем начал изучать пермский археолог А. М. Белавин. К середине 1990-х гг. он сформулировал и развивал в течение следующих более 20 лет положение о том, что изучаемое им Рождественское городище, расположенное в полутора километрах от с. Рождественск Карагайского района Пермского края, на берегу р. Обва, и есть «касаба *Афикул*» из энциклопедии ал-Умари. Этот его тезис зафиксирован не менее чем в десятке различных работ, написанных как единолично, так и в соавторстве с другими исследователями[16]. Наиболее полно его взгляды отражены в совместной с Н. Б. Крыласовой монографии, в названии которой данная версия автора уже утверждается в виде постулата: «Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск»[17].

Не ссылаясь ни на какие другие работы, кроме фрагмента энциклопедии ал-Умари в переводе на русский язык В. Г. Тизенгаузена, А. М. Белавин привел целый ряд вариантов прочтения названия рассматриваемого города/страны: *Афикул*, *Афилун*, *Афтакун*, *Аваколь*, *Афкула*, *Акикул*. Сам он считал правильным название *Афкула*, что, по его мнению, «можно понимать из тюркских (в персидском переложении) Афу, Ашу — “поворот” и Кула, Кала — “башня, крепость” как “Поворотная крепость”». Булгарские купцы доезжали с товарами только до этого города, а дальше ехали местные купцы — отсюда такое название города. Сам Белавин отмечал, что этот перевод может показаться «лингвистической вольностью». В. В. Напольских же считает, что появление данного чтения «можно объяснять только бескрайним полетом фантазии его изобретателей»[18].

Главным и, очевидно, единственным серьезным аргументом подтверждения своей версии локализации города *Афкула* А. М. Белавин называл нахождение на Рождественском археологическом комплексе артефактов и мусульманских могильников, свидетельствующих о «важной

---

[10] Quatremère M. Notice de l’ouvrage qui a pour titre; Mesalek alabsar fi memalek alamsar (Voyages des yeux dans les royaumes des différentes contrées) // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque nationale et autres bibliothèques. Paris, 1838. T. 13. P. 277–278 (Not. 2).

[11] Tomaschek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. II. Die Nachrichten Herodot's über den skythischen Karawanenweg nach Innerasien // Sitzungsberichte der Philosophisch-Historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1889. Bd. 117. S. 34.

[12] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 237 (Примеч. 1).

[13] Markwart J. Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhunde // Ungarische Jahrbücher. Berlin; Leipzig, 1924. Bd. 4. S. 288 (Not. 1).

[14] Поляк А. Н. Указ. соч. С. 35, 62.

[15] Статьи А. Н. Поляка в иностранных изданиях остались для нас недоступны. Вполне возможно, развернутая аргументация содержится в некоторых из них.

[16] Некоторые из этих работ: Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Волжская Болгария и финно-угорские племена Прикамья: Этнокультурные контакты // Уржумка. 1995. № 1. С. 13–14; Белавин А. М. Камский торговый путь. Пермь, 2000. С. 32, 133; Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Основные итоги изучения Рождественского археологического комплекса (город Афкула) в Пермском крае // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 18–19; Белавин А. М. Западное Приуралье в составе Булгарского государства // История татар Западного Приуралья. Казань, 2016. Т. 1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. С. 82–83; Он же. Торговые фактории булгар как фактор ранней урбанизации Пермского Предуралья в эпоху средневековья // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Междунар. науч. симп., посвящ. памяти видного ученого-археолога, профессора, академика АН Республики Башкортостан, доктора ист. наук Н. А. Мажитова (г. Уфа, 6–7 декабря 2018 г.). Уфа, 2018. С. 121–122.

[17] Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь, 2008. С. 499–501.

[18] Напольских В. В. Вятка, Джулман, Югра и Сибирь в арабском источнике первой половины XIV в. // Напольских В. В. Очерки по этнической истории. Казань, 2015. С. 264 (Примеч. 1).

роли этого пункта в восточной торговле». Все остальное подстраивалось под эту версию. Белавин объявил, что городок *Афкула*/*Афикула* являлся столицей земли Чулыман (он оживил версию Дж. Маркварта, хотя нигде на него не ссылался), в качестве которой в более ранних восточных письменных источниках выступала страна Вису. У ал-Умари ничего подобного не сообщается. Кроме того, сам Белавин привел ту же цитату из ал-Калкашанди, что и А. Н. Поляк, где *Афтакун* называется главным городом страны *Афтакун*, а земля Чулыман/Джулман располагалась севернее, после земель Сибир и Ибир. Первоначально он утверждал, что расстояние в 20 дней пути «примерно соответствует расстоянию от Билярского городища до р. Обва». Но почему Биляр, когда у обоих энциклопедистов однозначно идет речь о Булгаре? Вероятно, потому, что Биляр располагался к р. Обве почти на 90 км ближе, чем Булгар. Позднее это утверждение исчезло из работ Белавина. Рассуждения о продолжительности ночи на Рождественском городище в летнее время не подкреплены астрономическими расчетами. Кроме всего прочего, Белавин указал точную дату написания труда ал-Умари — 1331 г. Нигде ни один исследователь не указывает такую дату, все сообщают о 1340-х гг. (описание Египта датируют 1337–1338 гг.). В. В. Напольских отмечает, что хронологический фактор здесь имеет «важнейшее значение», так как к середине XIV в. Рождественское городище «доживало последние свои дни»[19]. Вероятно, отсюда проистекает появившаяся неизвестно откуда более ранняя дата написания энциклопедии, чтобы оправдать появление этого региона на ее страницах. Важно отметить, что в многотомном академическом труде «Археология Волго-Уралья», появившемся в последние годы, в статье о Верхнем Прикамье те же авторы, А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова, ни одним словом не упомянули о своей версии об отождествлении Рождественского городища с городком *Афкула* египетских энциклопедистов[20]. Является ли это отказом от их многолетнего тезиса, неизвестно.

Версию А. М. Белавина в начале 2000-х гг. попытался подтвердить и укрепить ижевский археолог И. Ю. Пастушенко[21]. Он отметил, что 20 дней обыкновенной ходьбы при средней скорости 20–30 км в сутки составляет 400–600 км. Но главное, по его мнению, — это «астрономически измеренная продолжительность ночи» в Булгаре и *Акикуле*. Астрономические расчеты по его просьбе выполнили сотрудники Удмуртского университета Б. П. Кондратьев и А. Г. Вшивцев. Сами расчеты в статье Пастушенко представлены не были, только полученный результат: г. *Акикул* располагается на широте 57,6±0,5° с. ш. Допуск в 0,5° он объясняет погрешностью временных измерений в 15 минут. Таким образом, получается полоса шириной от 57,1° до 58,1° с. ш. (более 111 км). Этого Пастушенко показалось мало, и к более северному значению он прибавил еще 0,5° (более 55 км) на том основании, что о длительности ночи в Булгаре у ал-Умари сообщается: «4,5 часа с небольшим». Непонятно только, при чем здесь Булгар, когда речь идет об *Акикуле*, где длительность ночи указана точно в 3,5 часа. В результате у него получилась северная широта 58,6°. Пастушенко считает, что всем этим условиям в совокупности «в наибольшей мере» соответствует Рождественское городище. Здесь мы наблюдаем подстраивание данных под заранее назначенный результат.

Некоторые исследователи из Татарстана так же восприняли версию А. М. Белавина. Так, Г. М. Давлетшин первоначально комментировал вариант прочтения В. Г. Тизенгаузеном города *Акикул* — «Белоозерск в русских летописях» — и далее предлагал свои варианты: «Ак кул — Белое озеро, или Ике кул — Два озера». Важно, что в этой работе он определял расстояние в 20 дней пути как 700 верст, ссылаясь на турецкого библиографа XVII в. Хаджи Халифа. Отсюда он делал заключение, что это земли вису в Верхнем Прикамье. И, не соотнося *Акикул* ни с каким конкретным городищем, он считал, что данный город, «скорее всего, был одним из болгарских факторий» в этих землях[22]. Впоследствии он, ссылаясь на работу Белавина, просто отмечает, что Рождественское городище — это и есть касаба *Афкула*[23].

[19] Напольских В. В. Указ. соч. С. 264.

[20] Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Верхнее Прикамье // Археология Волго-Уралья: В 7 т. Казань, 2022. Т. 6. Средние века (вторая треть XIII — первая половина XV в.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи). С. 478–490.

[21] Пастушенко И. Ю. Еще раз о локализации Вису // Finno-Ugrica. 2001–2002. № 1 (5–6). С. 57–58.

[22] Давлетшин Г. М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). Казань, 2004. С. 300, 312.

[23] Дәүләтшин Г. М. Болгарларда Ислам таралышы этаплары // Фәнни Татарстан. 2022. № 2 (34). С. 100.

Несколько позднее к проблеме локализации топонимов Себер и Ибер, Башкырд, Джулман и *Афаткун*, указанных в энциклопедии ал-Умари, подключился ижевский лингвист, этнолог В. В. Напольских[24]. Окончательный вариант статьи «с дополнениями и поправками» опубликован в 2015 г. в сборнике его работ[25]. Особое внимание Напольских уделил прочтению названия города. Он считает, что чтения В. Г. Тизенгаузена и Э.-М. Катрмера являются произвольно придуманными, и отмечает, между прочим, что Тизенгаузен дает два варианта написания: афилун/аф-й-лун и а-ф-т-кун[26]. Напольских пишет, ссылаясь на А. Н. Поляка, что второй вариант присутствует также в энциклопедии ал-Калкашанди. Он принимает чтение Поляка этого варианта написания как *Афаткун* и соотношение его с названием Вятка. «Передача начального звука типа русского v- в арабской записи буквой фа общепринято», в современном арабском языке название реки Волга передается как Фулга. Для Напольских единственной проблемой здесь является начальный алиф, поэтому он предполагает, что, «может быть, следует читать *Ифаткун*, где i- отражает мягкость русского начального согласного».

Рассматривая локализацию касабы *Афаткун,* В. В. Напольских использует вычисленную астрономически полосу северных широт из рукописного варианта статьи И. Ю. Пастушенко. Здесь широта указана в угловых градусах и минутах (как и должно быть), а не в десятеричной системе счисления с десятыми долями градусов, то есть от 57°6' до 58°40' с. ш. Этот факт позволяет заметить, что если верхний предел перевести в десятеричную систему, то получится около 58,67° с. ш., что еще севернее на 0,07° или на 4' (около 8 км) того значения, которое указано в опубликованной статье Пастушенко. В этих пределах, как замечает Напольских, находятся самые южные из городищ Верхнего Прикамья, в том числе Рождественское. Но «сюда же попадают и города Вятской земли: Котельнич, Хлынов, Никульчин». Расстояние в 20 дней пути он считает малоинформативным, так как неизвестен маршрут передвижения. Но в любом случае расстояние до Вятской земли «явно предпочтительнее», особенно до Котельнича. И, как отмечалось выше, самым важным фактором для Напольских является хронологический. Вятская земля выходит на историческую арену в начале XIV в., а Рождественское городище, наоборот, заканчивает свое существование.

Версию А. Н. Поляка — В. В. Напольских приняли кировский историк В. В. Низов, ижевский археолог Л. Д. Макаров, кировский краевед С. В. Ухов и автор этих строк[27]. Однако, как и следовало ожидать, ее раскритиковал А. М. Белавин, считая неудачной, «но не с точки зрения лингвистики, а с точки зрения археологических и исторических фактов». Он сомневался, что название Хлынов могло трансформироваться в *Афтакун*/*Афаткун*, хотя Напольских писал о соответствии Вятка — *Афаткун*. Белавин, ссылаясь на работы Л. П. Гуссаковского и Л. Д. Макарова, указывал, что в древнем Хлынове «нет ни мусульманских могильников, ни “аскизских” предметов» и других признаков участия этого города в восточной торговле, он ориентировался на связи с древнерусскими землями[28].

Особую точку зрения, отличную от двух наиболее известных в настоящее время (Рождественское городище или Вятка), высказал ижевский историк А. В. Коробейников[29]. Он сосредоточился на методике астрономических расчетов конкретной параллели, на которой должен был находиться город *Афикул*/*Ифаткун*. Не видя работу И. Ю. Пастушенко, Коробейников недоумевает, кто и как произвел расчеты, при которых получилась «полоса шириной в полторы угловые минуты», если при известных продолжительности ночи и даты ее измерения должно получиться всего одно

---

[24] Напольских В. В. Вятка, Джулман, Югра и Сибирь в арабском источнике первой половины XIV в. // Вопросы ономастики. 2006. № 3. С. 65–75; Он же. Вятская земля и Прикамье в арабском источнике XIV века // Библиотека как культурно-исторический объект: традиции и тенденции развития, социальные функции: материалы науч. конф. Киров, 2007. С. 168–177.

[25] Напольских В. В. Вятка, Джулман, Югра и Сибирь в арабском источнике первой половины XIV в. // Напольских В. В. Очерки по этнической истории. Казань, 2015. С. 257–269.

[26] См.: Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 216 (Примеч. 3).

[27] Низов В. В. Проблемы этнокультурной истории вятских народов в эпоху средневековья // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1998. Т. 8: Этнография, фольклор. С. 99. (Примеч. 50); Макаров Л. Д. Вятская земля // Удмуртская республика. Энциклопедия. 2-е изд., исправл. и доп. Ижевск, 2008. С. 262; Ухов С. В. Об имени «Вятка» // Герценка: Вятские записки. Киров, 2007. Вып. 12. С. 87–88; Мусихин А. Л. Вятская земля // Большая российская энциклопедия. 2024. URL: https://bigenc.ru/c/viatskaia-zemlia-e77d6 (дата обращения: 01.11.2024).

[28] Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. С. 501.

[29] Коробейников А. В. Имитационное моделирование по данным археологии. Ижевск, 2006. С. 15–20; Он же. Вятская земля в публикации В. В. Напольских // Герценка: Вятские записки. Киров, 2008. Вып. 13. С. 262–268.

значение. Цифры северной широты, приведенные в работе В. В. Напольских, «лишь создают иллюзию точности исследования». Далее Коробейников очень подробно описывает методику расчета и производит сами вычисления конкретной широты города *Афкул*. При этом он считает, что в энциклопедии ал-Умари речь идет не о современных равноденственных часах наименьшей продолжительности ночи (например, для Булгара она составляет 6 часов 50 минут), а о сезонных часах (на Руси они назывались «косыми»), использовавшихся в античной и древневосточной метрологии. Он решил, что в *Афкуле* продолжительность ночи была измерена в «булгарских» сезонных часах. Исходя из этого, у него получилось, что данный город должен был находиться на северной широте 60°. Это широта расположения Гайны — Чердынь — Красновишерск, гораздо севернее и Вятки (58°36' с. ш.), и Рождественского городища (58°31' с. ш.). Коробейников предполагает, что, «возможно, это было городище Редикар, Чердынское или иное», расположенное вокруг Чердыни и Гайны, которое дожило до XIII–XIV вв.

На данный момент это все известные нам исследования, в которых обсуждается проблема касабы *Афкула*/*Афаткун*[30]. Подводя итоги, можно констатировать, что для наиболее точной локализации этого населенного пункта необходимо сочетание четырех факторов: выявление правильного чтения названия и его интерпретация; перевод в метрическую систему количества дней пути от Булгара до этого населенного пункта; астрономическо-математическое вычисление северной широты расположения населенного пункта на основании продолжительности в нем самой короткой ночи; время появления этого населенного пункта в египетских энциклопедиях.

Э.-М. Катрмер, В. Г. Тизенгаузен, В. Томашек и А. Н. Поляк исследовали только первый фактор — название населенного пункта Г. М. Давлетшин, кроме этого, указал расстояние до него в верстах. И. Ю. Пастушенко также указал примерное расстояние в километрах и использовал астрономически рассчитанную широту населенного пункта А. В. Коробейников сделал расчет широты. Только А. М. Белавин и В. В. Напольских с различной степенью полноты и точности постарались учесть все эти факторы.

Из тех, кто рассматривал название, только Поляк и Напольских обосновали лингвистически его заимствование из русского языка. Все остальные авторы строили свои версии на произвольных аналогиях. Версию о том, что ал-Умари подразумевал под этим названием страну какого-либо народа или сам этот народ (Катрмер, Тизенгаузен, Томашек, Лех), необходимо отвергнуть, так как ал-Умари определенно сообщал о населенном пункте (касаба). Правильность прочтения этого названия Бьеркманом, Поляком и Напольских подтверждается в энциклопедии ал-Калкашанди. Имеется одна ее особенность, позволяющая это сделать однозначно: большинство названий около первого их упоминания расписано названиями букв арабского алфавита, что исключает другое прочтение. Около данного названия указаны следующие буквы: «“алиф” и “фа” и удвоенная “та”, затем “кяф” и “вау” и “нун”»[31], что читается как а-ф-тт-кун, то есть *Афттакун* или *Афатткун*. В частной переписке специалист по Золотой Орде из Казани Э. Г. Сайфетдинова отмечает, что в публикации энциклопедии ал-Калкашанди в этом названии «фа» указан с сукуном (сукун обозначает отсутствие гласного звука), а «та» – с ташдид (ташдид обозначает удвоение согласных звуков). То есть верное прочтение будет *Афттакун*[32]. Ошибки написания этого названия в некоторых рукописных списках энциклопедии ал-Умари связаны с особенностями графики арабского письма, где значение имеют точки и огласовки над и под отдельными буквами слов. Чтобы выявить правильное чтение, необходимо сравнить максимально возможное количество имеющихся рукописей труда ал-Умари. Остается надеяться, что ал-Калкашанди, писавший на 50–60 лет позднее, использовал исправный список труда своего предшественника. Правильность этого прочтения максимально

[30] К сожалению, нам не удалось изучить подробные комментарии К. Леха к изданию фрагмента энциклопедии ал-Умари о Монгольской империи с переводом на немецкий язык (Das mongolische Weltreich. Al-‘Umari’s Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-abṣār fi mamālik al-amṣār / Mit Paraphrase und Kommentar herausgegeben von K. Lech. Wiesbaden, 1968 (Asiatische Forschungen; Bd. 22)). Название «касабы» он приводит как Афикун (Afikūn). Если судить по рецензии на это издание Ж. Ришара, Лех, вероятно, принял версию Э.-М. Катрмера и В. Томашека о том, что данное название означает страну вогулов (Richard J. Bücherbesprechung: Lech Klaus (hg.). Das mongolische Weltreich. Al-‘Umari’s Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-abṣār fi mamālik al-amṣār. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1968 // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1972. Bd. 121 (1971). S. 212).

[31] Qalqašandī, Aḥmad Ibn-ʿAlī al. Ṣubḥ al-aʿšā. al-Qāhira, 1915. M. 5. S. 419 (на арабском).

[32] Выражаю глубокую благодарность Э. Г. Сайфетдиновой за консультацию.

вероятна, поскольку ал-Умари трижды в энциклопедии записал это название. Необходимо только указать, что в рукописи энциклопедии ал-Умари, хранящейся в Бодлианской библиотеке (Оксфорд, Великобритания), в этом написании названия, отмеченном В. Г. Тизенгаузеном, «фа» записан без сукуна, а «та» без ташдид[33], то есть чтения *Афтакун* и *Афаткун* равнозначны.

Расстояние между Булгаром и рассматриваемым населенным пунктом, измеренное в днях пути, как справедливо заметил В. В. Напольских, «малоинформативно», поскольку нам неизвестен сухопутный маршрут передвижения от Булгара до *Афаткуна*. И. Ю. Пастушенко, вероятно, использовал общепринятую скорость пешей ходьбы в 20–30 км в сутки и получил расстояние, соответственно, 400–600 км. И. Г. Коновалова отмечает, что в работах исследователей труда Абу Абдуллаха Мухаммада ибн Мухаммада ал-Идриси приводятся разные мнения о протяженности одного дня пути в милях и величине одной мили. Тем не менее В. Томашек и Т. Левицкий пришли к общему мнению, что одна миля равняется приблизительно 1,555 км. Но относительно расстояния за один день пути мнения разделились. Для Балканского полуострова Томашек определил его в 24 мили (37,32 км) в день, для Восточной Европы, по мнению Левицкого, расстояние не могло превышать 20 миль (31,1 км)[34]. Хотя маршрут передвижения неизвестен, все же полезно указать расстояния по прямой от Булгара (городище) до предполагаемого исследователями места расположения касабы *Афаткун*, измеренные на онлайн Яндекс-карте инструментом «линейка и планиметр». До Белозерска 876 км (старый город располагался несколько в другом месте, но существенной роли это не играет), до Красновишерска 771 км, до Чердыни 748 км, до Гайны 671 км, до Рождественского городища 546 км, до Кирова (Вятки, Хлынова) и Никульчино 405 км, до Котельнича 372 км. Таким образом, как и отмечал Напольских, расстояния до вятских городов, очевидно, предпочтительнее всех остальных, независимо от того, где конкретно на Вятской земле в то время могла располагаться касаба *Афаткун*.

К сожалению, нам неизвестна методика расчета северной широты расположения касабы *Афаткун* по самой короткой летней ночи, приведенной в работе И. Ю. Пастушенко, поэтому невозможно судить о ее правильности. Однако А. В. Коробейников прав, утверждая, что должно быть одно конкретное значение широты, а не полоса шириной более 150 км. В расчетах самого Коробейникова заложена методическая ошибка, так как расстояния до названных им городищ с очевидностью превышают допустимые значения. Указанная им самая короткая продолжительность ночи в Булгаре 6 ч. 50 мин. (на самом деле 6 ч. 38 мин.) рассчитывается от заката до восхода Солнца. У мусульман для расчета времени молитв ночь определяется иначе. Хорезмийский ученый Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни писал: «После захода Солнца на горизонте остается краснота, затем краснота исчезает и остается сияние, подобное заре, по нему устанавливается время вечерней молитвы. После исчезновения сияния остается тонкая длинная белизна, подобно ложному утру, после чего наступает время ночи»[35]. Время от захода Солнца до ночи называется сумерками. Сумерки делятся на «гражданские» (высота снижения Солнца от 0° до -6°), «навигационные» (высота снижения Солнца от -6° до -12°) и «астрономические» (высота снижения Солнца от -12° до -18°). В общем случае ночь для мусульман начинается с окончанием астрономических сумерек. Однако для диапазона широт 48°34'–54°34' астрономические сумерки не наступают, а для широт 54°34'–60°34' — не наступают навигационные и астрономические сумерки. Мусульмане, бывавшие в этих широтах, знали о такой особенности. Поэтому ал-Калкашанди, описывая Булгар, сообщал следующее: «Ал-Муайад, владетель Хамы, рассказал: “Некоторые из его (Булгара) жителей сказали мне, что в начале лета сумерки не исчезают из него, и его ночь чрезвычайно коротка”. Затем он сказал: “То, что он передал, верно, и согласуется с тем, что следует из астрономических трудов, потому что с широты 48,5° сумерки начинают не исчезать в начале лета. А его (Булгара) широта больше этой, так что это верно в любом случае”»[36]. Булгар и *Афаткун* попадают во вторую полосу северных широт, поэтому для определения длительности ночи в них необходимо знать

[33] См.: Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 216 (Примеч. 3).

[34] Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М., 2006. С. 50–51. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

[35] Беруни Абу Райхан. Избранные произведения. Ташкент, 1975. Т. VI: Книга вразумления начаткам науки о звездах. С. 56.

[36] Qalqašandī, Aḥmad Ibn-ʿAlī al. Ṣubḥ al-aʿšā. al-Qāhira, 1915. M. 5. S. 418 (на арабском). Ср.: Григорьев А. П., Фролова О. Б. Указ. соч. С. 288–289. Благодарю всех, кто откликнулся на мою просьбу о помощи в переводе с арабского, в частности С. Д. Андрееву (Киров).

время окончания вечерних и время начала утренних гражданских сумерек. Известно, что «конец гражданских сумерек характеризуется хорошей видимостью горизонта и появлением ярких звезд, высота которых больше 60°–70°»[37]. Вероятно, для нахождения высоты опускания Солнца за горизонт до -6° и вычисления высоты звезд определителю времени и нужны были измерительные инструменты, о которых сообщал ал-Умари. Онлайн калькулятор «PlanetCalc» для Булгара в этом случае рассчитывает продолжительность дня в 19 ч. 18 мин. Значит, продолжительность ночи (условно назовем ее «гражданской») там составляет 4 ч. 42 мин., что вполне соответствует указанным ал-Умари «4 1/2 часа с небольшим». Отсюда следует, что определитель времени молитв Масуд в своих расчетах использовал астрономические («равные» или «прямые») часы, а не «косые», как считает Коробейников. Поэтому для определения северной широты расположения *Афаткун* достаточно с помощью онлайн калькулятора найти, где продолжительность гражданской ночи равна 3 ч. 30 мин. На северной широте 57°35' продолжительность ночи составляет 3 ч. 31 мин. На этой широте на р. Пижме при впадении ее в р. Вятку в настоящее время располагается г. Советск (Кукарка) Кировской области. От Булгара до Советска по прямой расстояние 291 км, а по современным дорогам — 440 или 500 км. В шести километрах от Советска находится известный археологический памятник Пижемское городище, которое Л. Д. Макаров предположительно связывал с упоминаемым в вятских нарративных источниках городом Кокшаровом. Вниз по течению р. Вятки и в среднем течении р. Пижмы выявлены селища и могильники XII — начала XV в., что позволило Макарову говорить о существовании в это время особой так называемой Пижемской волости. Население волости, по Макарову, состояло только из славянских поселенцев. Однако важно, что на этих памятниках выявлены керамические изделия, близкие по типу к русским поселениям Волжской Булгарии и Золотой Орды XII–XIV вв.[38] Конечно, это не означает, что именно Пижемское городище является касабой *Афаткун*. В. Г. Тизенгаузен писал, что в рукописи энциклопедии ал-Умари из Бодлианской библиотеки после описания продолжительности короткой ночи в Булгаре и *Афаткуне* имеется добавление, в котором, в частности, сообщается, что на севере от Булгара ночь продолжается три часа[39]. Здесь конкретный населенный пункт, к сожалению, не указан, но можно предположить, что речь также идет об *Афаткуне*. По крайней мере, важно указать, что самая короткая гражданская ночь в Котельниче равна 3 ч. 6 мин., на Ковровском городище в устье р. Моломы 3 ч. 5 мин., в Кирове и Никульчине 2 ч. 54 мин.

Мнения о времени появления *Афаткун* в энциклопедии ал-Умари А. М. Белавина и В. В. Напольских приведены выше. Говоря о том, что Вятская земля выходит на историческую сцену в первой половине XIV в., Напольских, вероятно, имел в виду результаты археологических работ в этом регионе, так как в общерусских летописях первым ее упоминанием является 1374 г., если не принимать во внимание местные нарративные письменные источники.

Выдвижение А. М. Белавиным археологических находок на Рождественском городище в качестве главного фактора в решении рассматриваемого вопроса не может быть принято. Сами по себе они не могут ничего сказать в пользу его версии. Аргумент Белавина, что Хлынов достаточно много изучался Л. П. Гуссаковским и Л. Д. Макаровым и там не найдено мусульманских артефактов, не состоятелен. В. В. Напольских нигде не говорит конкретно о Хлынове, а называет несколько вятских городов, подразумевая всю Вятскую землю. Тот же Макаров в своих работах 2000-х гг. неизменно повторял, что «проблема существования болгаро-татарского компонента на Средней Вятке, как, впрочем, и многих других районах Прикамья, требует дальнейшей разработки»[40]. Так что вполне возможно — такие находки на Вятской земле еще впереди.

---

[37] Мореходная астрономия. Тема II. Астрономические пособия. Звездный глобус: методич. указания к практич. занятиям по дисциплине «Мореходная астрономия» для студентов специальности 26.05.05 «Судовождение» (специализация «Судовождение на морских путях»). Севастополь, 2021. С. 25.

[38] Макаров Л. Д. Древнерусские памятники среднего течения реки Пижмы // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1994. Вып. 23: Проблемы средневековой археологии волжских финнов. С. 155–185; Он же. Русские поселенцы на берегах Вятки. (По данным археологических исследований) // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1995. Т. 4. История. С. 82–84; Он же. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв.: учеб. пособ. Ижевск, 2001. С. 36–37.

[39] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 216 (Примеч. 4), 237–238 (Примеч. 2).

[40] Макаров Л. Д. Болгаро-татарские материалы древнерусских памятников Вятской земли // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2002. С. 145; Он же. Вятский край в системе болгаро-ордынского влияния // Золотоордынское наследие: материалы междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)», Казань, 17 марта 2009 г. Казань, 2009. Вып. 1. С. 154.

Таким образом, после рассмотрения историографии вопроса по совокупности всех указанных факторов необходимо признать, что в настоящее время наиболее состоятельной является версия А. Н. Поляка — В. В. Напольских о том, что касаба, правильно читаемая как *Афаткун*, располагалась на территории несколько позднее сформировавшейся Вятской земли (где конкретно — вопрос дискуссионный), названной в энциклопедии ал-Калкашанди тем же именем, и отождествляется с русским названием Вятка. А значит, в энциклопедии ал-Умари топоним Вятка появился примерно на 25–30 лет ранее, чем в общерусских летописях.

References

Belavin A. M. *Kamskiy torgovyy put'* [Kama Trade Route]. Perm: Izd-vo Permskogo gos. ped. un-ta Publ., 2000. (In Russian).

Belavin A. M. [Western Urals as Part of the Bulgar State]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya* [History of the Tatars of the Western Urals]. Kazan: In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2016, vol. 1, pp. 72–85. (In Russian).

Belavin A. M. [Trading Posts of the Bulgars as a Factor of the Early Urbanization of the Perm Cis-Urals in the Middle Ages]. *Drevniye i srednevekovyye obshchestva Evrazii: perekrestok kul'tur. Mezhdunar. nauch. simp., posvyashch. pamyati vidnogo uchenogo-arkheologa, professora, akademika AN Respubliki Bashkortostan, doktora ist. nauk N. A. Mazhitova (g. Ufa, 6–7 dekabrya 2018 g.)* [Ancient and Medieval Societies of Eurasia: Crossroads of Cultures. International Sci. Symp. Dedicated to the Memory of the Prominent Scientist-Archaeologist, Prof., Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Doctor of Historical Sciences N. A. Mazhitov (Ufa, December 6–7, 2018)]. Ufa: Mir pechati Publ., 2018, pp. 118–125. (In Russian).

Belavin A. M., Krylasova N. B. [Volga Bulgaria and the Finno-Ugric Tribes of the Kama Region: Ethnocultural Contacts]. *Urzhumka* [Urzhumka], 1995, no. 1, pp. 5–15. (In Russian).

Belavin A. M., Krylasova N. B. *Drevnyaya Afkula: arkheologicheskiy kompleks u s. Rozhdestvensk* [Ancient Afkula: Archaeological Complex near the Village of Rozhdestvensk]. Perm: Permskiy gos. ped. un-t Publ., 2008. (In Russian).

Belavin A. M., Krylasova N. B. [Main Results of the Study of the Rozhdestvensky Archaeological Complex (the City of Afkula) in the Perm Region]. *Nauchnyy Tatarstan* [Scientific Tatarstan], 2009, no. 2, pp. 6–20. (In Russian).

Belavin A. M., Krylasova N. B. [Upper Kama region]. *Arkheologiya Volgo-Ural'ya: V 7 t.* [Archaeology of the Volga-Ural Region: In 7 vols]. Kazan: Izd-vo AN RT Publ., 2022, vol. 6, pp. 478–490. (In Russian).

Björkman W. *Beiträge zur Geschichte der Staatskanzlei im islamischen Ägypten*. Hamburg: de Gruyter, 1928. (Abhandlungen aus dem Gebiet der Auslandskunde; Bd. 28). (In German).

Blasher R. [Some Considerations Regarding the Forms Inherent in Encyclopedism in Egypt and Syria in the Period from the 8th/14th to the 9th/15th Centuries]. *Arabskaya srednevekovaya kul'tura i literatura* [Arab Medieval Culture and Literature]. Moscow: Nauka Publ., 1978, pp. 77–92. (In Russian).

Das mongolische Weltreich. Al-'Umari's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-abṣār fi mamālik al-amṣār / Mit Paraphrase und Kommentar herausgegeben von K. Lech. Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1968. (Asiatische Forschungen; Bd. 22). (In German).

Davletshin G. M. *Ocherki po istorii dukhovnoy kul'tury predkov tatarskogo naroda (istoki, stanovleniye i razvitiye)* [Essays on the History of the Spiritual Culture of the Ancestors of the Tatar People (Origins, Formation and Development)]. Kazan: Tatarskoye kn. izd-vo Publ., 2004. (In Russian).

Davletshin G. M. [Stages of the Spread of Islam in the Bulgarians]. *Fənni Tatarstan* [Scientific Tatarstan], 2022, no. 2 (34), pp. 93–102. (In Tatar).

Egorov V. L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv. 3-ye izd.* [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries. 3rd Ed.]. Moscow: KRASAND Publ., 2010. (In Russian).

Grigoriev A. P., Frolova O. B. [Geographical Description of the Golden Horde in the Encyclopedia of Al-Kalkashandi]. *Tyurkologicheskiy sbornik/2001: Zolotaya Orda i yeye naslediye* [Turkological Collection/2001: Golden Horde and Its Heritage]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN Publ., 2002, pp. 261–302. (In Russian).

Konovalova I. G. [Eastern Sources]. *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov* [Ancient Rus' in Light of Foreign Sources]. Moscow: Logos Publ., 1999, pp. 169–258. (In Russian).

Konovalova I. G. *Al-Idrisi o stranakh i narodakh Vostochnoy Evropy: tekst, perevod, kommentariy* [Al-Idrisi on the Countries and Peoples of Eastern Europe: Text, Translation, Commentary]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN Publ., 2006. (The oldest sources on the history of Eastern Europe). (In Russian).

Korobeynikov A. V. *Imitatsionnoye modelirovaniye po dannym arkheologii* [Simulation Modeling Based on Archaeological Data]. Izhevsk: Izd-vo NOU KIGIT Publ., 2006. (In Russian).

Korobeynikov A. V. [Vyatka Land in The Publication of V. V. Napolskikh]. *Gertsenka: Vyatskiye zapiski* [Gertsenka: Vyatka Notes]. Kirov: Kirovskaya ordena Pocheta gos. universal'naya obl. nauch. b-ka im. A. I. Gertsena Publ., 2008, iss. 13, pp. 262–268. (In Russian).

Krachkovsky I. Yu. *Izbrannyye sochineniya* [Selected Works]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1957, vol. 4. (In Russian).

Makarov L. D. [Ancient Russian Sites of the Middle Reaches of the Pizhma River]. *Arkheologiya i etnografiya Mariyskogo kraya* [Archaeology and Ethnography of the Mari Region]. Yoshkar-Ola: MarNIIYaLI Publ., 1994, iss. 23, pp. 155–185. (In Russian).

Makarov L. D. [Russian Settlers on the Banks of the Vyatka River. (Based on Archaeological Research)]. *Entsiklopediya zemli Vyatskoy* [Encyclopedia of the Vyatka Land]. Kirov: Dom pechati — Vyatka Publ., 1995, vol. 4, pp. 76–91. (In Russian).

Makarov L. D. [Bolgar-Tatar Materials of Ancient Russian Sites of the Vyatka Land]. *Voprosy drevney istorii Volgo-Kam'ya* [Questions of the Ancient History of the Volga-Kama Region]. Kazan: Master-Layn Publ., 2001, pp. 143–147. (In Russian).

Makarov L. D. *Drevnerusskoe naselenie Prikam'ya v X–XV vv.: ucheb. posob.* [Ancient Russian Population of the Kama Region in the 10th–15th Centuries: A Textbook]. Izhevsk: Udmurtskiy un-t Publ., 2001. (In Russian).

Makarov L. D. [Vyatka Land]. *Udmurtskaya respublika. Enciklopediya. 2-e izd., ispr. i dop.* [Udmurt Republic. Encyclopedia. 2nd Ed., Corr. and Add.]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2008, p. 262. (In Russian).

Makarov L. D. [Vyatka Region in the System of Bulgar-Horde Influence]. *Zolotoordynskoye: materialy mezhdunar. nauch. konf. "Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (XIII–XV vv.)", Kazan', 17 marta 2009 g.* [Golden Horde: Materials of the Intern. Sci. Conf. "Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (13th–15th Centuries)", Kazan, March 17, 2009]. Kazan: Fen AN RT Publ., 2009, iss. 1, pp. 150–156. (In Russian).

Markwart J. Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhunde. *Ungarische Jahrbücher*. Berlin-Leipzig: Walter de Gruyter, 1924, Bd. 4, S. 261–334. (In German).

Musikhin A. L. [Vyatka Land]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. 2024. Available at: https://bigenc.ru/c/viatskaia-zemlia-e77d6 (accessed: 01.11.2024). (In Russian).

Napolskikh V. V. [Vyatka, Dzhulman, Yugra and Siberia in the Arabic Source of the First Half of the 14th Century]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2006, no. 3, pp. 65–75. (In Russian).

Napolskikh V. V. [Vyatka Land and the Kama Region in the 14th Century Arabic Source]. *Biblioteka kak kul'turno-istoricheskiy ob"yekt: traditsii i tendentsii razvitiya, sotsial'nyye funktsii: materialy nauch. konf. (Kirov, 18–19 dekabrya 2007 goda)* [Library as a Cultural and Historical Object: Traditions and Development Trends, Social Functions: Materials of the Sci. Conf. (Kirov, December 18–19, 2007)]. Kirov: Kirovskaya ordena Pocheta gos. universal'naya obl. nauch. b-ka im. A. I. Gertsena Publ., 2007, pp. 168–177. (In Russian).

Napolskikh V. V. [Vyatka, Dzhulman, Yugra and Siberia in the Arabic Source of the First Half of the 14th Century]. *Napol'skikh V. V. Ocherki po etnicheskoy istorii* [Napolskikh V. V. Essays on Ethnic History]. Kazan: ID "Kazanskaya nedvizhimost'" Publ., 2015, pp. 257–269. (In Russian).

Nizov V. V. [Problems of the Ethnocultural History of the Vyatka Peoples in the Middle Ages]. *Entsiklopediya zemli Vyatskoy* [Encyclopedia of the Vyatka Land]. Kirov: Dom pechati — Vyatka Publ., 1998, vol. 8, pp. 70–101. (In Russian).

Pastushenko I. Yu. [Once again about the Localization of the Visu]. *Finno-Ugrica*, 2001–2002, no. 1 (5–6), pp. 56–64. (In Russian).

Polyak A. N. [New Arabic Materials of the Late Middle Ages on Eastern and Central Europe]. *Vostochnyye istochniki po istorii narodov Yugo-Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy* [Eastern Sources on the History of the Peoples of South-Eastern and Central Europe]. Moscow: Nauka Publ., 1964, pp. 29–66. (In Russian).

Richard J. Bücherbesprechung: Lech Klaus (hg.). Das mongolische Weltreich. Al-'Umari's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-abṣār fi mamālik al-amṣār. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1968. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 1972, Bd. 121 (1971). S. 211–213. (In German).

Ukhov S. V. [On the Name "Vyatka"]. *Gertsenka: Vyatskiye zapiski* [Gertsenka: Vyatka Notes]. Kirov: Kirovskaya ordena Pocheta gos. universal'naya obl. nauch. b-ka im. A. I. Gertsena Publ., 2007, iss. 12, pp. 80–91. (In Russian).

УДК 94(470.342) DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-20-35

Коршунков Владимир Анатольевич
к. и. н., доцент Вятского государственного университета (Россия, Киров)
ORCID: 0000-0001-6150-8308
E-mail: vla_kor@mail.ru

Были ли языческие святилища на территории города Вятки?

АННОТАЦИЯ. В статье обращено внимание, что на протяжении долгого времени, вплоть до наших дней, в научной и краеведческой литературе встречается утверждение, будто на территории г. Вятки (Кирова) до появления русского населения существовали удмуртские языческие святилища. Статья основана на архивных и иных письменных источниках. В ней анализируется выявленный автором архивный документ середины XIX в., который был написан известным в Вятской губернии православным священником-миссионером. Этот священник указал на три места в самой Вятке и в ее окрестностях, где, по его представлению, некогда могли находиться языческие святилища: колодец на площади у кафедрального собора, озеро в лесу (в других источниках оно называлось Нижним Потоком) и место в центре города, где ежегодно проводился обрядовый праздник Свистопляска (Свистунья). Автором предложена современная интерпретация ритуальных действий на Нижнем Потоке и при праздновании Свистопляски. Их особенности характерны для так называемого «народного православия» и едва ли восходят к языческой древности. В статье показано, что православные миссионеры XIX в., реконструируя языческое прошлое Вятской земли, соотносили неканонические обряды с дохристианским, то есть удмуртским населением. Достоверных же данных о языческих святилищах на территории города пока нет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая география, историческое краеведение, городская археология, архивные источники, Вятка (Хлынов), удмурты, языческая религия

Для цитирования: Коршунков В. А. Были ли языческие святилища на территории города Вятки? // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3. № 4. С. 20–35. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-20-35

Поступила в редакцию 01.09.2024

Принята к публикации 02.12.2024

© Коршунков В. А., 2024

UDC 94(470.342) DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-20-35

Vladimir A. Korshunkov
Candidate of Historical Sciences, Vyatka State University (Russia, Kirov)
ORCID: 0000-0001-6150-8308
E-mail: vla_kor@mail.ru

Were There Any Pagan Shrines within the City of Vyatka?

ABSTRACT. The paper draws attention to the fact that for a long time, up to our days, there is a statement in the scientific and local history literature that in the territory of the city of Vyatka (Kirov) before the appearance of the Russian population there were Udmurt pagan sanctuaries. The paper is based on archival and other written sources. It analyzes an archival document of the mid-19th century, revealed by the author, which was written by a well-known in the Vyatka region Orthodox priest and missionary. This priest pointed to three places within the city of Vyatka and in its vicinity, where, in his opinion, pagan sanctuaries could have been located: a well on the square near the cathedral, a lake in the forest (it was called in other sources Nizhny Potok) and a place in the center of the city, where the annual ritual fest Svistoplyaska (Svistunya) was held. The author offers a contemporary interpretation of the ritual actions on Nizhny Potok and Svistoplyaska fest. Their features are typical of the so-called "folk Orthodoxy" and hardly go back to pagan antiquity. The paper shows that the 19th century Orthodox missionaries, reconstructing the pagan past of the Vyatka land, correlated non-canonical rites with the pre-Christian, i. e. Udmurt population. There is no reliable data on pagan sanctuaries within the city yet.

KEYWORDS: historical geography, historical local lore, urban archeology, archival sources, Vyatka (Khlynov), Udmurts, pagan religion

For citation: Korshunkov V. A. [Were There Any Pagan Shrines within the City of Vyatka?]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2024, vol. 3, no. 4, pp. 20–35. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-20-35 (In Russian).

Received 1 September 2024

Accepted 2 December 2024

© 2024 The Author

Темное прошлое

Согласно записанному во второй половине XIX в. в Глазовском уезде Вятской губернии удмуртскому преданию, прямо в центре г. Вятки (до 1780 г. — Хлынова, с 1934 г. — Кирова), на обрывистом берегу р. Вятки, некогда находилось крупное межродовое языческое святилище — великая или большая куала (по современной удмуртской орфографии — «бадзым куала»). Потом туда пришли русские, сожгли святилище и поселились на том месте[1]. Удмурты Глазовского уезда тогда же рассказывали, что после уничтожения русскими святилища в центре г. Вятки оно возрождалось в иных местах на территории этого уезда: время от времени его приходилось переносить[2]. По одной из версий предания, священные предметы из сожженной куалы переправили к д. Вениж Глазовского уезда. А языческую святыню у д. Вениж спалили при участии протоиерея Иосифа Стефанова[3].

Археологические исследования (не слишком масштабные) на том месте в г. Кирове, где могла быть великая куала, проводились под руководством Л. П. Гуссаковского в конце 1950-х гг. Сам он склонялся к тому, чтобы усматривать там следы древнего удмуртского поселения[4]. Однако подтвердить наличие куалы было бы трудно из-за неоднозначности археологических источников, которые используются для этнической характеристики. Интерпретация сделанных тогда находок вызывает дискуссии[5]. Но у краеведов и даже в научных изданиях до сих пор можно встретить утверждения о существовании куалы где-то на территории нынешнего Кирова[6].

Поиски языческих святилищ прямо в г. Вятке случались и прежде, задолго до XXI в. Несколько лет назад удалось выявить документ об одной такой попытке: православный священник-миссионер был убежден, что в Вятке и ближайших ее окрестностях до заселения русскими могли находиться священные места удмуртов. Он составил план исследований темного языческого прошлого Вятского края[7]. Герой этой истории — тот самый протоиерей Иосиф Стефанов, упомянутый выше, который сжег святилище у д. Вениж в Глазовском уезде. Уничтожение удмуртской святыни — лишь один из множества подобных подвигов о. Иосифа во славу веры.

Родившийся в 1799 г. в семье дьякона, Иосиф Андреевич Стефанов стал видной фигурой в Вятской епархии середины и второй половины XIX в. После окончания в 1824 г. Вятской духовной семинарии он был рукоположен в священники и с тех пор последовательно служил в нескольких отдаленных селах губернии, а затем — в уездном городе Глазове, где долгое время был благочинным. Он активно занимался христианским просвещением и миссионерством. Прожив долгую жизнь, о. Иосиф скончался в г. Вятке в 1881 г.[8]

---

[1] Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний / записаны, переведены и изложены Б. Гавриловым. Казань, 1880. С. 152.

[2] Первухин Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888. 2 эскиз: Идоложертвенный ритуал древних вотяков по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах. С. 6–8.

[3] Первухин Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888. 1 эскиз: Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях. С. 26. Рапорт Стефанова об уничтожении в 1854 г. этого святилища цитируется в работах Н. И. Шутовой (Шутова Н. И. Святилище Гербервёсь (Губервёсь) северных (глазовских) удмуртов: этимология термина, история существования, местоположение, общественный статус // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12, № 2. С. 139–140; Она же. Этнотерриториальные группы удмуртов: обряды и верования северных удмуртов. Ижевск, 2018. С. 225–226). Легенда о перенесении языческой святыни пользуется доверием ученых из Удмуртии. См., например: «Несмотря на весьма позднее оформление легенды, на что указывает ряд аксессуаров христианского толка (в ней фигурирует церковь и голубь), она, безусловно, отражает реальные события» (Фотеев Г. В. К истории становления удмуртско-русских этнокультурных отношений // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 87).

[4] Гуссаковский Л. П. Из истории русской Вятки // Европейский Север в культурно-историческом процессе (к 625-летию города Кирова): материалы междунар. конф. Киров, 1999. С. 32–36.

[5] См. резкую критику методов работы Гуссаковского и его выводов: Захаров С. Д. Характеристика раскопов Л. П. Гуссаковского на территории Хлыновского кремля // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 500-летию вхождения в состав Российского государства): тез. докл. и сообщ. к науч. конф. Киров, 23–25 мая 1989 г. Киров, 1989. С. 17–19.

[6] Бородовский В. Н. Где была великая куала удмуртов? // Герценка: вятские записки. Киров, 2015. Вып. 27. С. 132–140. URL: https://herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number27&ELEMENT=gerzenka27_3_7 (дата обращения: 1.03.2024); Он же. Существовал ли вятский центр удмуртского язычества? // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2015. № 4 (29). С. 22–31; Шутова Н. И. Святилище Гербервёсь. С. 129–152; Она же. Этнотерриториальные группы удмуртов. С. 217–231.

[7] Этой темы мне уже приходилось касаться, см.: Коршунков В. А. Ветроум: странное, страшное, смешное в повседневной жизни русской провинции XVIII — начала XX века. М., 2021.

[8] Протоиерей Иосиф Андреевич Стефанов: некролог // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 3 (1 февр.). Отд. духовно-литературный. С. 76–80; Крекнин С., свящ. Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них // Вятские епархиальные ведомости. 1899. № 11 (1 июня). Отд. неофиц. С. 550–551; № 13 (1 июля). С. 662–664.

В областном архиве, среди бумаг Вятской духовной консистории, между разнообразными отчетами, справками, постановлениями и указами хранится письмо о. Иосифа Стефанова, датированное 10 мая 1848 г. Он адресовал свое послание «Вятского Трифонова монастыря отцу казначею Клименту». О. Иосиф просил: «Сделайте Ваше величайшее одолжение — потрудитесь просмотреть препровождаемую при сем программу о вотяках и оказать мне Вашу помощь в собрании следующих сведений». Далее он указывал, какие конкретно этнографические и лингвистические сведения его интересовали. К письму приложена «Программа сведениям о вотяках»[9].

Пламенным словом и огнем

Имя Иосифа Стефанова встречается на многих страницах монографии историка П. Н. Луппова (1867–1949) о христианизации удмуртов в первой половине XIX в. Подробнее Луппов писал о нем в главе о миссионерстве, изучив его отчеты, сохранившиеся в архиве. Дело в том, что о. Иосиф без малого полвека руководил миссионерской работой среди удмуртов, преимущественно в Глазовском уезде Вятской губернии. Он проявил себя как человек способный, деятельный, инициативный. Ему пришлось выучить удмуртский язык[10]. Он сам переводил некоторые богослужебные тексты на удмуртский[11]. О. Иосиф, хорошо знавший обряды и обычаи удмуртов, делился своими знаниями с автором работ о «преданиях и быте инородцев Глазовского уезда» Н. Г. Первухиным[12].

В вятском архиве сохранился подробный послужной список о. Иосифа на 1861 г. Правда, у этого документа не уцелело начало. Надо полагать, отсутствует только один лист из нескольких, заполненных убористым почерком. Это перечень наград и достижений, без порицаний и взысканий (хотя в иных случаях в клировых ведомостях непременно отмечались пьянство, буйство, полученные от начальства выговоры). Служение о. Иосифа было многообразным: он занимался и попечением о бедных, и народным образованием. Уже в 1832 г. он получил благословение Синода «за успешное содействие к обращению язычествующих вотяков в христианскую веру». Много раз его поощряли епископ Вятский и Слободской и Вятская духовная консистория. Например, в 1854 г. — за исполнение обязанностей миссионера, «отчетливость предоставленных сведений» и за работу среди «вотяков новокрещеных». Благодарности епископа он получал еще в 1856 и 1858 гг. — тоже за миссионерство. В 1854 г. указом консистории ему была «объявлена от имени его преосвященства благодарность за ревность и деятельность вообще по делам миссионерства и в особенности по делу об открытии и окончательном прекращении общественного вотского мольбища в приходе села Верхпорзинского» (здесь «открытие» — значит раскрытие, обнаружение). В 1849 г. его наградили орденом Святой Анны 3-й степени за длительное, более 23 лет, служение благочинным, за «просвещение Св. Крещением 409 язычников», а также обращение в истинную веру множества раскольников и даже трех магометан[13].

Профессор Казанской духовной семинарии, видный священник и миссионер Е. А. Малов издал письма архиепископа Казанского (в дальнейшем — митрополита Киевского) Филарета Амфитеатрова (1779–1859) к его другу, епископу Вятскому (а затем — архиепископу Подольскому) Кириллу Богословскому-Платонову (1788–1841). Филарет в 1828 г. увещевал Кирилла: «Не скорбите о деле протоиерея — в деле Божием должно быть твердым и нелицеприятным…»[14] Комментируя это место, Малов писал: «Кажется, здесь разумеется протоиерей г. Глазова *Иосиф Стефанов*. Он был миссионером у вотяков и допускал, будто бы, какие-то злоупотребления. Началось, как мы

См. также биографическую статью с подробными сведениями о нем: Кочин Г. А. «Не отступал ни пред какими трудностями и препятствиями...»: судьба протоиерея Иосифа Андреевича Стефанова (1799–1881) // Герценка: вятские записки. Киров, 2023. Вып. 43. С. 42–57. URL: https://herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number43&ELEMENT=gerzenka43_2_2 (дата обращения: 6.06.2024).

[9] ЦГАКО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 64. Л. 155–156 об.

[10] Луппов П. Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в.: исследование. Вятка, 1911. С. 263–283.

[11] Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство: XVI — начало XX века. Ижевск, 2001. С. 294.

[12] Луппов П. Н. Указ. соч. С. 278. См.: Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888–1890. Эскиз 1–5.

[13] ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 591-а. Л. 1 — 4 об.

[14] Материалы для истории Русской Церкви: письма высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского и Галицкого, к Кириллу, архиепископу Подольскому. Казань, 1876. С. 32.

слышали, дело об этих злоупотреблениях и тянулось довольно долго. Чем кончилось это дело, нам неизвестно, но знающие хорошо о. Иосифа Стефанова не отнимают у него миссионерских достоинств» (курсив автора. — *В. К.*)[15]. Однако Стефанов получил сан протоиерея лишь спустя два года, так что Филарет подразумевал явно не его, а кого-то другого. Если Малов и вправду что-то слышал о злоупотреблениях Стефанова, то, судя по всему, в послужном списке это не отразилось. А скорее всего, ничего такого и не было.

Епископ Вятский и Слободской Нил (Исакович) летом 1836 г. объезжал свою епархию — главным образом те местности, где жили новокрещены. Посетив 9 июня удмуртское с. Уни, в котором тогда служил о. Иосиф, он записал в своем дневнике: «В приходе сем есть остатки язычества. Впрочем, имеющий тут пребывание благочинный и миссионер ревностно подвизается в искоренении оного»[16]. Вскоре после этого Стефанова перевели обратно в г. Глазов.

О. Иосиф и вправду был миссионером ревностным. Он не останавливался перед необходимостью отбирать удмуртские святыни — воршуды (коробы с сакральными предметами), уничтожать языческие мольбища и кереметища, в которых, как он формулировал, язычники поклонялись «злому духу». О нем и его подчиненном, священнике-миссионере Петре Мышкине, рассказывали историю, похожую на житийную легенду, — о чудесном спасении от лютой смерти, которую готовили самоотверженным пастырям разъяренные язычники. Случай известен по текстам, вышедшим из-под пера других священников-миссионеров — Михаила Фармаковского и Степана Крекнина. Упоминал об этом в своей книге и П. Н. Луппов, ссылавшийся на Крекнина. Передавали, что инородческий миссионер Иосиф Стефанов в 1851 г. намеревался уничтожить святилище в той самой д. Вениж Глазовского уезда. Когда он отобрал воршуд, язычники схватили Стефанова и Мышкина, задумав их сжечь живьем. Уже запылали костры, как вдруг разразилась страшная гроза. Молния попала в дом «главного жреца», и злодеи, испугавшись, разбежались[17].

В 1845 г. обнаружилось, что в Малмыжском уезде Вятской губернии вотяки приносят жертвы скотом, птицей, хлебом, кумышкой «злому духу» как в полях, так и в «домашних чумах своих». Для производства следствия тогда привлекли опять же глазовского протоиерея Стефанова[18].

В своем рапорте от 28 декабря 1856 г. о. Иосиф докладывал епископу Вятскому и Слободскому Елпидифору, что в новокрещенских приходах Глазовского уезда вновь появились вотские (то есть удмуртские) «молитвенные капища», предназначенные «для богослужения по обрядам язычествующих вотяков». По его мнению, это происходило «от тайных противодействователей проповеди Слова Божия». Он сообщал, что всеми мерами постарался открыть таковых, при «нарочито усиленном навещении приходов». Интересно, что в докладе по этому делу уездного земского исправника губернатору сделана оговорка: «...вотские чумы, названные глазовским протоиереем Иосифом Стефановым молитвенными капищами». И сам губернатор, адресуя свои соображения епископу, повторял это уточнение: «...вотские чумы (называемые протоиереем Стефановым молитвенными капищами)»[19]. Заметно, что о. Иосиф предпочитал использовать совершенно определенную, жесткую лексику, рапортуя наверх о «капищах» (которые он решительно искоренял), в то время как местный полицейский чиновник сообщал всего лишь о «чумах», то есть шалашах. В итоге все обрядовые постройки были уничтожены до основания.

Таким был непреклонный пастырь-миссионер, посвятивший свое служение ратоборству со «злым духом». Он имел представление о традиционной удмуртской религии, но смотрел на обрядовую ее сторону очень пристрастно и, так сказать, функционально. Он искоренял, действуя пламенным словом и огнем.

---

[15] Там же. С. 32, прим. 2.

[16] Луппов П. Обозрение Вятской епархии епископом Нилом в 1836 г. Вятка, [1908]. (Отд. оттиск из № 31 «Вятских епархиальных ведомостей» за 1908 год). С. 10. Впрочем, по наблюдению историка М. А. Орлова, «к вятским миссионерам епископ Нил относился снисходительно» (Орлов М. А. Епископ Нил (Исакович) на Вятской земле) // Город на Вятке: история, культура, люди: мат. Всерос. науч. конф. Киров, 2024. С. 267.

[17] Фармаковский М., прот. Из отчета Глазовского миссионера за 1878 год // Вятские епархиальные ведомости. 1879. № 20 (16 окт.). Отд. духовно-литературный. С. 518–519; Крекнин С., свящ. Указ. соч. № 13. С. 663; К[рекни]н С. Протоиерей П. Евс. Мышкин // Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 23 (8 июня). Отд. неофиц. С. 817. См. также: Луппов П. Н. Христианство у вотяков... С. 277.

[18] ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 129. Д. 26. Л. 5 об.–6.

[19] ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 86. Д. 460 а. Л. 1, 4, 5 об.

«Любезные младенцы»

Сведения о том человеке, к которому о. Иосиф обращался в своем письме, — иеромонахе Вятского Успенского Свято-Трифонова монастыря о. Клименте, приведены в работе П. Н. Луппова, где говорится в основном о его переводческой деятельности. Впоследствии данные о нем были собраны и опубликованы в книге Е. В. Кустовой по истории этого монастыря.

В миру о. Климента звали Кириллом Кулевым. Ту же, довольно редкую на Вятке фамилию носил живший в 1830-х гг. в уездном г. Слободском «его благородие» Никанор Петрович Кулев, дядя семинариста Федора Пинегина. В их роду почти все были духовного звания[20]. О. Климент был вятчанин, родился около 1799 г., умер в 1853 г. В 1817 г. он завершил обучение в Вятском духовном училище, с 1820 г. служил священником, в том числе в Балезинском приходе Глазовского уезда, где обитало много удмуртов. В Балезине затем священствовал и его сын Михаил. Монахом Успенского Трифонова монастыря о. Климент был в 1845–1852 гг. По документам заметно, что он отличался своевольным нравом. Он интересовался удмуртами, а в одном из документов был охарактеризован как «достаточно знающий Вотский язык» (удмуртский). Он принимал участие в начатых Библейским обществом переводах Священного Писания на удмуртский. В 1846 г. его пригласили в качестве корректора печатного перевода Писания, который издавался в типографии Казанского университета, и он довольно долго находился в Казани. В сентябре 1852 г. о. Климент представил в Вятскую духовную консисторию подготовленный им перевод Евангелий от Луки и от Иоанна (правда, его рукопись так и не напечатали). А 12 июня 1848 г. он сообщал, что ему поручено одним протоиереем собрать сведения о вотяках, которых он, дескать, и прежде любил, и ныне почитает «яко братьев во Христе любезных младенцев», вот только из-за монашеских послушаний не может отлучаться по такому делу[21]. Это заявление сделано менее чем через месяц после получения письма от протоиерея Стефанова.

Выходит, что и отправитель письма, и адресат были ровесниками, служили (каждый в свое время) в Глазовском уезде, оба интересовались удмуртскими языческими обрядами, знали удмуртский язык и переводили на него православные богослужебные тексты. Похоже, что и по характеру они были кое в чем сходны — оба деятельные и пылкие. Вот разве что о. Иосиф Стефанов получал от начальства благодарности и награды за свои бурные, инициативные труды, а о. Климент Кулев чаще бывал порицаем за непокорство и дерзостность.

Интересно, что о. Климент, готовясь собирать сведения о верованиях и обрядах удмуртов, называл тех «младенцами». Восприятие инородцев и иноверцев как непросвещенных детей — традиция давняя, укорененная в христианстве. Примечательно, что «младенцев» (то есть детей и отроков) в давние времена и у простолюдинов, и среди высших сословий было принято содержать сурово, наказывать битьем за шалости и непослушание, а если уж обучать наукам и приличным манерам, то, как правило, без учета интересов и склонностей ребенка. В XVIII в. телесные наказания провинившимся церковнослужителям именовались «отеческими»[22]. При культивируемой христианской любви к подопечным правоверные наставники-миссионеры смотрели на них не иначе как сверху вниз. Они легко могли, ради спасения их душ, прибегать к разорению и уничтожению святынь. Это и проделывал о. Иосиф Стефанов.

Такое двойственное отношение (стремление поучать, просвещать, но при случае и пригрозить) для кого-то из наблюдателей и исследователей может обернуться своей твердой, неуступчивой стороной, и тогда представляется, будто христианизация даже в более или менее просвещенные времена (в середине и второй половине XIX в.) — это процесс насильственный, искоренявший самобытность, жестко направленный на обрусение. С другой стороны, можно обращать внимание на то, что прямого физического насилия уже почти не бывало, а центральное правительство и руководители на местах желали через крещение и обучение русскому языку приобщать подданных к достижениям цивилизации. Трудно понять, чем же это было на самом деле, если не учитывать такой настрой священников-миссионеров: коснеющие в невежестве язычники

[20] О Ф. Пинегине и его письмах см.: Коршунков В. А. Указ. соч. С. 170–189.

[21] Луппов П. Н. Христианство у вотяков… С. 218, 221–222; Кустова Е. В. История Вятского Успенского Трифонова монастыря. Вятка [Киров], 2012. Т. 1: История монастыря от основания до наших дней. С. 366, 373–374, 415–417, 475; 2012. Т. 2: Справочные материалы. С. 131–132.

[22] Лотоцкий А. И. На повороте. СПб., 1907. С. 37.

и полуязычники — «младенцы», наши младшие братья, их надо по-христиански любить, а потому следует просвещать светом истины и вести единственно верным путем к светлому будущему. Если ради благой цели необходимо применить давление, то так тому и быть. В конце концов, святые прошлых столетий сурово выкорчевывали языческие суеверия, а живший в XVI в. преподобный Трифон, вятский чудотворец, именем которого назван крупнейший в Вятском крае монастырь (в нем тогда пребывал о. Климент), согласно благочестивой легенде, срубил огромное дерево, которому поклонялись язычники. О. Иосиф действовал подобным же образом — решительно.

Примечательна позиция преосвященного Нила (Исаковича) — выдающегося пастыря, который в 1835–1838 гг. служил епископом Вятским и Слободским (и, как уже было отмечено, высоко ценил о. Иосифа). Затем он был переведен в Иркутск и там занимался христианизацией «диких племен» Восточной Сибири, после чего стал архиепископом в Ярославле. По признанию писателя Н. С. Лескова, именно Нил являлся прототипом того миссионера, что стал героем его рассказа «На краю света» (1875)[23]. Нилу были свойственны пытливость исследователя, страстность миссионера, высокая образованность, хорошее владение литературным слогом. Он сочувствовал тем «инородцам», кто, по его оценке, находился на грани выживания. При всем том в его «Путевых записках» есть показательный отрывок. Указывая на миссионерскую деятельность среди вятских удмуртов и марийцев, он риторически вопрошал: «Народ, лишенный всякого понятия о достоинстве человеческой природы, движимый лишь скотскими побуждениями, способен ли к принятию высоких истин христианского вероучения?» По его убеждению, «пора и номадам нашим начать исход, как из некоего Египта, из облежащего их мрака и идти вослед народов, а паче Православной Руси, к нравственному, умственному и материальному преспеянию»[24] («отсталые племена» тогда обычно причисляли к кочевникам — «номадам»). Значит, не только деятельные вятские священники считали, что с удмуртами нужно поступать строго, но также их руководитель — епископ Вятский и Слободской.

Капища, мольбища, керемети́ща

За пару месяцев до письма о. Иосифа Стефанова иеромонаху Клименту, в марте 1848 г., руководство Вятской епархии получило программу Русского географического общества, предусматривавшую сбор сведений об удмуртах. Задача была поручена двум протоиереям, «инородческим миссионерам» — тому самому Иосифу Стефанову из г. Глазова и Стефану Шубину из с. Дебессы. Шубин вскоре закончил работу, представив в ноябре в епархиальную консисторию свою рукопись «Сведения о вотяках Вятской губернии». В консистории сняли копию, а оригинал отослали в Петербург. Эти материалы впоследствии использовались историками и этнографами. Стефанов же затянул выполнение, отговариваясь загруженностью. Похоже, что полноценный отчет для Русского географического общества он так и не подготовил[25]. Однако теперь стало известно: он все же планировал собрать сведения, и порукой тому обнаруженное в архиве письмо его знакомцу — о. Клименту.

Среди прочего о. Иосиф в своем письме просил Климента разузнать подробнее о трех местах в г. Вятке и поблизости, причем делился собственными, весьма смелыми догадками. Он желал получить сведения «о колодце, бывшем пред Кафедральным Собором около кабака, который будто бы считался местопребыванием злого духа, лишь бы не Кереметя[26]; о событиях на том месте, где нынешняя свистопляска и где находится часовня — при спуске к перевозу возле публичного

[23] С указания на это начинался другой рассказ Лескова, написанный вслед за рассказом «На краю света», — «Владычный суд» (1876), см.: Лесков Н. С. Владычный суд: быль (из недавних воспоминаний) // Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. М., 1957. Т. 6. С. 88–89. О рассказе «На краю света» см.: Кучерская М., Лифшиц А. Лесков — миссионер // Лотмановский сборник. М., 2014. Т. 4. С. 382–391. В этой статье архиепископ Нил охарактеризован как «своего рода “идеальный миссионер” и, во всяком случае, человек неординарный» (Там же. С. 382). См. также: Мельникова С. К вопросу о прототипе главного героя рассказа Н. Лескова «На краю света» // Вопросы литературы. 2013. № 4. С. 451–462.

[24] Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII — начала XX века: путевые записки преосвященного архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича). Иркутск, 2018. С. 30, 161.

[25] Туранов А. А. Организация сбора сведений для Русского географического общества духовенством Вятской епархии в XIX в.// А. А. Спицын и историческое прошлое России: мат. Всерос. науч.-практич. конф. (Киров, 12 сент. 2016 г.). Киров, 2016. С. 75.

[26] Здесь «лишь бы» в смысле: едва ли не.

сада: это место также теперь признается гнездом злого духа; и о каком-то озере в лесу около Филейки ли, или около Халкидонова, куда ходят ныне вятчане с блинами, деньгами и тому подобным. Это также вотское мольбище»[27].

О. Климент, получивший это послание, вероятнее всего, подал его начальству, и потому оно оказалось на хранении в архивном фонде Вятской духовной консистории. Видимо, Климент надеялся, что консистория издаст указ о необходимости собрать удмуртские этнографические и лингвистические материалы. Однако дело не заладилось. Консистория направляла по епархии множество различных указов, в том числе по малозначительным поводам, но все же для нее непривычно было бы выискивать в губернском центре — при кабаке да «пред Кафедральным Собором» — обиталища языческого злого духа.

Итак, Стефанов утверждал, будто два места в центре г. Вятки и еще одно рядом с городом — это удмуртские языческие «мольбища», «кереметища». Почему он так решил, непонятно.

Рис. 1. Киров (Вятка), май 2023. Место в центре города, где в XVIII–XIX вв. располагался колодец и бассейн с водой. Фото В. А. Коршункова

Fig. 1. Kirov (Vyatka), May 2023. A place in the city center where the well and the pool of water were located in the 18th–19th centuries. Photo by V. A. Korshunkov

[27] ЦГАКО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 64. Л. 155–155 об.

В письме о. Иосифа упомянут колодец. Из этого колодца и устроенного при нем бассейна жители центральной части города черпали воду. В 1835 г. в Вятке имелось четыре публичных бассейна для водоснабжения[28]. Сохранился датированный 1802 г. рисунок семинариста П. А. Анисимова «Вид зданий с главной торговой площади в г. Вятка». Там, на противоположной от кафедрального Троицкого собора стороне площади, изображен колодец и перед ним обширный бассейн (заполнявшийся водою этого колодца), через который перекинут проезжий мост[29]. Значит, о. Иосиф полагал, что много столетий тому назад, до появления здесь православных русских людей, этот водный источник уже существовал и являлся частью удмуртского языческого святилища — кереметища. В наше время и следов колодца с бассейном не осталось. Сейчас там низина, на которой весной или после обильных дождей надолго остаются обширные лужи *(рис. 1).*

Еще одна достопримечательность — «какое-то озеро в лесу» — располагалась уже за пределами города, и сам о. Иосиф не знал точно, где именно. Он лишь указывал направление — на север, у сельца Халкидонова (сейчас Халкидоново среди городской застройки г. Кирова, это район площади Лепсе и улицы Лепсе), или же на окраине нынешнего Кирова, называемой Филейкой (по располагавшемуся там с. Филейскому)[30]. Известно, что в XVIII–XIX вв. это озерцо в труднодоступном болотистом месте называлось Нижним Потоком (либо просто Потоком или Потопом). Туда вятчане ходили для поклонения в середине лета, на Петров день (а кое-кто и в мае по старому стилю, при возвращении в город из паломничества в с. Великорецкое к месту явления иконы Николая Чудотворца). Люди оставляли у этого озерца предметы одежды, еду, деньги, они умывались и обливались водой ради избавления от болезней. В первой половине XVIII в. местные церковные власти, понуждаемые правительством, жестоко преследовали суеверов, приходивших туда с подношениями какому-то «богу». Обрядовые действия на Нижнем Потоке уже изучались, и у нас нет сведений, которые могли бы указывать на удмуртские языческие корни этого поклонения[31].

Впрочем, спустя более полувека после о. Иосифа, в 1910 г., член Вятской ученой архивной комиссии, преподаватель гимназии М. Г. Васильев опубликовал статью о сохранении памятников церковной старины. К тому времени он уже был автором очерков о священных местах, связанных с культом киреметов (кереметей) — опасных мифологических существ у марийцев и чувашей, а также о религиозных верованиях марийцев[32]. В статье 1910 г. среди прочего Васильев высказал догадку о происхождении обряда на Нижнем Потоке. Он полагал, будто там некогда было священное место нерусских жителей края, где они приносили жертвы Кереметю. А от них эти ритуальные действия заимствовались русскими[33]. Однако наблюдения за традиционной культурой жителей Поволжья и Урала показывают, что ритуальные манипуляции на Нижнем Потоке (например, «одаривание» воды либо ее сверхъестественных «хозяев») были распространены и у тогдашнего русского населения. Такие действия, конечно, не могут считаться канонически церковными, но вполне вписываются в известную ученым картину так называемого «народного православия»[34].

---

[28] Тинский А. Е. Планировка и застройка города Вятки в XVII–XIX веках. Киров, 1976. С. 138.

[29] Этот рисунок хорошо известен краеведам и местным ученым, его уже публиковали, см.: Луппов П. Н. История города Вятки. Киров, 1958. С. 157; Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1996. Т. 5: Архитектура / сост. А. Е. Тинский; ред. Н. В. Пересторонин. Вкладка между с. 128–129 (ил. 117).

[30] В начале XX в. слобода Халкидоново числилась в Щербининской волости Вятского уезда, и там располагалась архиерейская дача (Административно-территориальное деление Вятской губернии: 1905 год. Киров, 2012. С. 304). Хотя название Халкидоново в наше время вытеснено урбанонимом-советизмом Лепсе (от основанного неподалеку оттуда в 1941 г. крупного электромашиностроительного завода им. И. И. Лепсе), но в справочных книжках недавнего прошлого и на подробных схемах города это название еще указывается, см., например: Город Киров: краткая адресно-справочная книга-путеводитель по городу. Киров, 1989. С. 172.

[31] Коршунков В. А. Поклонялись ли вятчане в XVIII веке языческому богу Волосу? // Обретение святых. III Регион. церковно-науч. конф.: сб. науч. работ [г. Киров (Вятка). 23 окт. 2011 г.]. Киров, 2012. С. 81–87.

[32] Васильев М. О киреметах у чуваш и черемис // Известия по Казанской епархии, изд. при Казанской Духовной академии за 1904 г. Казань, 1904. С. 237–267; Он же. Религиозные верования черемис. Уфа, 1907.

[33] Васильев М. К вопросу о сохранении памятников церковной старины // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1910. Вып. 2–3. Приложение [перепечатано из № 24 «Вятских епархиальных ведомостей» за 1910 г.]. С. 12–13 (отд. пагинация).

[34] Коршунков В. А. Обряд на Нижнем Потоке и гипотеза вятского краеведа М. Г. Васильева: действительно ли аборигены-язычники повлияли на православных русских? // Вятская земля в пространстве исторической памяти (к 110-летию открытия Вятской ученой архивной комиссии): мат. Всерос. науч.-практ. конф., Киров, 11 нояб. 2014 г. Киров, 2014. С. 77–84.

«Гнездо злого духа»

Обратим внимание на место, которое обозначено о. Иосифом так: «где нынешняя свистопляска и где находится часовня — при спуске к перевозу возле публичного сада». Там, по его убеждению, находилось «гнездо злого духа».

Сейчас уже многое известно о праздновании Свистопляски и о старинной деревянной часовне Михаила Архангела в центре г. Вятки, на краю Раздерихинского оврага, где начинался этот разгульный праздник. Свистопляска (более позднее наименование — Свистунья) — календарный обряд весенне-летнего цикла, приуроченный к четвертой субботе после Пасхи. Рассказывали, что в старину, несколько веков назад, вятчане, осажденные врагами, призвали на помощь жителей Великого Устюга. Когда же те внезапно ночью появились под городскими укреплениями, вятчане приняли их за идущих на приступ врагов, вышли навстречу и перебили многих из своих союзников. А наутро повинились и раскаялись, затем поставили на месте погребения союзников-устюжан часовню и стали ежегодно их поминать. Празднование Свистопляски начиналось с панихиды по «убиенным устюжанам» при часовне Михаила Архангела, близ Александровского сада, у Раздерихинского оврага[35] (этот овраг о. Иосифом назван спуском к перевозу через р. Вятку *(рис. 2, 3, 4)*. В XIX в. это был центр города, примерно в полукилометре от кафедрального Троицкого собора (где находился тот самый колодец, тоже заинтересовавший о. Иосифа).

Рис. 2. Часовня Михаила Архангела у Раздерихинского оврага, в том месте, где некогда находилась скудельница (божедомка). В этой часовне проходила панихида по «убиенным устюжанам», с которой начиналось празднование Свистопляски. Старинная открытка
Fig. 2. Chapel of St. Michael the Archangel near the Razderikhinsky ravine, in the place where a potter's field once was. A memorial service for the "murdered Ustyug residents" was held in this chapel, which marked the beginning of the Svistoplyaska celebration. Old postcard

[35] ЦГАКО. Ф. 682. Оп. 1-а. Д. 149; Ф. 582. Оп. 24. Д. 492.

Рис. 3. Часовня Михаила Архангела, июнь 2019 г. Фото М. А. Маргарян
Fig. 3. Chapel of St. Michael the Archangel, June 2019. Photo by M. A. Margaryan

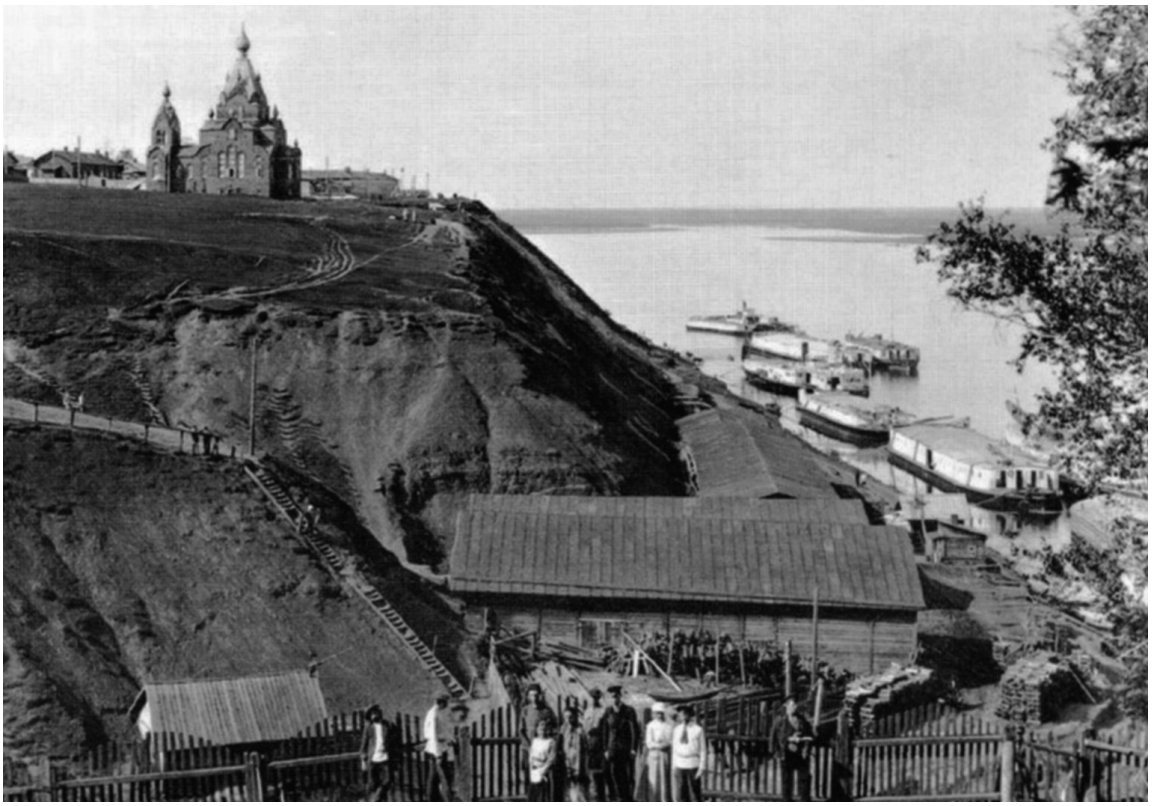

Рис. 4. Раздерихинский овраг, вид из Александровского сада. В этом месте проходило празднование Свистопляски и люди перебрасывались глиняными «шарышами». Старинная открытка
Fig. 4. Razderikhinsky ravine, a view from the Alexander's Garden. The Svistoplyaska celebration was held in this place, and people threw clay “balls” at each other. Old postcard

После панихиды по убиенным на протяжении нескольких дней по городу раздавался свист: звучали специально изготовленные к празднеству свистульки. Люди закупали десятки круглых глиняных «шарышей» и закидывали их в овраг *(рис. 5)*. Разворачивалась ярмарка: знаменитые глиняные дымковские игрушки изготавливались в заречной гончарной слободе Дымково как раз к Свистопляске[36]. Народ бурно веселился.

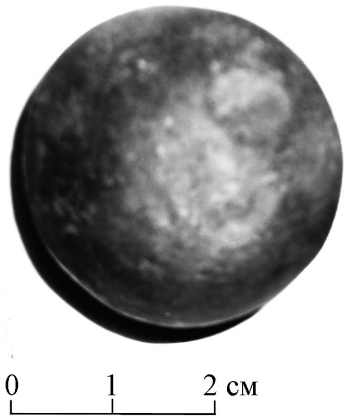

Рис. 5. Глиняный шарик («шарыш»), найденный при археологических раскопках в центре города Кирова (Вятки) в 2012 г. Фото А. О. Кайсина
Fig. 5. Clay ball (“sharysh”) found during archaeological excavations in the center of the city of Kirov (Vyatka) in 2012. Photo by A. O. Kaisin

Обрядовые действия на Свистопляске, в том виде, как она проводилась с начала XIX в. (о времени более раннем у нас нет достоверных сведений), выявлены и прослежены неплохо. Высказывалось немало гипотез о происхождении и значении этого обрядового действа (вплоть до вполне экзотической точки зрения К. Ю. Рахно, который в весеннем празднике, справлявшемся в XIX в. в губернском городе, стремился обнаружить следы славянского культа Перуна)[37]. Кажется, однако, что никто не смог привести аргументы в пользу того, что это место было некогда обиталищем какого-то бога удмуртов-язычников.

Из письма непонятно, кем и почему «это место также теперь признается гнездом злого духа». Похоже, так решил сам о. Иосиф. В тогдашнем обиходе «злым духом» (а также дьяволом, сатаной, шайтаном) применительно к языческим либо недавно крещеным народам Поволжья и Приуралья было принято именовать Кереметя (Керемета). Историк Г. Ф. Миллер в первой половине XVIII в. отмечал, что, согласно верованиям черемис (марийцев), кроме пребывающего на небе великого и благого бога, есть и «диавол, который жилище свое имеет в воде»[38]. В публиковавшейся несколько раз во второй половине XVIII в. компиляции М. Д. Чулкова «Абевега русских суеверий» о черемисах сказано: «Прародителем богов злых качеств почитают сатану (Шайтан), коего не собственным его называют именем, но словом Ио. Он живет, по мнению их, в воде и бывает особливо в самый полдень лих»[39]. Этот же текст, слово в слово, приведен у автора второй половины XVIII в., ученого

[36] О глиняных дымковских игрушках в их связи со Свистопляской см.: Богуславская И. Я. Дымковская игрушка. Л., 1988.
[37] Зеленин Д. Кама и Вятка: путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев: Тип. Эд. Бергмана, 1904. С. 145–148; Богуславская И. *Я.* О вятской Свистопляске // Советская этнография. 1988. № 2. С. 90–94; Гомаюнов С. А. Проблемы методологии местной истории. Киров, 1996. С. 114–116; Коршунков В. А. Свистопляска // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1998. Т. 8: Этнография, фольклор. С. 341–362; Он же. Вятская Свистопляска: от коммеморации к городскому празднику // Фольклор и антропология города. 2019. Т. 2, № 1–2. С. 346–359; Балыбердин А. О смыслах Вятской Свистуньи // Вятская книга. 2010 год: сб. ст. Киров, 2012. Вып. 3. С. 111–126; Рахно К. Ю. Новгородский прототип вятской Свистопляски // Зеленинские чтения: материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 12 нояб. 2013 г.). Киров, 2013. С. 125–129; Он же. Свистопляска і Ренкавка (глиняні вироби в традиційно-побутовій культурі як джерело формування національної ідентичності слов’янських народів). Полтава, 2013; и др.
[38] См.: История Марийского края в документах и материалах. Йошкар-Ола, 1992. Вып. 1: Эпоха феодализма. С. 446.
[39] [Чулков М.]. Абевега русских суеверий, идолопоклонническихъ жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч., сочиненная М. Ч. М., 1786. С. 127.

и путешественника И. Г. Георги[40]. Несомненно, что именно к суждению Миллера (отразившемуся и у Чулкова) восходит соответствующее предложение в очерке «Вотяки и черемисы», опубликованном в газете «Вятские губернские ведомости» в 1838 г. Считается, что этот не подписанный очерк принадлежит перу сосланного в г. Вятку А. И. Герцена. Характеризуя верования черемисов, Герцен заявлял: «Злой дух Шайтан живет в воде и бывает особенно зол в полдень»[41]. О вотяках Герцен тоже упоминал: мол, те верят «более в злого духа, который, по их мнению, самовластно управляет жизнию людей»[42]. Впоследствии, в книге «Былое и думы», Герцен, делая примечание о вотяках, заметил: «Диавол (шайтан) почитается наравне с богом»[43].

Празднество Свистопляски начиналось при часовне над Раздерихинским оврагом. Уже Д. К. Зеленин (1878–1954), знаменитый этнограф и уроженец Вятской губернии, отмечал, что в том месте некогда располагалась городская скудельница (иначе: божедомка, убогий дом) — место, где закапывали невостребованные трупы (или, в соответствии с введенным Зелениным в научный обиход местным вятским термином, «заложных» покойников)[44]. В 1990-х гг. при археологических наблюдениях над дорожными работами было установлено, что там располагались коллективные захоронения в больших ямах, почти без погребального инвентаря[45]. Едва ли это воинская братская могила, о которой повествуется в красочном вятском предании о происхождении Свистопляски, — скорее, и вправду похоже на скудельницу.

Очевидно, сложные отношения вятчан с обитателями Великого Устюга (и нередкие боевые столкновения, и переселение устюжан — например, в заречную слободу г. Вятки Дымково) дали толчок к созданию предания о побоище. Подобные предания связывались также с некоторыми иными часовнями и местами старинных коллективных захоронений в центральных уездах Вятской губернии (где жили те русские, которые, собственно, определяли себя в качестве «вятских»). А к месту в центре города у Раздерихинского оврага этот сюжет оказался приурочен потому, что там издавна закапывали «заложных» покойников, «убиенных» людей. И ежегодно служили по ним поминки.

В общем, как бы то ни было, но на удмуртское языческое святилище это совсем не походит.

Психологический перенос

Как теперь становится ясно, Свистопляска являлась не «пережитком язычества», а одним из приуроченных к православному календарю весенне-летних народно-православных обрядовых празднеств. Она открывалась у *часовни* Михаила Архангела *православной панихидой,* которую проводили *священники соседней* Пятницкой (Сретенской) *церкви.* Дата Свистопляски определялась по *пасхальному циклу.* Она до весьма позднего времени, вплоть до 1920-х гг., справлялась не где-нибудь в захолустье, а в региональной столице — городе, который был *центром наместничества, а потом губернии,* и где с 1657 г. располагалась *архиерейская кафедра.* У нас нет никаких данных, позволяющих предположить, будто все эти христианские элементы обрядности могли быть привнесены в ритуал, который изначально был языческим.

Значит, когда Иосиф Стефанов утверждал, будто там находилось «гнездо» языческого «злого духа», он тем самым конструировал очертания некоего архаического периода вятской истории. У него выходило, что и два других места неподалеку тоже оказывались языческими капищами. Язычество он проецировал на дорусское, аборигенное население — удмуртов, которым априори полагалось быть исконным населением этих мест. Именно с ними священник-миссионер,

---

[40] [Георги И. Г.]. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: творение, за несколько лет пред сим на немецком языке Иоганна Готтлиба Георги, в переводе на российский язык весьма во многом исправленное и в новь сочиненное: в четырех частях. СПб., 1799. Ч. 1: О народах финнского племени, известных по Истории Российской под общим именем руссов. С. 31.

[41] Вотяки и черемисы // Вятские губернские ведомости. Прибавление. 1838. № 3. Ч. неофиц. С. 14.

[42] Там же. С. 12.

[43] Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1956. Т. 8: Былое и думы. 1852–1868, ч. 1–3. С. 265. Прим. 1.

[44] Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью и русалки. М., 1995. С. 98, 131–132.

[45] Кошелева Е. А. О вятских скудельницах // Слободской и слобожане: мат. IV науч.-практ. конф. Слободской, 2001. С. 101–103.

много работавший над их христианским просвещением, соотносил те обряды, которые были, конечно, не вполне каноническими, однако народно-православными. Истоки причудливых обрядов и обычаев у русского населения, давно уже христианизированного, приписывались удмуртам. Так происходил психологически объяснимый перенос на «иных» этой проблемы, тревожной и неудобной для православного священника, который был стойким, суровым борцом за ортодоксию.

Суждения православных миссионеров об удмуртской народной традиции грешили односторонностью. Деятели Церкви интересовались преимущественно тем, чем им было сподручнее заниматься в их профессиональном служении, — всевозможными капищами, мольбищами, кереметищами. Характерно, что, указывая на пережитки традиционных верований у удмуртов и марийцев, они постоянно упоминали о неких «идолах», хотя больших скульптурных изображений языческих богов, по крайней мере, в XVIII и XIX вв., у тех не имелось. Очевидно, выбор такого слова был обусловлен распространенными православно-миссионерскими терминами «идолопоклонство», «идоложертвенный», которые восходят к византийским обличениям язычества с их пристрастным описанием средиземноморских верований и обрядов эпохи античности.

Удмурты священникам-миссионерам представлялись младенцами, которых надлежало воспитывать решительно и целенаправленно. Мнение же самих подопечных и надзираемых, условия их жизни, особенности мировосприятия в расчет не принимались. Именно в такой ситуации и стало возможным в 1892 г. официальное обвинение против группы крещеных (!) удмуртов из с. Старый Мултан Малмыжского уезда Вятской губернии, которых местные власти решили было уличить в человеческом жертвоприношении некоему языческому богу и чуть ли не ритуальном каннибализме[46].

А дохристианские святилища на территории г. Вятки (Кирова) не найдены. Их следы пока не выявляются ни археологическими, ни фольклорно-этнографическими, ни собственно историческими методами.

References

Balyberdin A. [On the Meanings of the Vyatka's "Svistunya"]. *Vyatskaya kniga. 2010 god* [Vyatka Book. 2010]. Kirov: Kirov. gos. univers. obl. nauch. b-ka im. A. I. Gertsena Publ., 2012, iss. 3, pp. 111–126. (In Russian).

Boguslavskaya I. Ya. [About the Vyatka's Svistoplyaska]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1988, no. 2, pp. 90–94. (In Russian).

Boguslavskaya I. Ya. *Dymkovskaya igrushka* [Dymkovo Toys]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR Publ., 1988. (In Russian).

Borodovsky V. N. [Did the Vyatka Center of Udmurt Paganism Exist?]. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoy rekonstruktsii* [Idnakar: Methods of Historical and Cultural Reconstruction], 2015, no. 4 (29), pp. 22–31. (In Russian).

Borodovsky V. N. [Where was the Great Kuala of the Udmurts?]. *Gertsenka: vyatskiye zapiski* [Herzenka: Vyatka Notes]. Kirov: [S. n.], 2015, vol. 27, pp. 132–140. (In Russian).

Entsiklopediya zemli Vyatskoy [Encyclopedia of the Vyatka Land]. Kirov: Obl. pisatel'skaya organizatsiya Publ., 1996, vol. 5. (In Russian).

Foteev G. V. [On the History of the Formation of Udmurt-Russian Ethnic and Cultural Relations]. *Materialy k ranney istorii naseleniya Udmurtii* [Materials on the Early History of the Population of Udmurtia]. Izhevsk: NII pri Sovete Ministrov Udmurtskoy ASSR Publ., 1978, pp. 68–91. (In Russian).

Gomayunov S. A. *Problemy metodologii mestnoy istorii* [Problems of Methodology of Local History]. Kirov: Vyat. gos. ped. un-t Publ., 1996. (In Russian).

Gussakovsky L. P. [From the History of Russian Vyatka]. *Evropeyskiy Sever v kul'turno-istoricheskom protsesse (k 625-letiyu goroda Kirova)* [The European North in the Cultural and Historical Process (To the 625th Anniversary of the City of Kirov)]. Kirov: Kirov. obl. tip. Publ., 1999, pp. 32–40. (In Russian).

Istoriya Mariyskogo kraya v dokumentakh i materialakh [History of the Mari Region in Documents and Materials]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1992, iss. 1. (In Russian).

[46] Подробнее см.: Коршунков В. А. Ветроум: странное, страшное, смешное в повседневной жизни русской провинции XVIII — начала XX века. М., 2021. С. 224–254.

Kochin G. A. ["He Did Not Retreat in the Face of Any Difficulties Or Obstacles...": The Fate of Archpriest Iosif Andreevich Stefanov (1799–1881)]. *Gertsenka: vyatskiye zapiski* [Herzenka: Vyatka Notes]. Kirov: [S. n.], 2023, iss. 43, pp. 42–57. (In Russian).

Korshunkov V. A. [Did the Vyatka People Worship the Pagan God Volos in the 18th Century?]. *Obreteniye svyatykh. III Regional'naya tserkovno-nauchnaya konf.* [Finding of Saints. 3rd Regional Church-Scientific Conf.]. Kirov: [Loban] Publ., 2012, pp. 81–87. (In Russian).

Korshunkov V. A. [Svistoplyaska]. *Entsiklopediya zemli Vyatskoy* [Encyclopedia of the Vyatka Land]. Kirov: Obl. pisatel'skaya organizatsiya Publ., 1998, vol. 8, pp. 341–362. (In Russian).

Korshunkov V. A. [The Ritual on the Nizhniy Potok and the Hypothesis of the Vyatka Local Historian M. G. Vasiliev: Did the Pagan Aborigines Really Influence the Orthodox Russians?]. *Vyatskaya zemlya v prostranstve istoricheskoy pamyati (k 110-letiyu otkrytiya Vyatskoy uchenoy arkhivnoy komissii): materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., Kirov, 11 noyab. 2014 g.* [Vyatka Land in the Space of Historical Memory (On the 110th Anniversary of the Opening of the Vyatka Scientific Archival Commission): Materials of the All-Russian Sci. In addition, Pract. Conf., Kirov, November 11, 2014]. Kirov: Gertsenka Publ., 2014. pp. 77–84. (In Russian).

Korshunkov V. A. [The Svistoplyaska of Vyatka: From a Commemoration to an Urban Festival]. *Fol'klor i antropologiya goroda* [Urban Folklore and Anthropology], 2019, vol. 2, no. 1–2, pp. 346–359. (In Russian).

Korshunkov V. A. *Vetroum: strannoye, strashnoye, smeshnoye v povsednevnoy zhizni russkoy provintsii XVIII — nachala XX veka* [Vetroum: the Strange, Scary, and Fanny in the Daily Life of the Russian Province from the 18th to the Early 20th Century]. Moscow: Redkaya ptitsa Publ., 2021. (In Russian).

Kosheleva E. A. [About the Vyatka skudelnitsas]. *Slobodskoy i slobozhane: materialy IV nauch.-praktich. konf.* [Slobodskoy and Slobozhane: Proceedings of the 4th Sci. And Pract. Conf.]. Slobodskoy: [S. n.], 2001, pp. 101–103. (In Russian).

Kucherskaya M., Lifshits A. [Leskov — A Missionary]. *Lotmanovskiy sbornik* [The Lotman Collection]. Moscow: OGI Publ., 2014, vol. 4, pp. 382–391. (In Russian).

Kustova E. V. *Istoriya Vyatskogo Uspenskogo Trifonova monastyrya* [History of the Vyatka Dormition Trifon's Monastery]. Vyatka [Kirov]: Bukvitsa Publ., 2012, vol. 1. (In Russian).

Kustova E. V. *Istoriya Vyatskogo Uspenskogo Trifonova monastyrya* [History of the Vyatka Dormition Trifon's Monastery]. Vyatka [Kirov]: Bukvitsa Publ., 2012, vol. 2. (In Russian).

Luppov P. N. *Istoriya goroda Vyatki* [History of the City of Vyatka]. Kirov: Kirov. kn. izd-vo Publ., 1958. (In Russian).

Melnikova S. [On the Question of the Prototype of the Main Character of N. Leskov's story "At the Edge of the World"]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 2013, no. 4, pp. 451–462. (In Russian).

Orlov M. A. [Bishop Nil (Isakovich) on the Vyatka Land]. *Gorod na Vyatke: istoriya, kul'tura, lyudi: materialy Vseros. nauch. konf.* [City on the Vyatka: History, Culture, People: Materials of the All-Russian Sci. Conf.]. Kirov: Kirov. gos. univers. obl. nauch. b-ka im. A. I. Gertsena Publ., 2024, pp. 265–270. (In Russian).

Rakhno K. Svystoplyaska i Renkavka (hlynyani vyroby v tradytsiyno-pobutoviy kul'turi yak dzherelo formuvannya natsional'noyi identychnosti slov"yans'kykh narodiv) [Svystoplyaska and Renkavka (Clay Products in Traditional Household Culture as a Source of Formation of National Identity of Slavic Peoples)]. Poltava: ASMI Publ., 2013. (In Ukrainian).

Rakhno K. Yu. [Novgorod Prototype of the Vyatka Svistoplyaska]. *Zeleninskiye chteniya: materialy Vseros. nauch. konf. (Kirov, 12 noyab. 2013 g.)* [Zelenin Readings: Materials of the All-Russian Sci. Conf. (Kirov, November 12, 2013)]. Kirov: Kirov. obl. nauch. b-ka im. A. I. Gertsena Publ., 2013, pp. 125–129. (In Russian).

Shumilov E. F. *Khristianstvo v Udmurtii. Tsivilizatsionnyye protsessy i khristianskoye iskusstvo: XVI — nachalo XX veka* [Christianity in Udmurtia. Civilization Processes and Christian Art: 16th — early 20th Centuries]. Izhevsk: Udmurtskiy un-t Publ., 2001. (In Russian).

Shutova N. I. [The Shrine of Gerbervos' (Gubervos') of the Northern (Glazov) Udmurts: Term Etymology, History, Location, Social Status]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2018, vol. 12, no. 2, pp. 129–152. (In Russian).

Shutova N. I. *Etnoterritorial'nyye gruppy udmurtov: obryady i verovaniya severnykh udmurtov* [Ethnic and Territorial Groups of the Udmurts: Rituals and Beliefs of the Northern Udmurts]. Izhevsk: Shelest Publ., 2018. (In Russian).

Tinsky A. E. *Planirovka i zastroyka goroda Vyatki v XVII–XIX vekakh* [Planning and Development of the City of Vyatka in the 17th–19th Centuries]. Kirov: Volgo-Vyat. kn. izd-vo, Kirov otd. Publ., 1976. (In Russian).

Turanov A. A. [Organization of Data Collection for the Russian Geographical Society by the Clergy of the Vyatka Diocese in the 19th Century]. *A. A. Spitsyn i istoricheskoye proshloye Rossii: materialy Vseros. nauch.-praktich. konf. (Kirov, 12 sent. 2016 g.)* [A. A. Spitsyn and the Historical Past of Russia: Materials of the All-Russian Sci. and Pract. Conf. (Kirov, September 12, 2016)]. Kirov: Gertsenka Publ., 2016, pp. 72–79. (In Russian).

Zakharov S. D. [Characteristics of L. P. Gussakovsky's Excavations on the Territory of the Khlynov Kremlin]. Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem (k 500-letiyu vkhozhdeniya v sostav Rossiyskogo gosudarstva): tezisy dokladov i soobshcheniy k nauch. konf. Kirov, 23–25 maya 1989 g. [Vyatka Land in the Past and Present (On the 500th Anniversary of Joining the Russian State): Abstracts and Reports for Sci. Conf. Kirov, May 23–25, 1989]. Kirov: KGPI Publ., 1989, pp. 17–19. (In Russian).

Zelenin D. K. *Izbrannyye trudy. Ocherki russkoy mifologii: umershiye neyestestvennoyu smert'yu i rusalki* [Selected Works. Essays on Russian Mythology: Those Who Died an Unnatural Death and Rusalkas]. Moscow: Indrik Publ., 1995. (In Russian).

Вятский край: территория и хозяйство

УДК 94(470.342)«17/18» DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-36-49

Белик Александр Анатольевич
кандидат культурологии, независимый исследователь (Россия, Санкт-Петербург)
ORCID: 0009-0000-8506-860X
E-mail:aleksandr.bellik@gmail.com

Торговые операции вятских купцов за пределами Вятского края (конец XVIII — первая половина XIX в.)

АННОТАЦИЯ. Статья рассматривает специфику коммуникаций вятского купечества в геокультурном и социокультурном контекстах. Эта тематика проанализирована в рамках синтеза исторического и культурологического подходов. Аграрный характер Вятского края позволил ему уже во второй половине XVII в. стать одним из основных хлебных рынков Российской империи. Делается вывод, что в выборе рынков сбыта вятское купечество опиралось на традиции и предпочитало доставлять свои товары туда, где ранее торговали их отцы и деды. Предприниматели северных и части центральных уездов (Вятского, Котельничского, Орловского и Слободского) ориентировались преимущественно на северные и западные губернии, предприниматели южных и части центральных уездов (Глазовского, Елабужского, Малмыжского, Нолинского и Сарапульского) — на южные и восточные. География торговых связей вятских купцов постепенно увеличивалась. Торговые операции вятских купцов за пределами Вятского края можно разделить на две группы — внутрироссийские и международные. На двух картах показаны направления внутренней и внешней торговли купцов, а также есть карта города Слободского. Все вывозимые вятскими купцами товары можно разделить на три группы. К первой относилась сельскохозяйственная продукция (говядина, свинина, хлеб), ко второй — переработанное сырье (железо, кожа, лен, лес, медь, пенька, поташ, сало), к третьей — промышленные товары (бумага, кожаные товары, меха, полотно, свечи, стекольные изделия). Основой торговли вятского купечества с другими губерниями были зерно, лес и полотно. За большие задатки купечеству в этом иногда помогали зажиточные крестьяне, объезжая многочисленные торжки и ярмарки и покупая товары у сельских жителей. В целом рассматриваемый период отмечен активными передвижениями купеческих товаров по направлению к Архангельскому порту. Внутрироссийская торговля через Архангельский и Санкт-Петербургский порты требовала от купцов умения приспосабливаться к ситуации и находить решение сложившихся экономических проблем. Самими купцами были выработаны три возможные варианта их решения, Екатерина II созвала для этого специальную комиссию, а местная администрация пыталась поддержать деловую репутацию купцов в глазах иностранцев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: повседневность купцов, хлебный рынок, помощь зажиточных крестьян, проекты смягчения последствий кризисов, иностранные партнеры, специальная комиссия Екатерины II

Для цитирования: Белик А. А. Торговые операции вятских купцов за пределами Вятского края (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3. № 4. С. 36–49. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-36-49

Поступила в редакцию 11.09.2024

Принята к публикации 17.12.2024

© Белик А. А., 2024

Vyatka Region: Territory and Economy

UDC 94(470.342)«17/18» DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-36-49

Aleksandr A. Belik
Candidate of Culturology, Independent Researcher (Russia, St.-Petersburg)
ORCID: 0009-0000-8506-860X
E-mail: aleksandr.bellik@gmail.com

Vyatka Merchants' Trading Operations outside of the Vyatka Region (Late 18th — First Half of the 19th Centuries)

ABSTRACT. The article examines the specifics of communications of the Vyatka merchants in the geocultural and sociocultural contexts. This topic is analyzed within the framework of the synthesis of historical and cultural approaches. The agrarian character of the Vyatka region allowed it to become one of the main grain markets of the Russian Empire already in the second half of the 17th century. It is concluded that in choosing markets, the Vyatka merchants relied on traditions and preferred to deliver their goods to where their fathers and grandfathers had previously traded. So entrepreneurs of the northern and part of the central uyezds (Vyatka, Kotelnichsky, Orlovsky and Slobodsky) focused mainly on the northern and western provinces, entrepreneurs of the southern and part of the central counties (Glazovsky, Yelabuga, Malmyzhsky, Nolinsky and Sarapulsky) — on the southern and eastern ones. The geography of the Vyatka merchants' trade relations gradually increased. The trading operations of the Vyatka merchants outside the Vyatka region can be divided into two groups: domestic and international. Two maps show the directions of the merchants' domestic and foreign trade, and there is also a map of the city of Slobodskoy. All goods exported by the Vyatka merchants can be divided into three groups. The first included agricultural products (beef, pork, bread), the second – processed raw materials (iron, leather, flax, timber, copper, hemp, potash, lard), the third – industrial goods (paper, leather goods, furs, linen, candles, glass products). The basis of trade between the Vyatka merchants and other provinces was grain, timber and linen. For large deposits, wealthy peasants sometimes helped the merchants in this, traveling around numerous torzhky and fairs and buying goods from rural residents. In general, the period under review was marked by active movements of merchant goods towards the port of Arkhangelsk. Domestic Russian trade through the Arkhangelsk and St. Petersburg ports required from merchants adapting to the situation and finding solutions to the current economic problems. The merchants themselves worked out 3 possible solutions, Catherine II convened a special commission for this, and the local administration tried to maintain the merchants' business reputation in the foreigners' eyes.

KEYWORDS: merchants' everyday life, bread market, wealthy peasants' help, projects to mitigate the consequences of crises, foreign partners, Catherine II special commission

For citation: Belik A. A. [Vyatka Merchants' Trading Operations outside of the Vyatka Region (Late 18th — First Half of the 19th Centuries)]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2024, vol. 3, no. 4, pp. 36–49. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-36-49 (In Russian).

Received 11 September 2024

Accepted 17 December 2024

© 2024 The Author

В настоящее время созданы предпосылки для изучения повседневности различных регионов России как историко-культурных ареалов, дающих конкретный материал для широких концептуальных обобщений. В этом смысле обращение к аспектам профессиональной повседневной деятельности вятского купечества конца XVIII — первой половины XIX в. вписывается в проблематику, связанную с культурологией повседневности как на уровне теории вопроса, так и в аспекте регионалистики. Анализ торговых операций вятского купечества конца XVIII — первой половины XIX в. позволит не только наметить новые проблемы, но и пересмотреть уже традиционные, такие как соотношение традиций и новаций в проведении логистических операций и поиске рынков сбыта, поиск способов смягчения последствий кризисных явлений, взаимовлияние прямых и косвенных методов регулирования некоторых экономических процессов со стороны государства.

Внимание к профессиональной повседневной деятельности провинциальных, в том числе вятских, купцов обостряется и на фоне современных процессов продолжения формирования новых форм собственности, связанных с накоплением частных капиталов с помощью ведения торговли внутри страны: для вятского купечества конца XVIII — первой половины XIX в. это было расширение отношений с Нижним Новгородом, Оренбургским краем, продолжение сбыта товаров через порты в Архангельске и Санкт-Петербурге.

Попытка понять процессы, происходящие в современности, обращают к опыту прошлого еще и потому, что торговые операции проводились купцами в условиях континентальной блокады.

Несмотря на то, что содержание и структура повседневности, в том числе проведение купцами торговых операций, сформировались как результат синтеза различных наук, они первоначально рассматривались в рамках исторического и культурологического подходов. Что касается исторического подхода, ведущими специалистами в этой теме является М. С. Судовиков[1], а также Ю. Р. Клокман, А. И. Куприянов, П. Г. Рындзюнский[2]. Основная масса научных работ посвящена экономической составляющей этой сферы, причем акцент делается на освещение хода торговых операций, тогда как фактор культурной коммуникации практически игнорируется или затрагивается вскользь.

Практически не изученной на данный момент остается роль профессиональной сферы повседневности российского провинциального купечества в формировании культуры быта отдельных регионов. Профессиональную деятельность российских предпринимателей конца XVIII — первой половины XIX в. в настоящее время изучают и зарубежные авторы, в частности А. Рибер и Т. Оуэн, причем основное внимание они уделяют реализации в ней правовой базы того времени[3].

В рамках культурологического подхода изучение повседневности купечества как системного явления становится целью ряда диссертационных исследований[4]. В то же время в рамках культурологического подхода недостаточное внимание уделяется конкретной реализации разработанных на данный момент теоретических положений, их проявлению в более узких сферах.

Синтез этих двух подходов при анализе межрегиональной торговли вятских купцов (в ареале Русского Севера) представлен в работах В. А. Коршункова. Исследование дорожной традиции — «это условия, обстоятельства, ситуации, которыми сопровождались сухопутные перемещения на дальние расстояния и которые воздействовали на людей, во многом определяя их повседневное поведение… В центр исследования помещаются не глобальные историко-экономические тренды, а люди, оказавшиеся в неких обстоятельствах и вынужденные выстраивать свое поведение (в т. ч. экономическое), преодолевая их или приспосабливаясь к ним»[5].

---

[1] См.: Судовиков М. С. Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII — начале XX в. Киров, 2009. 342 с.; Он же. Купечество Вятского края: от истоков до 1917 года. Киров, 2018. 468 с.

[2] Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967. С. 99; Куприянов А. И. Представление о труде и богатстве русского купечества дореформенной эпохи // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. М., 1996. С. 89–90; Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 86–87.

[3] См.: Rieber A. J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982; Owen T. C. The Corporation under Russian Law, 1800–1917. A study in Tsarist Economic Policy. Cambridge; New York, 1991. P. 1–2.

[4] Резонова В. М. Предпринимательская деятельность купечества России в историко-культурном контексте XVIII — начале XX в.: автореф. дис. …канд. культурологических наук: 24.00.01. Саранск, 2005; Козырьков В. П. Духовные основы социокультурной динамики обыденной жизни: теоретический анализ: автореф. дис. … д-ра соц. наук. СПб., 1999.

[5] Коршунков В. А. Путь к Белому морю в XIX веке. Статья 1: Состояние дорог и условия перевозок // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т 23, № 2. С. 5–13; Он же. Путь к Белому морю в XIX веке. Статья 2: Торговые перевозки по сухопутным дорогам // Там же. 2023. Т. 23, № 3. С. 5–12.

Задача данной статьи — продолжить рассмотрение специфики коммуникаций вятского купечества в геокультурном и социокультурном контекстах, используя синтез исторического и культурологического подходов. Для этого помимо архивных источников из центральных и регионального архивов при написании статьи привлекалась разная по форме информация, которая содержится в массовой печати XIX в. Периодическое издание в Вятском крае возникло лишь в 1838 г. — это газета «Вятские губернские ведомости». В ней содержится обширная информация о повседневности местного купечества, анализируются причины упадка внешней торговли вятских купцов, дается описание купеческих пристаней, содержатся сведения о торговле в уездных городах Вятской губернии.

Иллюстративный материал, касающийся повседневной профессиональной деятельности вятских купцов указанного периода, был обнаружен в Кировском областном краеведческом музее (КОМК, 29824, 30633, 31999). Это чертежи торговых мест, соляных и винных магазинов, а также план г. Слободского с участками земли, купленной купцами этого города для сельскохозяйственных, торговых и промышленных целей *(см. цв. вклейку, рис. 1)*.

Торговые операции вятских купцов за пределами Вятского края можно разделить на две группы: внутрироссийские и международные. Для осуществления такой торговли вятские купцы должны были организовать скупку продукции внутри Вятской губернии, выбрать место доставки груза и решить проблему транспортировки товара. Все это требовало дополнительных денежных затрат, поэтому данный вид торговли экономически, да и законодательно, был под силу только купцам первой и второй гильдий. Однако положительной стороной «торговли на дальние расстояния», как отмечал французский историк Ф. Бродель, было «ограничение контроля за... деятельностью» предпринимателя и, как правило, «получение больших прибылей за короткий срок»[6].

Перед тем, как ехать в другие губернии, местные купцы внутри Вятского края осуществляли оптовую скупку товара. Обычно это происходило осенью, когда крестьяне собирали урожай. Так, котельничские купцы осенью производили по всей округе массовые закупки ржи, льна, овса. За большие задатки купечеству в этом иногда помогали зажиточные крестьяне, объезжая многочисленные торжки и ярмарки и покупая товары у сельских жителей.

Купечество стремилось приобрести большую часть урожая зерна до зимы, чтобы получить прибыль. В начале XIX в. местные купцы сдерживали рост цен на хлеб в уездах Вятской губернии. В результате зерно было скуплено крупными купцами, а оставшийся излишек по высоким ценам поступил в г. Вятку. Вятский губернатор безрезультатно пытался изменить положение, установив пределы скупаемого зерна для вывоза его в г. Архангельск[7].

Все вывозимые вятскими купцами товары можно разделить на три группы. К первой относилась сельскохозяйственная продукция (говядина, свинина, хлеб разных видов, скупаемый на местных торгах), ко второй — переработанное сырье (железо, кожа, лен, лес, медь, пенька, поташ, сало), к третьей — промышленные товары (бумага, кожаные товары, меха, полотно, свечи, стекольные изделия).

Основой торговли вятского купечества с другими губерниями были зерно, лес и полотно. Аграрный характер Вятского края позволил ему уже во второй половине XVII в. стать одним из основных хлебных рынков Российской империи. Как отмечает отечественный исследователь В. И. Буганов, «по Каме, Волге и Оке вятское зерно поступало в центральные города, в том числе в Москву»[8]. К середине XIX в. хлеб из губернии ежегодно вывозился на общую сумму 1 млн руб. серебром.

Помимо хлеба из Вятского края в другие губернии осуществлялись крупные поставки леса и полотна, каждая на сумму свыше 200 тыс. руб. серебром[9].

В выборе рынков сбыта вятское купечество опиралось на традиции и предпочитало доставлять свои товары туда, где ранее торговали их отцы и деды. Предприниматели северных и части центральных уездов (Вятского, Котельничского, Орловского и Слободского) ориентировались

---

[6] Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 59.

[7] РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 37. Л. 104.

[8] Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России: социально-экономические проблемы. М., 1980. С. 225.

[9] Военно-статистическое обозрение Российской империи / Изд. по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Ген. Штаба. СПб., 1850. Т. 2. Ч. 4. С. 92.

преимущественно на северные и западные губернии, предприниматели южных и части центральных уездов (Глазовского, Елабужского, Малмыжского, Нолинского и Сарапульского) — на южные и восточные. Например, как отмечали современники, купцы везли товары к Архангельскому порту в силу «наследственной привычки»[10]. Купец же К. Клепиков заметил, что «даже у молодых купцов есть представление о том, что Архангельск — самое прибыльное дело»[11]. Торговлю с г. Оренбургом вели преимущественно купцы южных уездов — Глазовского, Елабужского, Сарапульского[12], а также предприниматели г. Слободского[13]. Глазовские и елабужские купцы, помимо этого, вели активную торговлю с Астраханским и Пермским краями. Такой подход был характерен и для купцов других губерний. Так, калужское купечество на протяжении длительного периода предпочитало торговать в Рижском и Санкт-Петербургском портах[14].

География торговых связей вятских купцов постепенно увеличивалась. Так, в 1764 г. в г. Вятке торговлю с другими регионами осуществляли десять купцов первой и второй гильдий. Из них пять человек отправляли товары к г. Архангельску: трое — до г. Астрахани, один — в Сибирь, один — в г. Оренбург[15]. К концу XVIII — первой половине XIX в. вятское купечество имело крайне разветвленные связи со многими регионами России. Местные купцы поставляли товары в Архангельский, Астраханский, Казанский, Московский, Нижегородский, Пермский, Оренбурский, Санкт-Петербургский и другие края *(рис. 1)*.

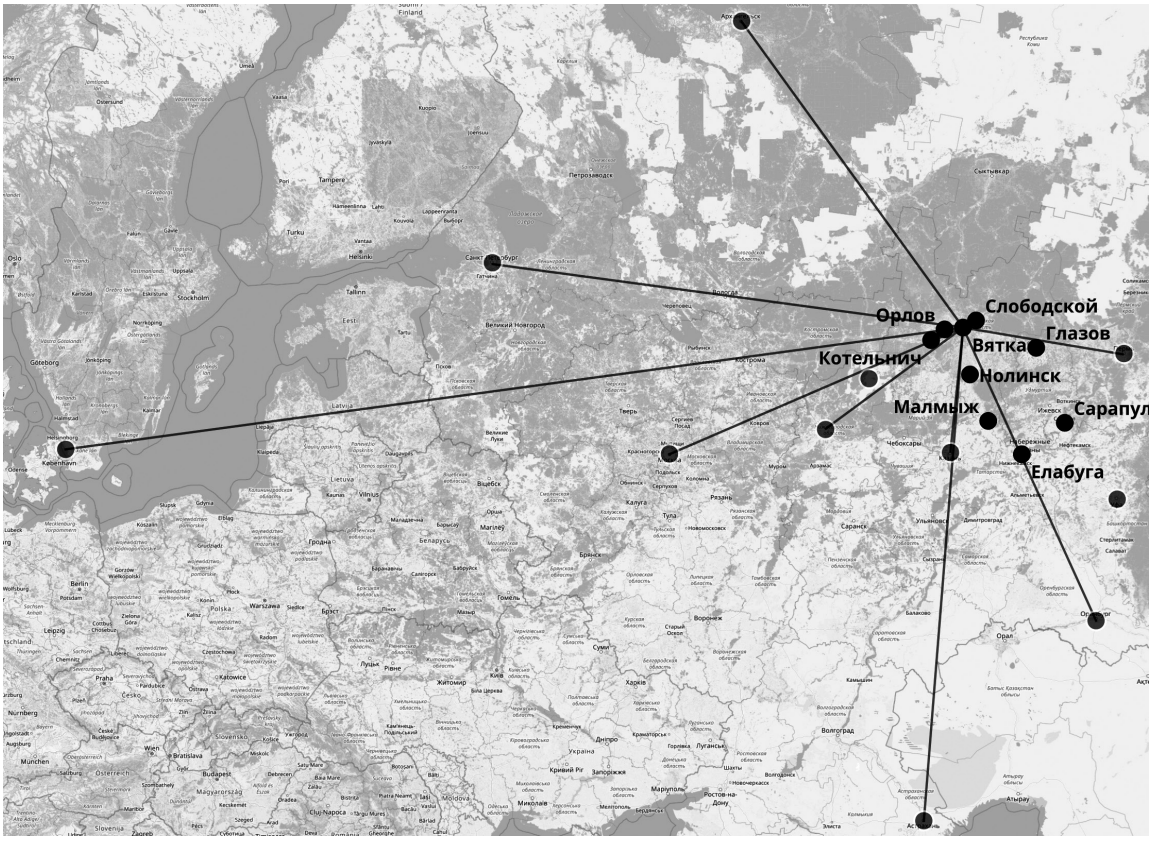

Рис. 1. Направления торговли купцов города Вятки
Fig. 1. Directions of trade of the merchants of the city of Vyatka

[10] Вятские губернские ведомости. 1838. № 6. С. 28.
[11] Клепиков К. И. Записки вятского старожила. Вятка, 1899. С. 13–14.
[12] ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 6. Д. 292. Л. 6, 7, 10.
[13] Там же. Л. 9.
[14] Хомутова О. Ю. Калужское купечество в первой половине XIX в.: источники формирования и структура торговых операций // Экономическая история: ежегодник. 2003. Т. 2002. С. 111–154.
[15] См.: РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/12.

Традиционными местами торговли вятских купцов за пределами Вятского края были города Архангельск, Петербург и Астрахань[16]. Также небольшая доля товаров отправлялась на Нижегородскую ярмарку. Так, при посещении в 1824 году г. Вятки императором Александром I последний спросил купцов о предпочтениях в торговле с другими губерниями. На это местные предприниматели П. Аршаулов, И. Колошин, Е. Хохряков и другие ответили, что «вятское купечество ведет довольно значительную торговлю с Архангельском, особливо хлебом». Потом император спросил, «кто ездит для торга на Нижегородскую ярмарку». Присутствовавшие указали на купца Е. П. Хохрякова. Тогда, обратившись к нему, Александр I сказал: «Я велел уменьшить плату за лавки на ярмарке для обеспечения торговли…»[17]

Место сбыта могло варьироваться в зависимости от времени года. Котельничские купцы незадолго до Рождества или после него поставляли в Санкт-Петербург, Москву, Урень и города Вятского края говядину, масло, свинину, сало. Эти товары могли быть отправлены и летом[18]. Глазовские купцы в зимние месяцы поставляли сельскохозяйственную продукцию в города Пермь и Слободской[19]. Елабужские купцы вывозили свои товары на пристани Уфимского края[20]. В летние месяцы большая часть вятского купечества отправляла товары на Нижегородскую ярмарку[21].

Одним из самых тяжелых этапов торговых операций была доставка товаров к местам сбыта. Перевозя товар, предприниматель подвергался большому риску. Во-первых, это было вызвано неудовлетворительным состоянием вятских дорог, из которых в середине XIX в. относительно пригодными для грузоперевозок были две: первая вела от городов Вятки и Слободского к Ношульской пристани (Вологодская губерния), вторая — Устюжская[22]. Но и эти дороги из-за болотистости почвы и разлива рек были более пригодными для передвижений в зимнее время, хотя и тогда они обыкновенно были покрыты глубокими выбоинами. Прочие дороги были еще хуже. Такое состояние дорог характеризовало не только Вятскую губернию, но и всю Россию. В 1814 г. «главноуправляющий» дорогами сообщал, что даже под г. Санкт-Петербургом дороги находились «в жалком состоянии»[23].

Кроме того, по воспоминаниям вятского купца К. Клепикова, «вятские торговцы ездили в Казань и Нижегородскую ярмарку транспортом по нескольку повозок на переменных и протяжных лошадях, не отставая один от другого, боясь грабежа, вооруженные ружьями и пистолетами (с оборoной, как выражались)…»[24]. Это было особенностью торговой деятельности Вятского края, так как в первой половине XIX в. значительная часть провинциального купечества первой и второй гильдий в торговых делах не стремилась к совместной деятельности. Как отмечает отечественный исследователь Б. Н. Миронов, тогда как «иностранцы часто работали фирмами… русские действовали поодиночке»[25].

Наконец, цены на перевоз товаров имели тенденцию каждый год заметно меняться. Извозом в зимнее время чаще всего занимались крестьяне, так как в этот сезон они не были заняты на полевых работах. Цены за доставку грузов в зависимости от товарооборота могли колебаться от 5 до 50 коп. серебром с каждого пуда товара[26]. Доставка по воде могла обойтись соответственно от 20 до 50 коп. серебром[27].

В Архангельский порт вятское купечество доставляло свои грузы «волоком на протяжении 180 верст» (192,1 км) до пристаней, расположенных на реках Лузе и Юг (Вологодская губ.); далее

---

[16] Судовиков М. С. К истории русско-шведских торговых связей во второй половине XVIII — начале XIX в. // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. (К 210-летию А. Л. Витберга). Материалы междунар. науч. симп. Киров, 1997. С. 210–211.

[17] Столетие Вятской губернии. Сборник материалов к истории Вятского края. 1780–1880: В 2-х т. Вятка, 1880. Т. II. С. 827.

[18] Глушков И. Е. Котельнич. XIX век. Топографо-статистическое и этнографическое описание г. Котельнича. Исторический очерк. Котельнич, 1999. С. 27.

[19] ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 84. Л. 26.

[20] Там же. Л. 172–173.

[21] См.: Глушков И. Е. Указ. соч. С. 27; ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 84; Ф. 574. Оп. 1. Д. 1.

[22] Военно-статистическое обозрение Российской империи… С. 39.

[23] Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. СПб., 1909. С. 61–62.

[24] Вятские губернские ведомости. 1899. № 65 (неоф.). С. 3.

[25] Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 167.

[26] Военно-статистическое обозрение Российской империи… С. 40.

[27] Там же. С. 92; ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 84. Л. 33–34об, 110–119, 136–155об.

товары сплавлялись по реке Северная Двина до города Архангельска. Несмотря на это, в первой половине XIX в. заметно увеличилось число купцов, торгующих с Архангельским портом. В 1806 г. там торговали состоятельные купцы городов Вятки и Орлова. Из вятских — это купцы первой гильдии Иван Аршаулов, Федор Машковцев, второй гильдии — Афанасий Караваев, Василий Рязанцев, Иван Хохряков, Павел Хохряков; из орловских купцов первой гильдии — это Иван Петрович Синцов, второй гильдии — Егор Булычев, Никифор Булычев, Феоктист Изергин, Иван Иванович Синцов[28]. Котельничские купцы при переходе в первую и вторую гильдии стремились отправлять свои товары в Архангельский порт[29].

В первой половине XIX в. по инициативе вятского купечества были организованы четыре новые пристани, являвшиеся промежуточными звеньями на пути к городу Архангельску. К концу 1850-х гг. на реках Луза и Юг насчитывалось пять крупных пристаней, откуда в весеннее время начинали сплав товаров вятские купцы.

На реке Лузе на пути следования к г. Архангельску к середине XIX в. находилось четыре пристани — Ношульская, Быковская, Вагановская и Микулинская. Наиболее древняя пристань носила название Ношульской. По направлению к ней по Ношульской дороге передвигались предприниматели городов Вятки и Слободского. Она располагалась на правом берегу реки Лузы и представляла собой ряд купеческих амбаров, построенных близко друг к другу. Иногда амбары, способные хранить до 3 млн пудов товара, затоплялись в половодье, как это случилось в 1852 и 1853 гг.

Следующая пристань была построена в 1818 г. ниже Ношуля на 350 верст, на правом берегу реки Лузы, и получила название Быковской, или Алексеевской. Причиной ее появления стала потребность вятских купцов миновать опасный участок плавания на реке Лузе. Кроме того, корабли туда могли выходить сразу после схода льда. С просьбой об организации этой пристани к императору обратились купцы городов Вятки, Орлова и Слободского. С высочайшего позволения через лес к реке Лузе за счет купцов было разрешено построить дорогу длиной в 110 верст[30]. В итоге была сделана лишь лесная тропинка, по которой едва могла пройти одна лошадь с санями, в результате чего на Быковскую пристань невозможно было попасть[31]. Пристань находились в юрисдикции Вологодской губернии, однако здесь грузились только вятские купцы, поэтому администрация губернии не была заинтересована в ее обустройстве.

На реке Лузе за счет вятских купцов были организованы еще две пристани. Вагановская пристань была оборудована купцом Вагановым на правом берегу реки. На ней располагались один деревянный амбар с купеческой конторой и изба для рабочих. Другая пристань была образована купцом Микулиным на левом берегу Лузы. В 1849 г. купец расположил там свои товары. Место оказалось удобным, и предприниматель решил организовать постоянную погрузку своих товаров. Микулинская пристань представляла собой ряд временных сараев, покрытых рогожей. Примеру этих купцов последовало еще несколько предпринимателей. Они строили на берегах Лузы временные сооружения для хранения товаров[32].

На правом берегу реки Юг, около села Подосиновского по направлению к городу Архангельску, располагалась Подосиновская пристань. Она была образована в 1815 г. никольским купцом первой гильдии Яковом Грибановым. К середине XIX в. пристань представляла собой ряд купеческих амбаров по обоим берегам реки. Сюда свозили товары купцы из близлежащих городов — Котельнича и Орлова. Здесь товары хранились до наступления весны. Лишь после ледохода предприниматели сплавляли их по рекам Юг и Северная Двина до г. Архангельска[33]. При амбарах располагались конторы предпринимателей[34].

Создание новых пристаней повлекло за собой необходимость поиска более надежных путей для доставки товара до Архангельского порта. Тем более что помимо переправки через пристани личных грузов вятские купцы могли тем же путем перевозить и грузы государственные. Так, в 1780 г. вятским

[28] ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 170. Л. 6.
[29] Глушков И. Е. Указ. соч. С. 26–27.
[30] См.: Вятские губернские ведомости. 1859. № 13.
[31] Военно-статистическое обозрение Российской империи… С. 91.
[32] См.: Вятские губернские ведомости. 1859. № 13, 14.
[33] Глушков И. Е. Указ. соч. С. 26–27.
[34] См.: Вятские губернские ведомости. 1859. № 15.

купцам было дано государственное задание доставить 7810 четвертей ржаной муки к Архангельскому порту. При этом за транспортировку каждой четверти муки было обещано по 1 руб. 65 коп.[35]

Иной раз между купцами и представителями власти возникали трения. Вызвано это было невыполнением купцами взятых на себя обязательств. Так, в 1811 г. купцам Булычеву, Рязанцевым, Синцову вятский губернатор напомнил о данных ими подписках продавать часть товара по заниженной цене для бедных и неимущих жителей Архангельской губернии. Однако купцы тянули с выполнением данного обязательства. Только после угрозы запретить «заморский торг» началась продажа ими товара «в общенародное продовольствие»[36].

В 1848 г. вятские купцы сообщали о невозможности выполнить в срок условия контракта по доставке муки, крупы и овса в качестве провианта для служащих Архангельского порта. Причиной стало обмеление рек Луза и Юг. На пристанях в ожидании «большой воды» находились крупные купцы городов Вятки, Орлова и Слободского — Петр Гусев, Иван Суятин, Платон Репин, Александр Пыхтеев, Яков Прозоров, Прокофий Микулин. Вятский губернатор, узнав об этом, просил купцов постараться переправить товар в срок, указанный в контракте[37].

В целом рассматриваемый период отмечен активными передвижениями купеческих товаров по направлению к Архангельскому порту. Однако все чаще в нем стали наблюдаться периоды упадка торговли. В 1788 г. по указу императрицы Екатерины II была собрана специальная комиссия для расследования причин этого явления. В ее состав вошли видные деятели того времени граф Миних, граф А. Р. Воронцов, Фон Клингштет. В ходе работы комиссия пришла к выводу, что виной тому было «несоответствие продаж»: отечественные купцы продавали иностранным предпринимателям товара больше, чем в свою очередь закупали у них. Императрице было предложено отрегулировать объем продаж, в том числе путем введения запретов на некоторые виды товаров, идущих как на экспорт, так и на импорт[38].

Между тем ситуация в Архангельском порту в XVIII — первой половине XIX в. периодически ухудшалась. Так, в 1837 г. в Архангельском порту были замечены «остановка в продаже товаров и недостаток наличных денег». Это привело к тому, что «торговцы потерпели значительные убытки от торговли паклей, льняным семенем, поташем и салом. Одна ржаная мука и хлебные припасы проданы были с выгодою, и то для внутреннего потребления»[39].

Каждый раз в период подобных кризисов в вятской купеческой среде поднимался вопрос о целесообразности внешней торговли[40]. К середине XIX в. купечество Вятского края выработало три варианта решения проблемы. Первый из них предполагал присоединение части Вологодской губернии с главными — Быковской и Ношульской — пристанями к территории Вятского края.

В 1830-х гг. главными сторонниками такого подхода являлись купцы первой гильдии Василий Аршаулов и Александр Суятин. По их мнению, обозначенная местность была значительно удалена от центра Вологодской губернии, что осложняло местным властям контроль над ней. В случае передачи данной территории Вятскому краю состоянием пристани и прилегающими к ней дорогами согласны были заниматься вятские купцы.

В 1837 г. вятский губернатор по просьбе местного купечества обратился к министру внутренних дел с просьбой присоединить пристани с прилежащей волостью к Вятской губернии[41]. Однако это прошение было удовлетворено лишь частично: Ношульская пристань по-прежнему осталась в ведении Вологодской губернии.

Однако купцы не сдавались. Так, Василий Аршаулов в конце 1830-х гг. продолжал доказывать финансовую выгоду торговли в Архангельском порту для местного купечества. В 1838 г. в официальной газете «Вятские губернские ведомости» была опубликована статья купца «Общие замечания о торговле», где Аршаулов делает вывод о временном характере кризиса сбыта в Архангельском порту. Причиной его купец называл экономический кризис, охвативший Америку

[35] РГАДА. Ф. 817. Оп. 1. Д. 929. Л. 1.
[36] См.: ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 6. Д. 1006.
[37] См.: Там же. Оп. 36. Д. 231.
[38] См.: РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 40.
[39] Вятские губернские ведомости. 1838. № 1 (неоф.). С. 3.
[40] Там же. 1845. № 13 (неоф.). С. 90.
[41] ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 50. Д. 26. Л. 1–1об.

и Великобританию в середине 30-х годов XIX в.[42] По мнению купца, кризис в скором времени будет преодолен и порт продолжит свою работу на прежнем уровне.

Дело о переводе пристаней в ведение вятских купцов вновь было поднято в 1845 г. К тому времени купец Арашулов умер, а Суятин перешел в разряд мещан. Продолжателями их дела на данном этапе стали представители купеческих семейств Машковцевых, Митягиных, Прозоровых, Репиных, Рязанцевых. В случае передачи части территории Вологодской губернии к Вятской предприниматели брали на себя обязательство улучшить состояние дорог, ведущих к пристаням, и облегчить погрузку и разгрузку барок[43]. Однако против выступил вологодский губернатор, который письменно сообщил, что подобное отделение пристаней может нанести вред вологодским промышленникам. Кроме того, по его мнению, данное мероприятие не принесет существенной пользы Вятскому краю, так как присоединение пристаней не отразится на увеличении сбыта купеческих товаров[44].

Таким образом, первый вариант решения проблемы смягчения последствий кризисов в Архангельском порту для вятских купцов оказался неосуществимым. В то же время действия предпринимателей по отделению пристаней продемонстрировали стойкий интерес купечества к торговле в Архангельском порту.

Вторым способом решения возникшей проблемы назывался отказ от торговли в Архангельском порту и поиск других направлений сбыта товаров. В той же официальной газете «Вятские губернские ведомости» была опубликована статья анонимного автора под названием «Взгляд на статью: общие замечания о торговле, помещенную в № 1». Автор, критикуя мнение Аршаулова, не отрицая, что «Архангельский порт способствовал образованию значительных капиталов предкам торгующего сословия Вятской губернии, и постоянное обращение их к Архангельскому порту согласовывалось с обстоятельствами времени…», обращает внимание на деятельность орловского купца второй гильдии С. Е. Изергина. Последний в 1837 г. решил сплавить свои товары по направлению к Санкт-Петербургскому порту[45]. По словам автора статьи, данное купеческое предприятие окончилось успешно. Изергин получил крупную прибыль как раз в то время, когда в Архангельском порту вятские предприниматели понесли большие убытки. «При одинаковой ценности за сплав товаров, не выгоднее ли будет, обратясь с ними в Петербург, торговаться со всеми народами, нежели в Архангельске с несколькими только покупщиками», — сделал вывод аноним[46].

Однако сплав товаров в Санкт-Петербургский порт через Волжско-Камскую водную систему был более долгим, чем до Архангельского порта. Кроме того, возникали проблемы с таможней. В середине XIX в. поступали жалобы на то, что на ней нередко пропадали целые тюки товаров на значительные суммы, «находилось всегда довольно охотников, действующих открыто, то есть набивавших себе карманы без церемоний»[47]. Наконец, в Санкт-Петербургском порту конкуренцию вятским купцам составляло гораздо большее число предпринимателей, причем со всей Российской империи, поэтому успех действий купца Изергина можно рассматривать как единичный случай, совсем не обещавший прибыли его последователям.

Третий вариант решения проблемы смягчения последствий кризисов в Архангельском порту предполагал, что не вятские купцы с товаром поедут в г. Архангельск, а иностранные партнеры из Архангельска в качестве комиссионеров приедут в Вятскую губернию. Случаи появления комиссионеров на вятских торгах отмечались уже в начале XIX в. и связаны были с деятельностью иностранных торговых домов в Архангельске. К 1830-м гг., как отмечал вятский купец Петр Репин, существовало шесть таких торговых домов, большая часть из которых принадлежала англичанам. Целью последних было по более низким ценам закупить русское зерно. Для этого иностранные предприниматели предпочитали торговаться напрямую с производителем зерна, крестьянином, без посредников. Во время работы ярмарок и торгов в Вятском крае туда прибывал представитель торгового дома — комиссионер, который закупал зерно. Кроме того, подобным образом зерно чаще всего скупалось на рынках уездных городов Вятки, Глазова, Орлова, Слободского[48].

---

[42] Вятские губернские ведомости. 1838. № 1 (неоф.). С. 3.
[43] ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 50. Д. 26. Л. 14–17.
[44] Там же. Л. 162.
[45] Вятские губернские ведомости. 1838. № 6 (неоф.). С. 27.
[46] Там же. С. 28.
[47] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1671. Л. 4.
[48] См.: Вятские губернские ведомости. 1846. № 4.

Это было невыгодно вятским купцам, которые стремились изменить сложившуюся ситуацию. Во-первых, они старались опередить конкурентов. К январю-февралю, когда комиссионеры прибывали в Вятский край, большая часть хлеба обычно уже была раскуплена купцами или нанятыми ими закупщиками[49].

Во-вторых, некоторые вятские купцы пытались устроиться на службу к иностранцам в качестве комиссионеров. Иноземные торговые дома понимали невыгодность конкуренции с российскими купцами на их родной земле, поэтому не отказывали купцам в приеме на работу. К середине XIX в. часть вятских купцов за определенную сумму скупали зерно на местных рынках для иностранных торговых домов. Прибыль, получаемая ими при таком посредничестве, с каждым годом возрастала. В 1859 г. вятские газеты констатировали тот факт, что вятский купец чаще стал действовать как комиссионер и получал процент как представитель иностранной фирмы.

Таким образом, внутрироссийская торговля через Архангельский и Санкт-Петербургский порты требовала умения приспосабливаться к ситуации и находить решение сложившихся экономических проблем.

Кризис торговли в Архангельском порту содействовал увеличению постоянных торговых взаимоотношений купечества Вятского края с Нижним Новгородом. Помимо Макарьевской ярмарки, местные купцы принимали участие в работе Ирбитской и Троицкой ярмарок[50]. Постоянный торг с Нижним Новгородом в рассматриваемый период осуществляли многие крупные купеческие фамилии Вятской губернии: Хохряковы, Суятины, Веретенниковы, Изергины, Синцовы. Купец Николай Федорович Веретенников регулярно, два раза в год, ездил за товарами в Москву и на Нижегородскую ярмарку и привозил «новеньких во вкусе товаров». Основной сферой деятельности купца стала торговля хрустальной, фарфоровой и прочей посудой[51]. Впоследствии его сын Александр Николаевич продолжил осуществлять взаимоотношения с Москвой и Макарьевской ярмаркой, став купцом первой гильдии г. Кяхты на торговле чаем[52].

К этому периоду общероссийская ярмарка превратилась в настоящий город со множеством лавок, собором, церквями, деревянными и каменными домами и театром. В 1835 г. оборот в ней достигал 150 млн руб., в основном велась оптовая торговля купцов Сибири, Закавказского края, обеих столиц и многих российских губерний[53].

Существует множество описаний Макарьевской ярмарки: «Приближение к ярмарке… издали давало о себе знать огромным столбом пыли, стоявшим над нею от непрерывного движения массы народа, лошадей, обозов»; «Ярмарка так громадна и богата как товарами и людьми и всеми изящными произведениями, что удивляет всякого наблюдателя… Более 5000 пудов в один день потребляется одного печеного хлеба, до 12 000 в продолжение ярмарки выпивается бутылок одного шампанского, сколько же других вин выпивается?»[54].

Посетивший в 1842 г. Нижегородскую ярмарку вятский купец К. Клепиков так отозвался о ней: «На Нижегородской ярмарке каменные ряды лавок построены после перевода ярмарки из города Макарьева (поэтому и ныне старики называют Макарьевская ярмарка). Проулки между рядами лавок узкие, была большая теснота»[55].

Как деловой центр, ярмарка оказала влияние на создание Вятского общественного банка. По воспоминаниям вятского купца Т. Эсаулова, после смерти в 1849 г. Петра Федоровича Веретенникова его брат Николай отправился «в нынешнюю нижегородскую ярмарку, чтобы видеться там с опекунами покойного, узнать течение дел брата и ускорить открытие банка». Но на ярмарке Николай Федорович умер. Его начинание продолжили сын Илья Николаевич, а также жена Петра Федоровича Марья Константиновна и другой ее сын, Федор Петрович[56]. В дальнейшем бывшие партнеры братьев Веретенниковых по Нижегородским торгам способствовали организации банка.

---

[49] РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 37. Л. 146.

[50] Военно-статистическое обозрение Российской империи… С. 92.

[51] Вятские губернские ведомости. 1850. № 3 (неоф.). С. 17.

[52] Там же. С. 18.

[53] Мельников А. П. Столетие Нижегородской ярмарки. Очерки бытовой истории нижегородской ярмарки. 1817–1917. Н. Новгород, 1917. С. 54.

[54] Там же. С. 18, 51.

[55] Вятские губернские ведомости. 1899. № 65 (неоф.). С. 3.

[56] Там же. 1850. № 3 (неоф.). С. 16.

Другим местом доставки и продажи товаров вятскими купцами стал Оренбургский край и проходившая там Троицкая ярмарка. В 1808 г. из Оренбургской губернии поступила жалоба. Местные купцы, осуществлявшие там торг, принадлежали второй и третьей гильдии. Однако нередко в торговле на ярмарке участвовали иностранцы, с которыми разрешался торг только купцам первой гильдии. Вятским купцам, участвовавшим в оренбургской торговле, было предложено вступить в первую гильдию[57].

Заграничная торговля требовала от вятских купцов еще большего умения и опыта. В первой половине XIX в. собственных торговых домов за границей русские купцы не имели, поэтому были вынуждены обращаться за помощью к иноземным фирмам, которые не очень-то стремились к сотрудничеству с российскими предпринимателями, а иногда и притесняли их[58]. В редких случаях вятские купцы, в обход представителей заграничных фирм в портах, нанимали или покупали корабли для доставки своих грузов прямо к иноземным портам. Наперечет известны купцы, которые смогли осуществить это, среди них — К. Анфилатов и И. Колошин[59].

Континентальная блокада, к которой присоединилась Россия после Тильзитского мира 1807 г., оказала и негативное, и позитивное влияние на внешнюю торговлю в Архангельске. По указу от 28 октября 1807 г. на все английские суда в российских портах и на все имущество англичан в России был наложен арест. В 1808 г. русским судам, находившимся в Англии, было приказано вернуться без груза и прекратить ввоз в Россию английских товаров. В этих условиях на российских границах стала активно использоваться контрабанда. В портах товарообмен происходил на судах под нейтральными флагами. В 1809 г. русским правительством было принято решение о том, чтобы нейтральность груза доказывалась корабельщиком перед «комиссией нейтрального плавания» в Петербурге или Архангельске[60] *(рис. 2)*.

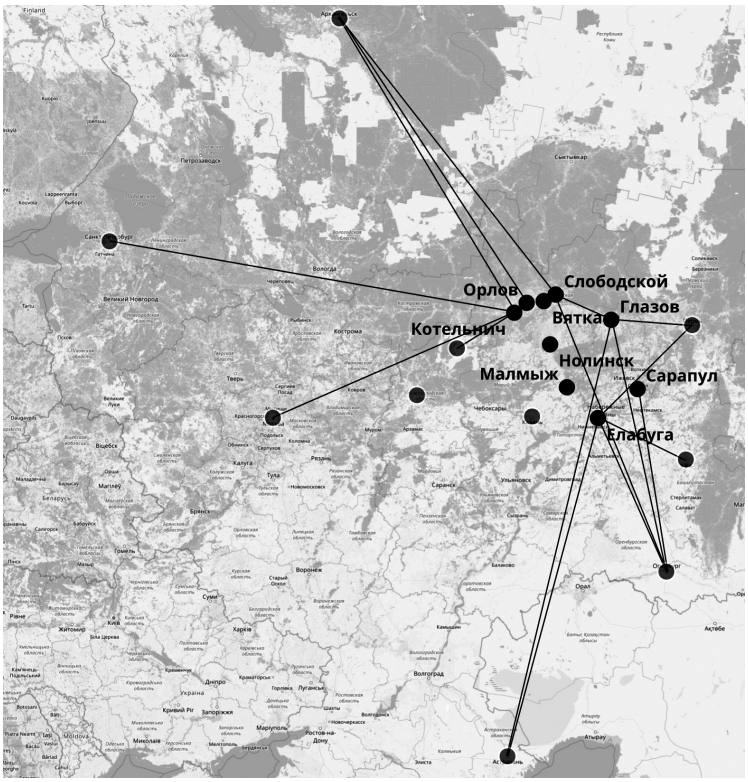

Рис. 2. Направления торговли купцов Вятской губернии
Fig. 2. Directions of trade of the merchants of the Vyatka province

[57] ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 6. Д. 292. Л. 2–3.
[58] Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. Петербург, 1923. С. 272.
[59] Судовиков М. С. Торговля регионального купечества России в конце XVIII — первой половине XIX в. // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1, № 2. С. 12.
[60] Витчевский В. Указ. соч. С. 34.

В это время товары российских купцов сильно обесценились. «Русские промышленники и торговые круги горько жаловались на континентальную систему»[61]. Для их поддержки был разработан новый тариф, позволявший с 1811 г. торговать с Англией под нейтральным флагом в строго отведенных таможенных пунктах и портах; в их числе был и Архангельский порт[62]. По мнению В. А. Бутенко, на подобное решение императора Александра I повлияли действия Наполеона, объявившего континентальную блокаду, но все же допускавшего ввоз во Францию английских товаров[63].

Английские и американские купцы, участвовавшие в торговых операциях с русскими купцами в начале XIX столетия, удивлялись мастерству малограмотных русских в использовании простых счет. Также они отмечали особенности ведения дел русскими, ставшие клеймом их традиционной культуры: скрытные, стремящиеся обмануть и избежать закон, а также поторговаться с чужестранцами. По мнению Т. Оуэна, такие технологии доказывают, что для русских дороже честности было получение чистой прибыли в отсутствие хорошей банковской системы, сильных законных гарантий на частую собственность, правительственной политики, благоприятствующей коммерции и производству. Один британский купец отмечал гордость, с которой русские купцы рассказывали о своих нечестных доходах: «На проворное воровство, умение перехитрить они смотрят как на очень большое достижение своего таланта»[64].

Представители российской местной администрации пытались повысить статус российских купцов в глазах иностранцев. В 1847–1851 гг. начальником Архангельской таможни Аристархом Ушаковым были предприняты попытки организовать торги на местной бирже. Предполагалось, что российские и иностранные купцы в отдельном собрании будут заключать между собой взаимовыгодные деловые договоры. Однако отечественные купцы проигнорировали организацию биржи. Они по-прежнему предпочитали встречаться и заключать сделки у себя в конторах[65].

На рубеже XVIII–XIX вв. вятские купцы Е. Н. Булычев и К. А. Анфилатов торговали со Швецией. Торговые отношения со шведскими купцами Булычев наладил в Архангельске, где торговал хлебом, льном и юфтью. Вероятно, он «вел через этих коммерсантов торговлю в шведских городах»[66].

Со Швецией торговал и слободской купец Ксенофонт Анфилатов. «Во время русско-шведской войны 1808–1809 гг. в Швеции задержали корабль «Граф Карл Ливен», прибывший за американским грузом. Последний состоял из товаров анфилатовского же корабля «Эрц-Энгель Михаэль», который в 1807 г. на обратном пути из Бостона был поврежден. В результате часть груза отправили тогда на шведский берег (г. Ландскрона). Лишь летом 1809 г. товар, правда, уже на немецком судне, был вывезен в Россию. В организации его перевозки участвовали уполномоченные Анфилатова Карл Демчаль и купец г. Ландскроны Густав Борестром. Со шведскими купцами деятельный К. А. Анфилатов неоднократно имел дело также в портовых городах России»[67].

Внешняя торговля велась российскими провинциальными купцами не только с европейскими, но и с восточными странами. Так, иркутский купец второй гильдии Щегорин вел выгодную для себя торговлю с китайцами в г. Кяхте[68].

Следует учитывать, что вести внешнюю торговлю имели право купцы только первой гильдии, а за пределами губернии — второй гильдии, вступление в которые также предполагало наличие незаурядного ума, сильной воли, целеустремленности и физической выносливости. Однако в целом выбор основных направлений купеческой торговли за пределами Вятского края базировался на традиционализме. Новациями вятских купцов конца XVIII — первой половины XIX в. стали попытки оптимизации торговли: строительство новых пристаней, дискуссия о приоритетных рынках сбыта уже не между собой, а гласно, в печати. В этом также проявлялись высокие амбиции вятских купцов, стремление получить высокую прибыль.

---

[61] Бутенко В. А. Краткий очерк истории русской торговли в связи с историей промышленности. Курс коммерческих училищ. М., 1910. С. 88.

[62] Витчевский В. Указ. соч. С. 35.

[63] Бутенко В. А. Указ. соч. С. 88.

[64] Thomas C. Op. sit. P. 1–2.

[65] Лизунов П. В. Биржи в России и экономическая политика правительства (XVIII — начало XX в.). Архангельск, 2003. С. 98–99.

[66] Судовиков М. С. К истории русско-шведских торговых связей... С. 211.

[67] Там же.

[68] ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 485. Л. 1.

Чаще всего причинами этого явления было то, что торговля в портах длительное время оставалась практически единственным источником поддержания крупного капитала вятских купцов.

References

Braudel F. *Dinamika kapitalizma* [The Dynamics of Capitalism]. Smolensk: Poligramma Publ., 1993. (In Russian).

Buganov V. I., Preobrazhensky A. A., Tikhonov Yu. A. *Evolyutsiya feodalizma v Rossii: sotsial'no-ekonomicheskiye problemy* [Evolution of Feudalism in Russia: Socio-Economic Problems]. Moscow: Mysl' Publ., 1980. (In Russian).

Glushkov I. E. *Kotel'nich. XIX vek. Topografo-statisticheskoye i etnograficheskoye opisaniye g. Kotel'nicha. Istoricheskiy ocherk* [Kotelnich. 19th Century. Topographic-Statistical and Ethnographic Description of the Town of Kotelnich. A Historical Essay]. Kotelnich: Vyatskiy regional'nyy Tsentr russkoy kul'tury Publ., 1999. (In Russian).

Khomutova O. Yu. [The merchant class of Kaluga in the first half of the 19th century: sources of formation and the structure of trade operations]. *Ekonomicheskaya istoriya: yezhegodnik. 2002* [Economic history: A yearbook. 2002]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2003, pp. 111–154. (In Russian).

Klokman Yu. R. *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya russkogo goroda. Vtoraya polovina XVIII v.* [Social and Economic History of the Russian City. The Second Half of the 18th Century]. Moscow: Nauka Publ., 1967. (In Russian).

Korshunkov V. A. [The Route to the White Sea in the 19th Century. Part 1: Road State and Transportation Conditions]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series Humanitarian and Social Sciences], 2023, vol. 23, no. 2, pp. 5–13. DOI: 10.37482/2687-1505-V248 (In Russian).

Korshunkov V. A. [The Route to the White Sea in the 19th Century. Part 2: Commercial Transportation by Land]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series Humanitarian and Social Sciences], 2023, vol. 23, no. 3, pp. 5–12. DOI: 10.37482/2687-1505-V262 (In Russian).

Kozyrkov V. P. *Dukhovnyye osnovy sotsiokul'turnoy dinamiki obydennoy zhizni: teoreticheskiy analiz: avtoref. dokt. dis.* [Spiritual Foundations of Socio-Cultural Dynamics of Everyday Life: Theoretical Analysis: Abstr. Diss. Doct.]. Saint Petersburg, 1999. (In Russian).

Kulisher I. M. *Ocherk istorii russkoy torgovli* [Essay on the History of Russian Trade]. Petersburg: Ateney Publ., 1923. (In Russian).

Kupriyanov A. I. [The Idea of Labor and Wealth of Russian Merchants in the Pre-Reform Era]. *Mentalitet i kul'tura predprinimateley Rossii XVII–XIX vv.* [Mentality and Culture of Entrepreneurs in Russia of the 17th–19th Centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1996, pp. 89–90. (In Russian).

Lizunov P. V. *Birzhi v Rossii i ekonomicheskaya politika pravitel'stva (XVIII — nachalo XX v.)* [Stock Exchanges in Russia and the Government's Economic Policy (18th — Early 20th Centuries)]. Arkhangelsk: Solti Publ., 2003. (In Russian).

Melnikov A. P. *Stoletiye Nizhegorodskoy yarmarki. Ocherki bytovoy istorii nizhegorodskoy yarmarki. 1817–1917* [Centenary of the Nizhny Novgorod Fair. Essays On the Everyday History of the Nizhny Novgorod Fair. 1817–1917]. N. Novgorod: Izd. Nizhegor. yarmarochnogo kupechestva Publ., 1917. (In Russian).

Mironov B. N. *Russkiy gorod v 1740–1860-ye gg.: demograficheskoye, sotsial'noye i ekonomicheskoye razvitiye* [Russia's City in the 1740–1860s: Demographic, Social and Economic Development]. Leningrad: Nauka, Leningr. otd-niye Publ., 1990. (In Russian).

Owen T. C. *The Corporation under Russian Law, 1800–1917. A Study in Tsarist Economic Policy*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1991. (In English).

Rezonova V. M. *Predprinimatel'skaya deyatel'nost' kupechestva Rossii v istoriko-kul'turnom kontekste XVIII — nachale XIX v.: avtoref. kand. dis.* [Entrepreneurial Activity of the Russian Merchants in the Historical and Cultural Context of the 18th — Early 20th Century: Abstr. Diss. Cand.]. Saransk, 2005. (In Russian).

Rieber A. J. *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. (In English).

Ryndzyunsky P. G. *Gorodskoye grazhdanstvo doreformennoy Rossii* [Urban Citizenship in Pre-Reform Russia]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1958. (In Russian).

Sudovikov M. S. [On the History of Russian-Swedish Trade Relations in the Second Half of the 18th — Early 19th Century]. *Shvedy i Russkiy Sever: istoriko-kul'turnyye svyazi. (K 210-letiyu A. L. Vitberga). Materialy mezhdunar. nauch. simp.* [The Swedes and the Russian North: Historical and Cultural Ties. (On the 210th Anniversary of A. L. Vitberg). Proceedings of the Intern. Sci. Symp.]. Kirov: Kirov. gos. ob"yed. ist.-arkhitektur. i lit. muzey Publ., 1997, pp. 210–211. (In Russian).

Sudovikov M. S. *Kupecheskoye sosloviye Vyatsko-Kamskogo regiona v kontse XVIII — nachale XX veka* [The Merchantry of the Vyatka-Kama Region in the Late 18th — Early 20th Century]. Kirov: Izd-vo VyatGGU Publ., 2009. (In Russian).

Sudovikov M. S. [Trade of the Regional Merchants in Russia at the End of XVIII — First Half of XIX]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2011, vol. 1, no. 2, pp. 12–16. (In Russian).

Sudovikov M. S. *Kupechestvo Vyatskogo kraya: ot istokov do 1917 goda* [The Merchantry of the Vyatka Region: From the Origins to 1917]. Kirov: Gertsenka Publ., 2018. (In Russian).

УДК 94(470.342)«17/19» DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-50-57

Судовиков Михаил Сергеевич
доктор исторических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская областная универсальная научная библиотека им. А. И. Герцена», профессор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вятский государственный университет» (Россия, Киров)
ORCID 0000-0002-6278-0043
E-mail: region@herzenlib.ru

Общие и особенные черты территориального развития Вятской губернии в конце XVIII — начале XX в.: к постановке вопроса

АННОТАЦИЯ. Территориальное развитие Вятского края являлось сложным историческим процессом, обусловленным политическим становлением Российского государства, социально-экономическими и демографическими изменениями. В статье констатируется, что территория обширного края — Вятской земли, впоследствии Вятской губернии — складывалась главным образом двумя путями: естественным или историческим — на ранних этапах становления, связанных со славянским освоением региона, и административным, или реформаторским — в поздний период. Как и в России в целом, большую роль в территориальном развитии сыграли петровские и екатерининские преобразования, которые, ломая сложившееся в государстве административно-территориальное устройство, сохранили историческое название местности, поэтому, несмотря на расширение административных границ, сохранялась преемственность между понятиями «Вятская земля», «Вятская провинция» и «Вятская губерния». Социальные и культурные изменения, происходившие в XVIII и XIX вв., также оказывали значительное влияние на развитие региона. Автор полагает, что опыт формирования и существования в обозначенных административных границах Вятской губернии можно признать удачным с точки зрения и проведения государственной политики, и интересов местного многонационального населения. Территориальной спецификой Вятского края стало его расположение на пограничье Центра России и Урала с Сибирью, Русского Севера и Поволжья, сочетание в местной культуре традиций европейских и восточных народов, наличие богатого опыта местного самоуправления, слабое развитие дворянского землевладения и существенное преобладание крестьянского населения. Многонациональное население, состоящее из русских, татар, удмуртов и других народов, обогатило культурный ландшафт края.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: территориальное развитие, Вятская земля, Вятская губерния, реформы Петра I, екатерининские преобразования, земство, капиталистическая модернизация

Для цитирования: Судовиков М. С. Общие и особенные черты территориального развития Вятской губернии в конце XVIII — начале XX в.: к постановке вопроса // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3. № 4. С. 50–57. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-50-57

Поступила в редакцию 02.09.2024

Принята к публикации 17.12.2024

© Судовиков М. С., 2024

UDC 94(470.342)«17/19» DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-50-57

Mikhail S. Sudovikov
Doctor of Historical Sciences, Kirov Regional Universal Scientific Library named after A. I. Herzen, Vyatka State University (Russia, Kirov)
ORCID 0000-0002-6278-0043
E-mail: region@herzenlib.ru

General and Specific Features of Territorial Development of the Vyatka Governorate in the Late 18th — Early 20th Centuries: To the Formulation of the Question

ABSTRACT. The territorial development of the Vyatka region has been a complex historical process due to the political formation of the Russian state, socio-economic and demographic changes. The article states that the territory of a vast region — the Vyatka land, later the Vyatka governorate — was formed mainly in two ways: natural, or historical — at the early stages of formation, associated with the Slavic development of the region, and administrative, or reformatory — in the later period. As in Russia as a whole, an important role in the territorial development was played by the Petrine and Catherinian reforms, which, breaking the existing administrative-territorial structure, retained the historical name of the area, therefore, despite the expansion of administrative borders, the continuity between the concepts of "Vyatka land", "Vyatka province" and "Vyatka governorate" was preserved. The social and cultural changes that took place in the 18th and 19th centuries also had a significant impact on the development of the region. The author believes that the experience of the formation and existence within the designated administrative boundaries of the Vyatka governorate can be considered successful from the point of view of both the implementation of state policy and the interests of the local multinational population. The territorial specifics of the Vyatka region included its location on the border of the Center of Russia and the Urals with Siberia, the Russian North and the Volga region, the combination of traditions of European and Eastern peoples in the local culture, the presence of rich experience of local self-government, the weak development of noble land ownership and a significant predominance of the peasant population. The multinational population consisting of the Russians, Tatars, Udmurts and other peoples enriched the region's cultural landscape.

KEYWORDS: territorial development, Vyatka land, Vyatka governorate, reforms of Peter the Great, reforms of Catherine the Great, zemstvo, capitalist modernization

For citation: Sudovikov M. S. [General and Specific Features of Territorial Development of the Vyatka Governorate in the Late 18th — Early 20th Centuries: To the Formulation of the Question]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2024, vol. 3, no. 4, pp. 50–57. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-50-57 (In Russian).

Received 2 September 2024

Accepted 17 December 2024

© 2024 The Author

С эпохи Средневековья о Вятской земле писали многие авторы. Дипломаты XVI — начала XVII в. Сигизмунд Герберштейн и Петр Петрей называли ее «областью», «страной», «княжеством»[1]. «Как город Хлынов и вся Вятская страна обще с Пермскою лежит гораздо ближе к северу, нежели все другие провинции Казанской губернии; то воздух сих земель есть холодный, умножаемый еще более источниками и болотами, распространяющимися почти по всем местам сей страны…», — писал капитан Н. П. Рычков, путешествовавший в царствование Екатерины II[2]. Преосвященный Никодим Казанский (1803–1874) называл Вятский край «мужицким царством», поскольку здесь проживали почти «одни крестьяне», которые сохраняли «древний кочующий дух», проявлявшийся в склонности жить небольшими селениями, в склонности к переселенчеству, что, по мнению автора, делало вятчан нелюдимыми и невежественными[3]. Никодим писал также о своеволии, упрямстве, грубости и простоте нравов местных жителей, подчеркивал, что вятчанам «приказывать нельзя, надо умолять», «вятский мужик заплатит государственную подать и делается паном», «вятский мужик всегда сыт, даже богат, одни бездельники бедны»[4]. Как же складывалась территория, которая виделась современникам разных эпох особенной и самобытной?

Первоначально в состав региона входили земли, расположенные в бассейне реки Вятки, в северной его части. Это был исторический центр края с древними вятскими городами Вяткой (Хлыновом), Котельничем, Орловом, Слободским. Он сложился в результате славянской колонизации, усилившейся в XII–XIII вв., и до 1489 г., то есть до вхождения в состав Московского государства, оставался независимым. По словам Н. И. Костомарова, «природа помогала ей (Вятке. – *М. С.*) защищаться и от метрополии, и от князей», «вятчане управлялись сами собою, вечем — по образцу новгородскому»[5]. После 1489 г. Вятская земля представляла собой юго-восточное пограничье и являлась важным форпостом для дальнейшего освоения поволжских, уральских и сибирских земель.

Формирование духовных традиций территории было связано с основанием в Хлынове по грамоте Ивана IV от 2 июня 1580 г. Успенского мужского монастыря, являвшегося детищем монаха-подвижника Трифона (Подвизаева), и складыванием церковного управления. На церковном соборе 1657 г. принимается решение об учреждении на Вятке епархии. В соборном деянии указывалось, что страна Вятка находится вдали от «царствующего града Москвы» и ее территория «многочеловечна»[6]. В состав новой епархии первоначально входила и Пермь Великая, и епархия именовалась Вятской и Великопермской. После учреждения в конце XVIII в. Пермской епархии местные архиереи стали именоваться епископами Вятскими и Слободскими *(рис. 1)*.

Территориальное развитие России, становление системы управления, рост экономики и населения, изменения во внутренней политике объективно вели к переменам и в административно-территориальном устройстве государства. Крупные изменения административных границ произошли в период правления Петра I. После проведения областной реформы 1708–1710 гг. Вятская земля вошла в состав огромнейшей Сибирской губернии со столицей в г. Тобольске и была западной окраиной губернии, самой близкой к столичным городам[7]. В течение нескольких лет здесь жил сибирский губернатор Матвей Петрович Гагарин, что, безусловно, повышало статус края. В петровский период Вятская провинция (такое название она получила после реформы 1719 г.) пополнилась новыми уездами — Кайгородским и Кунгурским, правда, последний находился в ее составе недолго, до 1724 г., и впоследствии перешел к Соликамской провинции.

В новом обширном образовании — Сибирской губернии — не было ни экономического, ни культурного единства территорий, то есть во многом оно носило искусственный характер. Вятский край традиционно тяготел к северным землям и Поволжью, с которыми был связан

[1] Цит. по: Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. Т. 4. История / ред. комиссия: В. А. Ситников [и др.]; сост. В. А. Бердинских. Киров, 1995. С. 75–76.

[2] Цит. по: Город и горожане: Хлынов — Вятка — Киров — 650: очерки и документы / МО «Город Киров»; ред. совет: Е. В. Ковалева [и др.]; авт. коллектив: М. С. Судовиков, П. Н. Шарабаров, П. В. Поздеев. Киров, 2024. С. 63.

[3] Цит по: Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. Т. 1. Города / ред. комиссия: В. А. Ситников [и др.]; сост. В. Ф. Пономарев. Киров, 1994. С. 107–109.

[4] Там же.

[5] Костомаров Н. И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). Исторические монографии и исследования. М.; Смоленск, 1994. С. 158.

[6] Древние акты, относящиеся к истории Вятского края: Прил.: к 2 т. сб. «Столетие Вятской губернии». Вятка, 1881. С. 141.

[7] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 4. № 2218.

давними торговыми отношениями. Впрочем, и в управленческом отношении отдаленность Вятки от губернского города Тобольска сказывалась негативно: важные дела решались медленно, надзор за территорией был ослаблен. Все это осознавалось на уровне правительства, и в послепетровское время, в 1727 г., происходят новые изменения. Вопрос о судьбе Вятской провинции обсуждался на нескольких заседаниях Верховного тайного совета — высшего правительственного органа, и последовал указ от 29 апреля 1727 г., в котором говорилось: «Сибирской губернии провинции Вятскую и Соликамскую… приписать к Казанской губернии и ведать оные провинции губернатору Казанскому»[8]. Вятская земля становилась уже северной окраиной другой, Казанской губернии, состоявшей их шести провинций.

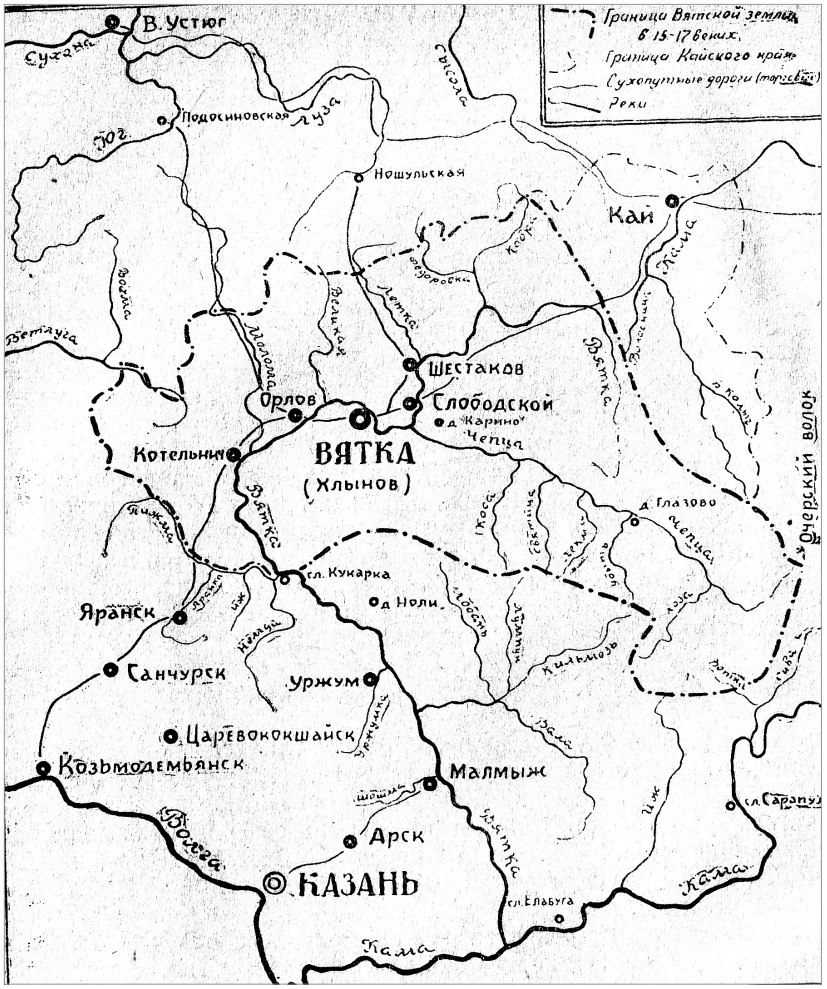

Рис. 1. Схематическая карта Вятской земли XV–XVII вв. Составитель П. Н. Луппов. 1929 г.
Fig. 1. Schematic map of the Vyatka land in the 15th–17th centuries. Compiled by P. N. Luppov, 1929

Следующим этапом стали административно-территориальные преобразования Екатерины II, которая после подавления восстания Е. И. Пугачева провела областную реформу 1775–1785 гг. Перед открытием в 1780 г. Вятского наместничества провинция делилась на три уезда — Хлыновский, Слободской, Котельничский — и насчитывала пять городов — Хлынов, Слободской, Котельнич, Орлов и Кайгород. По указу от 11 сентября 1780 г. территория региона заметно расширялась в юго-восточном направлении, в места традиционного проживания многонационального населения — носителей православной и мусульманской культур.

В наместничестве насчитывалось 13 округов (уездов) — Вятский, Слободской, Котельничский, Орловский, Кайгородский, Глазовский, Нолинский, Яранский, Царевосанчурский, Уржумский,

[8] Там же. № 5065.

Малмыжский, Елабужский и Сарапульский и столько же городов[9]. В целом в России шел процесс разукрупнения территорий: вместо 23 дореформенных губерний их число увеличилось до 50. В указе от 11 сентября также говорилось, что «городу Хлынову, переименовав оный Вяткою, быть губернским…»[10]. Вятское наместничество вместе с Костромским и Нижегородским стало составной частью генерал-губернаторства с центром в г. Нижнем Новгороде. Наместничество возглавлялось правителем, а последний, в свою очередь, подчинялся генерал-губернатору *(рис. 2)*.

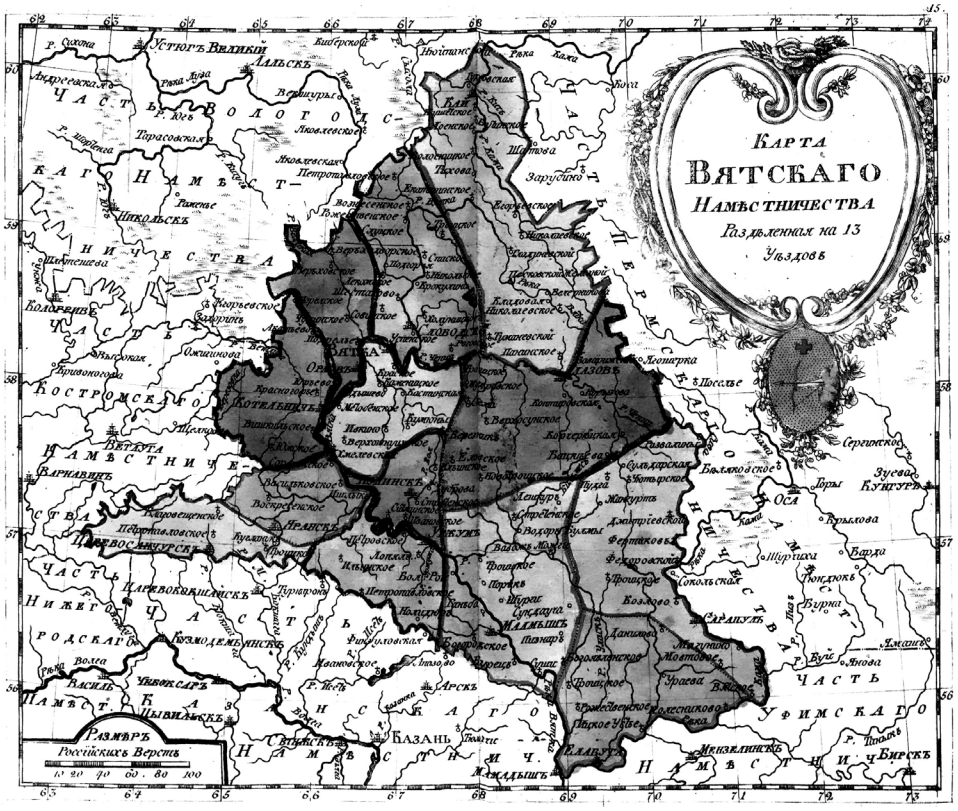

Рис. 2. Карта Вятского наместничества. 1796 г.
Fig. 2. Map of the Vyatka viceroyalty, 1796

Первым правителем Вятского наместничества стал генерал-майор Степан Данилович Жихарев, назначенный из нижегородского полка «по именному Высочайшему указу». Открытие наместничества и новых административных учреждений (присутственных мест) прошло в декабре 1780 г. в торжественной обстановке, с пушечными выстрелами, парадным обедом, маскарадом и молебствием. В январе 1783 г., после ухода нижегородского генерал-губернатора А. А. Ступишина «за болезнию» в отставку, Вятское наместничество перешло в ведение казанского генерал-губернатора П. С. Мещерского. Казанское генерал-губернаторство состояло из двух наместничеств — Казанского и Вятского.

Существование в России новых территориальных образований узаконивалось соответствующей символикой; в мае 1781 г. Екатерина II утверждает проект гербов городов Вятского наместничества. «При сочинении оных, — говорилось в докладе Сената, — за правило поставлено, чтоб во всяком гербе Вятского наместничества в щите была часть герба наместнического города…»[11]. Герб губернского города имел следующий вид: «В золотом поле из облака выходящая рука, держащая натянутый лук со стрелою, а над ней в верхней части щита крест красный»[12]. В 1790-е гг. в городах наместничества открылись первые городские думы, закреплявшие давние традиции местного самоуправления.

[9] Там же. Т. 20. № 15058.
[10] Там же.
[11] Там же. Т. 21. № 15164.
[12] Там же.

Последним важным этапом в процессе образования губернии стал указ Павла I, вышедший 12 декабря 1796 г.: «Повелеваем отныне впредь состоять нижеписанным губерниям… Вятской»[13]. Первым вятским губернатором стал Сергей Никитич Зиновьев, до этого правитель Вятского наместничества; главами уездных администраций являлись капитан-исправники. На тот период здесь проживало около миллиона человек — русских, удмуртов, татар, марийцев, бесермян, тептярей и представителей других народов.

На карте Вятской губернии сначала было десять уездных — Вятка, Слободской, Котельнич, Уржум, Орлов, Яранск, Глазов, Елабуга, Сарапул, Нолинск и три заштатных города — Малмыж, Царевосанчурск, Кай. В 1816 г. Малмыж получает статус уездного города, а г. Кай в 1854 г. становится селом. Со второй половины XIX в. в губернии насчитывалось 11 уездов и 12 городов (11 уездных, 1 заштатный). Вятская губерния граничила на севере с Вологодской губернией, на юге и юго-востоке — с Казанской и Уфимской губерниями, на западе и юго-западе — с Костромской и Нижегородской, на востоке — с Пермской губернией.

Как видим, в губернский период Вятская земля оформилась как обширное территориальное образование на северо-востоке европейской России, располагавшееся на пограничье Русского Севера и Поволжья, Центральной России и Урала с Сибирью. Площадь губернии составляла около 1 49 061 кв. версты[14]. Сохраняя свое историческое наименование, Вятская губерния стала венцом развития территории в дореволюционный период истории, сочетая в себе общие и особенные черты становления. Специфику местности определяли богатые традиции местного самоуправления, уходящие корнями еще в домосковский период; довольно неблагоприятные природно-климатические условия — с коротким летом и суровой зимой, особенно в северной части губернии; неразвитость дворянского землевладения (помещичьи имения располагались главным образом в Яранском, Малмыжском, Уржумском, Елабужском, Сарапульском уездах; число крепостных не превышало трех процентов, и, кроме того, в губернии было два удельных имения — Вятское и Сарапульское) и, соответственно, обилие черносошных земель с лично свободным, но прикрепленным к земле крестьянством (его численность составляла более 90 процентов от числа жителей губернии); многонациональный состав населения с преобладанием православного культа.

В экономическом плане Вятская губерния хотя и оставалась аграрным регионом с развитой торговлей и кустарными промыслами, но вместе с тем в дальнейшем, во второй половине XIX — начале XX в., здесь неуклонно росли объемы промышленного производства, совершенствовалась техника, внедрялись передовые сельскохозяйственные технологии, расширялись торговые связи, развивалась кредитно-банковская система, что было следствием набиравшего силу процесса капиталистической модернизации, обусловленной великими реформами Александра II.

В развитии территории огромной была роль земства, открытого в Вятской губернии в 1867 г., и где из-за незначительности поместного дворянства с самого начала видное место занимал «разночинный элемент». Благодаря земству среди населения распространялись знания о рациональном ведении земледельческих работ, в крестьянское хозяйство внедрялось более совершенное сельскохозяйственное оборудование, минеральные удобрения, улучшался посевной материал. Земство уделяло большое внимание развитию школьного дела и медицины, обеспечивало стабильную повседневную жизнь заметно преобладавшего в губернии крестьянского населения. В свою очередь, это вело к небывалому росту численности населения в крае: с 2347,8 тыс. чел. в 1867 г. до 2859,0 тыс. чел. в 1885 г., 3082,8 тыс. чел. в 1897 г. и 3813,0 тыс. чел. в 1913 г.[15]

В Вятской губернии работали предприятия четырех групп: фабрики и заводы, «обделывающие животные продукты»; «обделывающие растительные продукты»; «обделывающие ископаемые продукты» и предприятия «смешанных производств»[16]. Большое распространение получили кожевенное, скорняжное, шубно-овчинное, валено-сапожное, винокуренное, пряничное производства.

---

[13] Там же. Т. 24. № 17634.

[14] Эммаусский А. В. Экономическое развитие Вятской губернии в конце XVIII века (по генеральным описаниям) // Ученые записки Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Киров, 1965. Вып. 19. Кафедра истории СССР. С. 4.

[15] Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность. Историко-статистический сб. Киров, 2002. С. 17–18.

[16] Спасский Н. А. Труды по истории и статистике Вятского края / сост., науч. ред. М. С. Судовиков; редкол.: Н. П. Гурьянова [и др.]. Киров, 2014. С. 94–95.

Особенностью же территории являлось то, что наиболее крупные промышленные заведения располагались в восточной части губернии — это железоделательные и чугуноплавильные заводы Омутнинского и Холуницкого горных округов, Ижевский оружейный и Воткинский железоделательный заводы, тяготевшие к уральской горнозаводской промышленности. Значительная часть предприятий губернии относилась к категории мелких производств, где работали от 1–5 до нескольких десятков рабочих.

Вятские товары — сельскохозяйственная продукция (зерно, мука, крупа, лен, льняное семя, кудель), железо, чугунное литье, кожи, бумага, вино, лес и другие — вывозились в портовые города Санкт-Петербург и Архангельск, откуда шли за границу; их поставляли в Нижний Новгород, Рыбинск, Москву, в города Поволжья, Урала и Сибири[17]. Важное значение для расширения торговых связей имели появившиеся здесь во второй половине XIX в. пароходное сообщение и железная дорога — Пермь-Котласская (1899 г.) и Северная (1906 г.). Уже в 1900 г. по Пермь-Котласской железной дороге из губернии был вывезен 2 349 091 пуд хлебного груза, тогда как в 1899 г. — всего 8 32 689 пудов[18].

Широкое развитие получила и внутренняя торговля: стационарная – магазинная, лавочная и периодическая — ярмарочная, базарная. Если в середине 1890-х гг. торгово-промышленных предприятий в губернии было около семи тысяч, то в 1915 г. их количество достигло 21 246. Среди ярмарок крупными по товарообороту являлись Алексеевская ярмарка в Котельниче, Семеновская, Великорецкая и Никольская — в Вятке, Троицкая — в Уржуме, Екатерининская — в Малмыже, Троицкая и «Осенняя» — в Яранске, Спасская — в Елабуге, Никольская — в Глазове, Казанская — в Сарапуле; ярмарки в Слободском, Орлове и Нолинске.

Во второй половине XIX — начале XX столетия в Вятской губернии, так же как в стране в целом, шел процесс объединения торговых и промышленных капиталов в корпоративные организации. Наибольшее распространение в регионе получило объединение капиталов в форме торговых домов — полных товариществ, организованных на родственных началах. Их учредителями были представители купечества, мещане, зажиточные крестьяне. Особенно широкие масштабы приобрела деятельность торговых домов елабужских купцов Стахеевых — «Григория Стахеева Сыновья», «В. Г. Стахеев и наследники», «И. Г. Стахеев», производивших крупную хлебную торговлю на российских рынках и за рубежом, торговавших керосином, нефтью, мануфактурными товарами, чаем, вином. В начале XX столетия на основе их торгово-промышленных предприятий и Русско-Азиатского банка сложился концерн, возглавляемый А. И. Путиловым, П. П. Батолиным, И. И. Стахеевым[19]. При поддержке правительства, помимо хлебной торговли, он охватывал уральские и подмосковные металлургические заводы, нефтяные предприятия, сахалинские каменноугольные копи, среднеазиатские плантации хлопка и заводы по его обработке, железнодорожное строительство и т. п.

Крупными торгово-промышленными объединениями, охватившими металлургическое, кожевенное, скорняжно-меховое, винно-водочное, химическое производства и другие отрасли, были фирмы купцов Александровых, Зоновых, Гирбасовых, Прозоровых, Тырышкиных, Стахеевых, Ушковых и других. Паевой компанией в Вятской губернии стало товарищество Вятско-Волжского пароходства, учредителями которого выступили вятские купцы первой гильдии Тихон Булычев, Яков Тырышкин и торговый дом «Наследники коммерции советника И. В. Александрова», ранее имевшие свои пароходства. Устав товарищества был утвержден Николаем II 21 декабря 1901 г., и в нем отмечалось, что товарищество на паях учреждается «для содержания и развития пароходных сообщений по рр. Вятке, Каме и Волге с их притоками, с целью перевозки пассажиров, а также для транспортирования кладей по сухопутным и водяным путям…»[20].

В тот период в Вятке и в уездных городах действовали общественные банки, появившиеся благодаря активности городских дум и предпринимательского сообщества. Работали также отделения Государственного банка, Волжско-Камского банка, Русского для внешней торговли банка, Сибирского торгового банка, Русского торгово-промышленного банка. Наиболее крупными по числу банков были города Вятка, Сарапул, Котельнич. Несмотря на преобладание в регионе

[17] Подробнее об этом см.: Судовиков М. С. Купечество Вятского края: от истоков до 1917 года. Изд. 2-е, перераб. и доп. Киров, 2018. С. 176–209.

[18] Эргин А. А. Значение Пермь-Котласской железной дороги для Вятского края // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 год. Отд. II. Вятка, 1901. С. 134–137.

[19] Китанина Т. М. Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова — Стахеева — Батолина. Л., 1969. 180 с.

[20] Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 628. Оп. 5. Д. 116. Л. 293.

мелкого и среднего предпринимательства с традиционным укладом экономических интересов, характеризовавшихся аграрно-торговой направленностью, банковские учреждения становились источником финансирования местных промышленных производств.

Все эти черты и особенности социально-экономического положения Вятской губернии влияли на развитие ее общественно-политической жизни. Ввиду незначительности частного землевладения и фабрично-заводской промышленности накал крестьянских и рабочих выступлений здесь был намного меньше, чем в центральных губерниях. Неслучайным стал факт, что в дни октябрьского переворота 1917 г. и в первое время после него в Вятке продолжал свою деятельность губернский комиссар Временного правительства и при нем был создан Совет по управлению губернией, который пытался сохранить власть до созыва Учредительного собрания. Установление же в губернии советской власти стало возможным после прибытия сюда участников штурма Зимнего дворца, балтийских матросов, представителей Петроградского военно-революционного комитета[21].

В целом отметим, что территория обширного края — Вятской земли и Вятской губернии — складывалась главным образом следующими путями: естественным, или историческим, — на ранних этапах становления и административным, или реформаторским, — в последующее время. Как и в стране в целом, большую роль в становлении территории Вятской губернии сыграли петровские и екатерининские преобразования, которые, ломая сложившееся в государстве административно-территориальное устройство, сохранили историческое название местности. Опыт формирования и существования Вятской губернии как территориальной единицы можно признать удачным с точки зрения и проведения государственной политики, и интересов местного многонационального населения. Территориальной спецификой Вятского края стало его расположение на пограничье разных регионов, сочетание в местной культуре традиций европейских и восточных народов, наличие богатого опыта местного самоуправления и существенное преобладание незакрепощенного крестьянского населения, жившего в неблагоприятных природно-климатических условиях.

References

1917 god v istorii Vyatskogo kraya: 100-letiyu Velikoy rossiyskoy revolyutsii posvyashchayetsya: v 2 kn. [1917 in the History of the Vyatka Region: Dedicated to the 100th Anniversary of the Great Russian Revolution: In 2 Books]. Kirov: ID "Gertsenka" Publ.; OOO "Vesi" Publ., 2018, book 1. (In Russian).

Emmaussky A. V. [Economic Development of the Vyatka Governorate at the end of the 18th Century (Based on General Descriptions)]. *Uchenyye zapiski Kirovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V. I. Lenina* [Scientific Notes of the Kirov State Pedagogical Institute Named after V. I. Lenin]. Kirov: Kn. izd-vo, 1965, iss. 19, 3–24. (In Russian).

Entsiklopediya zemli Vyatskoy: v 10 t. [Encyclopedia of the Vyatka Land: In 10 Vols]. Kirov: Dom pechati "Vyatka" Publ., 1994, vol. 1. (In Russian).

Entsiklopediya zemli Vyatskoy: v 10 t. [Encyclopedia of the Vyatka Land: In 10 Vols]. Kirov: Dom pechati "Vyatka" Publ., 1995, vol. 4. (In Russian).

Gorod i gorozhane: Khlynov — Vyatka — Kirov — 650: ocherki i dokumenty [The City and City Dwellers: Khlynov — Vyatka — Kirov — 650: Essays and Documents]. Kirov: KOGBUK "KOUNB im. A. I. Gertsena" Publ., 2024. (In Russian).

Kitanina T. M. *Voyenno-inflyatsionnyye kontserny v Rossii 1914–1917 gg. Kontsern Putilova — Stakheyeva — Batolina* [Military-Inflationary Concerns in Russia 1914–1917. The Concern Putilov — Stakheev — Batolin]. Leningrad: Nauka Publ., 1969. (In Russian).

Spassky N. A. *Trudy po istorii i statistike Vyatskogo kraya* [Works on the History and Statistics of the Vyatka Region]. Kirov: Kirov. obl. tip. Publ., 2014. (In Russian).

Sudovikov M. S. *Kupechestvo Vyatskogo kraya: ot istokov do 1917 goda. Izd. 2-ye, pererab. i dop.* [The Vyatka Region Merchants: From the Origins to 1917. 2nd Ed., Rev. and Suppl.]. Kirov: ID "Gertsenka" Publ., 2018. (In Russian).

Vyatskiy kray na rubezhe tysyacheletiy. Istoriya i sovremennost'. Istoriko-statisticheskiy sb. [The Vyatka Region at the Turn of the Millennium. History and Modernity. Historical and Statistical Collection]. Kirov: Kirovskiy obl. komitet gos. statistiki, "Triada-S" Publ., 2002. (In Russian).

[21] 1917 год в истории Вятского края: 100-летию Великой российской революции посвящается: ист.-док. сб.: в 2 кн. / Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена, науч.-иссл. Центр регионоведения. Киров, 2018. Кн. 1. С. 5–7.

Археология Вятской земли: новейшие исследования

УДК 902.2(470.342) DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-58-71

Глазырина Маргарита Кирилловна
лаборант научно-исследовательской археологической лаборатории, Вятский государственный университет (Россия, Киров)
ORCID 0000-0002-0256-5836
E-mail: rita_glazyrina1999@mail.ru

Черанёва Дарья Владимировна
лаборант научно-исследовательской археологической лаборатории, Вятский государственный университет (Россия, Киров)
ORCID 0009-0008-6351-0151
E-mail: tcheraniova.darya@yandex.ru

Пантюхина Ксения Александровна
студент факультета истории, политических наук и культурологии, Вятский государственный университет (Россия, Киров)
ORCID: 0009-0000-3218-4463
E-mail: kseniapantyuhina@gmail.com

Археологические работы на территории города Кирова в 2020–2024 гг.

АННОТАЦИЯ. В статье кратко представлены результаты археологических работ на территории муниципального образования г. Киров в 2020–2024 гг. Показан рост числа археологических работ в городе. Основная часть работы посвящена обзору изучения культурного слоя г. Кирова XVII — начала XX в. археологическими разведками и раскопками. Результаты обработки массива данных источников (публикаций в научных изданиях и СМИ, научных отчетов и актов Государственной историко-культурной экспертизы) проанализированы и представлены визуально (в таблице и с помощью карты-схемы). С ее помощью была уточнена хронология культурных слоев города, собрана богатая коллекция предметов материальной культуры, прослежены границы сохранившегося культурного слоя, определены границы охраны новых археологических объектов. Государственная историко-культурная экспертиза позволяет констатировать значительный объем данных, пригодных для осмысленного выделения особых охранных зон в городе и детальной характеристики различных аспектов образа жизни городского населения исторического времени, основанной на комплексном анализе письменных и археологических источников. Такого рода работы активно реализуются в соседних городах Урала и Сибири. В статье даны сведения о всех археологических работах на территории муниципального образования г. Киров с указанием наличия или отсутствия культурного слоя, при этом дается список всех разведочных работ на территории города, а также кратко описываются раскопочные работы, как связанные с самим слоем города, так и с памятниками, которые относятся к городским поселениям, но сейчас в ходят черту г. Кирова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: городская археология, раннее Новое время, ранний железный век, город Киров, город Хлынов-Вятка, участок культурного слоя, государственная историко-культурная экспертиза

Для цитирования: Глазырина М. К., Черанёва Д. В., Пантюхина К. А. Археологические работы на территории города Кирова в 2020–2024 гг. // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3. № 4. С. 58–71. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-58-71

Поступила в редакцию 17.07.2024

Принята к публикации 02.12.2024

© Глазырина М. К., Черанёва Д. В., Пантюхина К. А., 2024

Archaeology of the Vyatka Land: The Latest Research

UDC 902.2(470.342) DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-58-71

Margarita K. Glazyrina
Vyatka State University (Russia, Kirov)
ORCID 0000-0002-0256-5836
E-mail: rita_glazyrina1999@mail.ru

Darya V. Cheraneva
Vyatka State University (Russia, Kirov)
ORCID 0009-0008-6351-0151
E-mail: tcheraniova.darya@yandex.ru

Ksenia A. Pantyukhina
Vyatka State University (Russia, Kirov)
ORCID: 0009-0000-3218-4463
E-mail: kseniapantyuhina@gmail.com

Archaeological Explorations on the Territory of the City of Kirov in 2020–2024

ABSTRACT. The article briefly presents the result of archaeological explorations on the territory of the city of Kirov in 2020–2024. The growth in number of archaeological works in the city is shown. The main part of the article is devoted to the review of the study of the cultural layer of Kirov in the 17th — early 20th century by archaeological exploration and excavations. The results of processing data sources (scientific publications and publications in mass media, scientific reports and acts of the state historical and cultural expertise) are analyzed and presented visually (in a table and using a schematic map). With its help, the authors clarify the chronology of the cultural layers of the city, collect a rich collection of objects of material culture, trace the boundaries of the preserved cultural layer and determine the boundaries of the protection of new archaeological sites. The state historical and cultural expertise allows ascertaining a significant amount of data suitable for meaningful identification of special protection zones in the city and detailed characteristics of various aspects of the lifestyle of the urban population of historical time, based on a comprehensive analysis of written and archaeological sources. This kind of work is being actively implemented in the neighboring cities of the Urals and Siberia. The article provides information about all archaeological works on the territory of the Kirov municipality, indicating the presence or absence of a cultural layer, while giving a list of all exploration works on the territory of the city; it also briefly describes excavation works both related to the city layer itself and with sites that belong to pre-urban settlements, but now included in the Kirov city limits.

KEYWORDS: urban archaeology, early Modern times, early Iron Age, Kirov city, Khlynov-Vyatka city, site of a cultural layer, state historical and cultural expertise

For citation: Glazyrina M. K., Cheraneva D. V., Pantyukhina K. A. [Archaeological Explorations on the Territory of the City of Kirov in 2020–2024]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2024, vol. 3, no. 4, pp. 58–71. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-58-71 (In Russian).

Received 17 July 2024

Accepted 2 December 2024

© 2024 The Authors

Город Хлынов в начальный период своего существования занимал только небольшую часть современной территории г. Кирова, ограниченную с юга Засорным оврагом, с севера — Раздерихинским оврагом, с востока — крутым берегом реки Вятки, на западе лежало болото. Образуя замкнутый многоугольник, вплотную друг к другу были поставлены срубы, заменявшие городскую стену. На месте первоначального поселения, на крутом западном берегу реки Вятки, образовался хорошо укрепленный административный, церковный и общественный центр города — кремль. Археологическое изучение этой территории началось в 1935 г. и продолжилось до XXI в.[1]

Известно, что городской торг был вынесен за пределы укреплений кремля, здесь, рядом со рвом, окружавшим кремль, возник и стал развиваться торговый и общественный центр. Улицы вели от торга к острогу, продолжаясь за ними как дороги в города и селения Вятской земли. В начале второй половины XVII в. посад получил новые границы, расширившись к западу до современной Театральной площади. Система укреплений города представляла собой распространенный тип подковообразных укреплений массовых поселений, отличаясь от них тем, что была усилена устройством земляных валов и имела сторону, хорошо защищенную естественным рельефом — крутыми берегами реки Вятки и Засорного оврага. В 1580 г. на южном берегу Засорного оврага, где было одно из городских кладбищ и стояли две деревянные церковки, монах Трифон построил Благовещенскую церковь и положил начало новому Успенскому мужскому монастырю. Здесь активно застраивалась территория, замкнутая острогом, Заоградная монастырская слободка. Территория самого монастыря и бывшей слободки активно осваивалась и в XXI в., с 2004 г. активно археологически изучалась[2].

Археологическое изучение территории посада началось в 1935 г. и происходит до настоящего времени, затрагивая систему посадских укреплений, разделяющих посадскую часть и Владимирскую слободку, овраг Малая Засора, а также территории, прилегавшие к Преображенскому женскому монастырю, и приходские кладбища Покровской и Вознесенской церквей[3].

15 марта 2022 г. Федеральной службой по интеллектуальной собственности было выдано Свидетельство о регистрации «Геоинформационной базы археологических исследований г. Кирова». В базе отражена территория города Кирова в его современном виде — в этих границах новый геоинформационный ресурс предоставляет данные о 194 археологических работах, осуществленных с 1935 по 2021 г. под руководством 23 археологов. Кроме того, в базу добавлены планы городов XVIII–XIX вв. Статья расширяет саму базу и повествует о работах в городе в XXI в.[4]

Сбор данных осуществлялся в соответствии с ведущими методическими приемами, применяемыми в археологии как способ анализа и обобщения результатов, произведенных в конкретных географических рамках полевых исследований (обращаясь, например, к опыту коллег на примере г. Екатеринбурга, г. Кургана, г. Ижевска, г. Сарапула)[5]. Источниками послужили:

1) Архивные материалы: отчеты, полевые материалы.

2) Перечни выявленных и исследованных объектов, а также результаты исследований в печатных публикациях[6].

---

[1] Подробнее: Кайсин А. О., Борисова А. М., Глазырина М. К. Хлыновский кремль в XVI–XVIII вв. (по археологическим данным) // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1, № 1. С. 82–92.

[2] Подробнее: Археологические работы на территории Успенского Трифонова монастыря / Сенникова Л. А. [и др.] // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 1. С. 64–75.

[3] Подробнее: Кайсин А. О., Глазырина М. К., Борисова А. М. Посад города Хлынова в XVI–XVIII вв. (по археологическим данным) // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1, № 3. С. 76–91.

[4] Кайсин А. О. Глазырина М. К. К вопросу о границах культурного слоя города Кирова (Хлынова, Вятки) XVII–XIX вв. // Региональные столицы России — точки опоры и роста: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург, Пермь, 20–22 сентября 2023 года. Екатеринбург; Пермь, 2023. С. 29.

[5] Булакова Е. А., Трофимова Е. А. Культурный слой г. Екатеринбурга XVIII — начала XX в. по данным археологии: проблемы и перспективы изучения // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1, № 3. С. 97; Маслюженко Д. Н., Новиков И. К., Скородумов М. П. Кладбища и места захоронений города Кургана по данным картографии и археологии // Культура русских в археологических исследованиях: сборник научных статей: в 2 т. Братск, Омск, 2024. С. 274–279; Перевозчикова С. А. Опыт выделения границ территории объектов археологического наследия Нового времени в Ижевске и Сарапуле // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24, № 3. С. 535–548.

[6] Глазырина М. К., Кайсин А. О., Харина В. М. Упоминания в периодической печати археологических исследований в городе Кирове в XX — начале XXI века // Общество. Наука. Инновации (НПК-2020): XX Всерос. науч.-практ. конф., 17 февр. — 26 апр. 2020 г. В 2 т. Киров, 2020. Т. 1. Гуманитарные и социальные науки. Электрон. текстовые дан. С. 138–143.

3) Открытые данные по проведенным Государственным историко-культурным экспертизам (ГИКЭ), документации, содержащей результаты обследования земельных участков, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками ОКН: акты ГИКЭ, приложения в виде технических отчетов, приказы Управления государственной охраны объектов культурного наследия по Кировской области[7].

4) Публикации археологов Кировской области в научных изданиях.

Институт историко-культурной экспертизы появился в 2015 г. До его появления застройщик был не обязан проводить археологические исследования на вновь застраиваемом участке, поэтому зачастую археологи довольствовались лишь зачисткой и фиксацией стенок строительных котлованов, сбором подъемного материала и обследованием земельных выбросов. Однако закрепление экспертизы на государственном уровне способствовало выполнению работ в исторической застройке в соответствии с археологической методикой, что позволяет выявлять новые, ранее не известные сохранившиеся участки культурного слоя городской застройки[8].

В настоящее время экспертиза выполняется в соответствии с утвержденными принципами проведения Государственной историко-культурной экспертизы (далее — ГИКЭ), установленными ст. 29 «Принципы проведения историко-культурной экспертизы» Федерального закона № 73-ФЗ от 25.06.2002 «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации», а также на основании «Положения о государственной историко-культурной экспертизе», утвержденного Правительством Российской Федерации от 15.07.2009 № 569.

За 2020–2024 гг. было проведено более 80 археологических работ различных типов *(см. цв. вклейку, рис. 2)*. Работы проводились следующими организациями: КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области», ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», ООО АК «Экспедиция», Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, ООО «Центр историко-археологических исследований Кировской области», ООО «ЦРСП», ООО «Арго»[9].

Разведочные работы на территории г. Кирова в 2020–2024 гг.

(см. цв. вклейку, рис. 2, 3)

За 2020–2024 гг. ГИКЭ на территории г. Кирова было проведено более 70 историко-культурных экспертиз, при этом на 6 участках было выявлено наличие культурного слоя (см. таблицу 1).

В течение 2020 г. (июнь — декабрь) было проведено 10 археологических разведок. Руководство полевыми исследованиями и заложение шурфов (июнь — ноябрь) осуществляли Матвеев Р. В. (3 объекта), Русланова Р. Р. (6 объектов), Ракушин А. И. (1 объект), Комаровских И. А. (1 объект). Археологическая разведка проводилась как в центре г. Кирова (ул. Свободы, д. 96а; ул. Ленина, д. 147), так и в черте города (Ленинский район, юго-западная окраина города; Первомайский район, преимущественно по пойме правого берега р. Вятки; п. Ганино, участок от ул. Мира, д. 1/5, до ул. Мира, д. 40; д. Гнусино). Охраняемого культурного слоя выявлено не было, площадь земельных работ составляла от 1 до 10 кв. м, кроме двух случаев.

Объект археологического наследия «Участок культурного слоя г. Хлынова/Вятки, XVIII–XX вв.» (Кикиморская слобода) был выявлен Р. Р. Руслановой в парке им. Ю. А. Гагарина в 2020 г. Исторически данная территория появляется на планах города сравнительно поздно — в 1812 г. До этого, согласно плану города 1759 г., на данном участке существовала пустошь Семеновская (Филимонова), на которой были расположены земли, принадлежавшие Трифонову монастырю, и две слободки — Большая и Малая Кикиморские. В XIX в. данный участок начинает активно осваиваться: здесь была построена Хлебная (Семеновская) торговая площадь, через которую проходил практически весь грузопоток из юго-восточной части Вятской губернии. В 1896 г. данная территория стала сквером вокруг построенного в 1839–1864 гг. собора Александра Невского[10]. В ходе работ 2020 г. в трех

---

[7] Общественное обсуждение актов государственной историко-культурной экспертизы // Управление государственной охраны объектов культурного наследия Кировской области. URL: https://okn.kirovreg.ru/documents/conclusion-state/ (дата обращения: 20.09.2024).

[8] Егоров А. В. Новые сведения по историко-археологической топографии городов Киров и Слободской, полученные в ходе проведения ГИКЭ за 2015–2022 гг. // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24, № 3. С. 504–510.

[9] Авторы благодарят за консультации: Андрея Леонидовича Кряжевских, Андрея Владимировича Егорова, Кирилла Николаевича Глушкова, Павла Анатольевича Харина, Алексея Олеговича Кайсина и Романа Леонидовича Старкова.

[10] Тинский А. Г. Планировка и застройка города Вятки в XVII–XIX вв. Киров, 1976. С. 133.

шурфах было обнаружено достаточно большое количество фрагментов красноглиняной тонкой, красноглиняной грубой и мореной гончарной керамики XVIII–XX вв., кованые гвозди, слюда, изделия из стекла с патиной[11].

«Культурный слой Вятского Успенского Трифонова монастыря, XVI–XX вв.» был выявлен Р. Р. Руслановой в 2020 г. на исторической территории монастыря. В 2020 г. в 15 шурфах было обнаружено большое количество фрагментов красноглиняной тонкой, красноглиняной грубой и мореной гончарной керамики XVII–XIX вв., кованые гвозди, фрагменты архитектурных деталей, слюда, фрагменты надгробий, фрагменты изразцов, а также полностью и частично исследовано пять погребений[12].

В 2021 г. проведено 11 археологических разведок (январь — декабрь). Авторами полевых исследований являлись Русланов Е. В. (1 объект), Усов А. В. (2 объекта), Комаровских И. А. (2 объекта), Русланова Р. Р. (4 объекта), Ким М. Г. (1 объект), Перевозчикова С. А. (1 объект), Владимиров Г. В. (1 объект). Полевые работы велись в центре города (ул. Московская, д. 37; ул. Преображенская; ул. Дерендяева, з/у 75/2, и т. д.), однако основная часть сосредоточилась на его южных окраинах (слобода Курочкины, ул. Чистопрудинская, д. 17; ГРС ТЭЦ-5 по Советскому тракту Ленинского района; Нововятский район, от слободы Столбики до д. Соломинцы; Первомайский р-н, п. Сидоровка и т. д.). Культурного слоя выявлено не было (кроме одного случая), площадь земельных работ составляла от 2 до 17 кв. м. Часть участков была сопряжена с исторической застройкой монастырских земель (ул. Горбачева, д. 18; ул. Урицкого, д. 28; ул. Водопроводная, д. 10).

«Участок культурного слоя г. Хлынова/Вятки XVIII–XX вв.» был выявлен Р. Л. Старковым в 2021 г. в ходе археологической разведки на перекрестке ул. Герцена, Володарского и Копанского переулка. Исторически данный участок располагался за посадским валом г. Хлынова во Владимирской слободке. На период начала XX в. на участке фиксировались несколько усадеб: дом крестьянина Лаптева 1908 г. (ул. Герцена, 34) и дом крестьянина Клабукова 1917 г. (ул. Герцена, 38)[13]. В 2021 г. в двух заложенных шурфах обнаружено большое количество фрагментов красноглиняной тонкой, красноглиняной грубой и мореной гончарной керамики XVII–XIX вв., поливной керамики XIX–XX вв., слюды, фрагмент пуговицы, фрагменты оконного и бутылочного стекла, горлышек бутылок, бутылочное плечевое клеймо «Шато Марго», фрагменты стеклянных штофов, изразцов, фрагмент дверной петли, крюк железный и монета[14].

За 2022 г. были проведены 25 археологических разведок (июнь — декабрь). Руководством большей части полевых работ занимался Старков Р. Л. (8 объектов), а также — Егоров А. В. (6 объектов), Снигирев Ю. О., Усов А. В., Комаровских И. А. (по 3 объекта), Карпов Э. И., Чуйкина Е. В. (по 1 объекту). Примечательно, что часть работ в этот период касалась неисследованных в археологическом плане участков и (или) участков рядом с различными поселениями в черте города (слобода Курочкины; слобода Дымково; окрестности д. Пересторонцы и д. Кисел; дер. Гнусино; р-н д. Седуновщины; в районе д. Мараки — д. Пушкари; д. Чирки; п. Ганино). Особенного внимания заслуживает объект, расположенный по адресу: Октябрьский проспект, д. 36, на котором в результате проведения археологических работ был выявлен объект археологического наследия «Богословское кладбище г. Хлынова/Вятки, XVIII–XX вв.». Объект археологического наследия «Богословское кладбище г. Хлынова-Вятки, XVIII–XX вв.» был выявлен А. В. Егоровым в 2022 г. в окрестностях школы № 48 (Октябрьский проспект, 36). Исторически на данном участке располагалось Иоанно-Богословское кладбище, открытое в 1772 г. вблизи бывшего Богословского Подгородного Хлыновского монастыря, основанного в 1723 г. и упраздненного в 1764 г. Первоначально территория кладбища располагалась за пределами города, но с течением времени жилая застройка достигла и района его расположения. В 1937 г. кладбище было закрыто, однако отдельные захоронения продолжали производиться до 1955 г.[15] В 2022 г. в трех заложенных шурфах выявлены следы 6 погребений разной степени

[11] Русланова Р. Р. Научный отчет об итогах проведения археологической разведки на территории Канавинского и Нижегородского районов г. Нижнего Новгорода Нижегородской области, Ленинского и Первомайского районов г. Кирова Кировской области в 2020 г. Т. 1 // Архив НПЦ по охране ОКН Кировской области. Киров, 2021.

[12] Егоров А. В. Указ. соч. С. 507.

[13] Любимов В. А. Старая Вятка. Квартал за кварталом. Первая часть. Начало (От Засоры до Острожной). Киров, 2014. С. 192.

[14] Старков Р. Л. Краткая информация (справка) об археологической разведке на земельном участке с кадастровым номером 43:40:000320:564 на территории г. Кирова Кировской области за 2021 год // Архив Управления государственной охраны ОКН Кировской области. Киров, 2021. 66 с.

[15] Кряжевских А. Л. История изучения и перспективы дальнейшего исследования погребальных памятников позднего Средневековья и Нового времени на территории г. Хлынова-Вятки // Теория и практика археологических исследований.

сохранности, совершенных по православному обряду. Полностью было исследовано только одно погребение, выявленное на уровне 120 см от дневной поверхности. Погребенный расположен вытянуто на спине, руки фиксируются на груди. Погребение ориентировано по линии запад — юго-запад — восток — северо-восток, головой на запад — юго-запад. Череп частично раздавлен, в районе ключиц находился нательный крестик XIX в. По периметру гробовища фиксируются круглые гвозди, что указывает на середину 20-х гг. XX в. Один из гвоздей кованый, прямоугольной формы. Совокупный анализ элементов выявленного погребения указывает на дату его захоронения в период 20–30-х гг. XX в., что подтверждает данные об использовании кладбища до 1955 г.[16]

В течение 2023 г. было проведено 27 археологических разведок (май — декабрь). Руководством большей частью полевых работ (апрель — ноябрь) занимались Комаровских И. А. (8 объектов) и Русланов Е. В. (7 объектов). Значительная часть работ касалась участков, связанных со строительством и (или) ремонтом жилых помещений (ул. Торфяная, з/у 13б; ул. Московская, ул. Воровского, з/у 173, и т. д.), а также культурно-образовательных учреждений (г. Киров, ул. Павла Корчагина, д. 39а; ж/к ZNAK, ул. Дмитрия Козулева; ул. Гагарина, д. 6а в Нововятском районе г. Кирова и т. д.).

В ходе работ по благоустройству парка им. Кирова в Ленинском районе оказались обнаружены участки сохранившегося культурного слоя — «Соловьевское селище» (автор полевых исследований Шигаев В. Н.). Было заложено 33 рекогносцировочных шурфа, 9 из которых показали наличие археологического материала, относящегося к периоду XVIII — нач. XX вв.

А. В. Егоровым в ходе разведки выявлен «Участок культурного слоя г. Хлынова-Вятки, XVIII–XX вв. (культурный слой усадьбы Веретенниковых-Якубовских)». Памятник располагается в центральной части г. Кирова, на участке между домом No 67 по ул. Ленина с востока, домом No 9 по ул. Московской с юга. Объект полностью включает в себя территорию земельных участков с кадастровыми номерами 43:40:000283:40, 43:40:000283:206 и 43:40:000283:39.

Кроме этого, Э. И. Оруджовым в результате проведенных исследований на территории земельного участка, подлежащего хозяйственному освоению в рамках реконструкции «КЛ-6кВ ТП-72–ТП-234» (г. Киров, ул. Ленина, 104/Ленина, 113), был обнаружен культурный слой XIX–XX вв., содержащий фрагменты русской серо-глиняной посуды XIX–XX вв., фрагмент стеклянной бутылки XX века, а также кованные из железа изделия. Определение границ распространения данных культурных напластований позволило выделить «Участок культурного слоя г. Хлынова-Вятки XVIII–XX вв.»[17].

За апрель — сентябрь 2024 г. было проведено 9 археологических разведок (апрель — сентябрь). Руководство полевыми исследованиями и заложение шурфов осуществляли Глушков К. Н. (4 объекта), Комаровских И. А (3 объекта), Кириллова С. А. и Владимиров Н. В. по 1 объекту. Значительная часть работ в этот период велась в юго-западной части города (от ул. Дмитрия Козулева до ул. Энтузиастов; проезд Хлебозаводской, д. 20, 30а, 30; ул. Дорофеева и т. д.).

Следует отдельно упомянуть полевые работы, проведенные К. Н. Глушковым на участках ул. Преображенской, д. 20, 20а в Первомайском районе, в ходе которых был обнаружен новый объект археологического наследия — «Участок культурного слоя г. Хлынова-Вятки, XVIII–XX вв. (культурный слой усадьбы Пяткиных-Шиллегодских)».

Всего за период 2020–2024 гг. на территории муниципального образования г. Киров было выявлено 7 участков культурного слоя Хлынова/Вятки и одно поселение. Все выявленные памятники (участки культурного слоя) представляют собой различные объекты в границах исторической планировки города: культурные слои монастырей и кладбищенские комплексы (могильники), историческая городская (посадская) застройка, вошедшие в городскую черту слободы и т. д. Ранее данные городские локации исследовались только по письменным и картографическим источникам, возможности и новизна которых на сегодняшний момент исчерпаны. Работы в рамках ГИКЭ показали обоснованность и важность проведения такого рода экспертиз, как необходимых мероприятий в исторической части города перед их хозяйственным освоением.

2019. № 1 (25). С. 164–165.

[16] Егоров А. В. Отчет об археологической разведке по территории Белохолуницкого, Уржумского, Шабалинского районов Кировской области и г. Кирова за 2022 г. Т. 1 // Архив НПЦ по охране ОКН Кировской области. Киров, 2023. 194 с.

[17] Оруджов Э. И. Отчет об археологических разведках в Первомайском районе г. Кирова Кировской области в 2023 году // Личный архив авторов. Казань, 2024. 101 с.

Таблица 1

Археологические работы на территории г. Кирова в период 2020–2024 гг.

Table 1

Table 1. Archaeological work on the territory of Kirov in 2020–2024

Дата	Автор	Адрес/Кадастровый №	Площадь земельных работ	Наличие охраняемого культурного слоя	Источник
2020	Матвеев Р. В.	Ул. Свободы, д. 96а Кад. №: 43:40:000330:0003	2 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2020	Ракушин А. И.	Ленинский р-н, ГРС ТЭЦ-5 Кад. №: 43:40:001045:362	1 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2020	Матвеев Р. В.	Ул. Орловская, д. 17 Кад. №: 43:40:000329:33	2,5 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2020	Русланова Р. Р.	п. Ганино, участок от ул. Мира, д. 1/5, до ул. Мира, д. 40	10 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2020	Русланова Р. Р.	Ул. Ленина, д. 147 Кад. №: 43:40:000441:2373	3 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2020	Русланова Р. Р.	Участок выделенного под благоустройство территории парка им. Ю. А. Гагарина в Первомайском районе г. Кирова	3 кв. м	Обнаружен	Отчет
2020	Русланова Р. Р.	Археологической разведки в Первомайском районе г. Кирова в целях изучения участков фундамента объекта культурного наследия федерального значения «Благовещенская церковь», 1728 г.	20 кв. м	Обнаружен	Отчет
2020	Комаровских И. А.	Д. Гнусино Кад. №: 43:30:370304:148	7 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2020	Русланова Р. Р.	Ул. Спасская, 67А	3 кв. м	Не обнаружен	Отчет
2021	Старков Р. Л.	Ул. Герцена, 34 Кад. №: 43:40:000320:564	2 кв. м	Обнаружен	Отчет
2021	Русланов Е. В.	Ул. Горбачева, д. 18 Кад. №: 43:40:000323:309	2,5 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2021	Усов А. В.	Ул. Дерендева, з/у 75/2 Кад. №: 43:40:000335:33	2 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2021	Комаровских И. А.	Первомайский р-н, п. Сидоровка	7 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2021	Русланова Р. Р.	Ул. Московская, д. 37 Кад. №: 43:40:000286:11	2 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2021	Русланова Р. Р.	Нововятский р-н, от слободы Столбики до д. Соломинцы	17 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2021	Ким М. Г.	ГРС ТЭЦ-5 по Советскому тракту Кад. №: 43:40:001045:362	6 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2021	Перевозчикова С. А.	Ул. Преображенская, Кад. №: 43:40:000290:1525	5 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ

2021	Усов А. В.	Ул. Урицкого, д. 28 Кад. №: 43:40:000350:1059	5 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2021	Комаровских И. А.	Слобода Курочкины, ул. Чистопрудинская, д. 17 Кад. №: 43:40:000515:12537	1 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2021	Русланова Р. Р.	Ул. Водопроводная, д. 10 Кад. №: 43:40:000326:363	2 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2021	Русланова Р. Р.	Ул. Энтузиастов, з/у 23 Кад. №: 43:40:001028:2285	4 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2021	Усов А. В	Территория Филейского муниципального кладбища	2 кв. м	Не обнаружен	Отчет
2021	Владимиров Г. В.	Окрестности п. Сосновый и д. Монастырская городского образования г. Киров	––	Не обнаружен	Отчет
2022	Чуйкина Е. В.	Ул. Капитана Дорофеева, д. 8 Кад. №: 43:40:001028:5325	4 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Комаровских И. А.	Слобода Курочкины, Д. 5, 7, 11, 13а, 13, 17, 26а, 27а, 27, 28, 29а, з/у 29, 39 Кад. №.: 43:40:000515:85, 43:40:000515:98, 43:40:000515:12, 43:40:000515:34, 43:40:000515:8296, 43:40:000515:6740, 43:40:000515:12991, 43:40:000515:1692, 43:40:000515:5765, 43:40:000515:1695, 43:40:000515:27, 43:40:000515:48, 43:40:000515:11089, 43:40:000515:8950, 43:40:000515:8949, 43:40:000515:12541, 43:40:000515:15, 43:40:000515:6742, 43:40:000515:200, 43:40:000515:153, 43:40:000000:2887	20 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Комаровских И. А.	Мелькомбинатовский проезд, з/у 7, д. 7, Ленинский р-н Кад. №: 43:40:000371:727, 43:40:000371:44, 43:40:000371:3	7 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Комаровских И. А.	Участок от ул. Луганской до ул. Крупской по пер. Березниковскому	2 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Усов А. В.	Ул. Потребкооперации, д. 42 Кад. №: 43:40:000541:108	3 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Усов А. В.	Ул. Луначарского, д. 20 Первомайского района г. Кирова Кад. квартал: 43:40:000572	2 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ

2022	Усов А. В.	Октябрьский р-н г. Кирова Кад. №: 43:40:000125:242	33 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Карпов Э. И.	От ул. Слобода Куртеева до д. Шубино	4 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Егоров А. В.	Ленинский р-н, окрестности д. Пересторонцы и д. Кисели, Пересечение ул. Капитана Дорофеева и ул. Энтузиастов	4 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Старков Р. Л.	Ул. Мостовицкая, д. 15 Кад. №: 43:40:000515:13506	5 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Егоров А. В.	Октябрьский проспект, д. 36 Кад. №: 43:40:000210:74	7,2 кв. м	Обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Егоров А. В.	Ул. Красный Химик, ул. Сандаловская Кад. квартал: 43:40:000635	4 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Егоров А. В.	Ул. Свободы, д. 115г Кад. №: 43:40:000347:105	3 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Старков Р. Л.	Кад. кварталы: 43:40:000586, 43:40:000584	6 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Старков Р. Л.	З/у в р-не д. Седуновщины Кад. №: 43:40:002722:13	8 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Старков Р.Л.	З/у в р-не д. Мараки — д. Пушкари, Кад. №: 43:40:002505:195	2 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Старков Р. Л.	з/у в р-не д. Мараки — д. Пушкари, Кад. №: 43:40:002505:63	2 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Старков Р. Л.	З/у в р-не д. Мараки — д. Пушкари, Кад. №: 43:40:002505:197	2 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Старков Р. Л.	З/у в д. Чирки Кад. №: 43:40:002722:9	6 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Старков Р. Л.	П. Ганино, ул. Крымская, з/у 27 Кад. №: 43:40:000070:2623	5 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Снигирев Ю.О.	Ж/к ZNAK, д. 31, 32, 33, ул. Дмитрия Козулева, з/у 9 Кад. №: 43:40:001030:2203	4 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Снигирев Ю. О.	Ж/к ZNAK, ул. Дмитрия Козулева, з/у Кад. №: 43:40:001030:1521	1 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Снигирев Ю. О.	П. Садаковский — д. Мараки, з/у 2 Кад. №: 43:40:002511:11	26 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2022	Егоров А. В.	ЖК «Знак»	3 кв. м	Не обнаружен	Отчет
2022	Егоров А. В.	Ул. Дерендяева, 70	3 кв. м	Не обнаружен	Отчет

2022	Егоров А. В.	Стадиона «Трудовые резервы» по ул. Спасской, 4А	4 кв. м	Не обнаружен	Отчет
2023	Комаровских И. А.	Ж/к ZNAK, ул. Дмитрия Козулева, з/у 14 Кад. №: 43:40:001030:2200	3 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Комаровских И. А.	Г. Киров, слобода Столбики — ул. Фестивальная Кад. №: 43:40:000000:3028/1	5 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Комаровских И. А.	Ул. Анжелия Михеева, з/у 15 Кад. №: 43:40:001028:5143	2 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Комаровских И. А.	Ул. Анжелия Михеева, з/у 13 Кад. №: 43:40:001028:5142	2 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Комаровских И. А.	Слобода Шевели, перекр. ул. Карла Маркса и ул. Профсоюзная	4 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Снигирев Ю. О.	Ул. 4-й Пятилетки, д. 82 Кад. №: 43:40:000560:60, 43:40:000560:61	10 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Снигирев Ю. О.	Ул. Торфяная, з/у 13б Кад. №: 43:40:000000:3025	1 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Снигирев Ю. О.	Ул. Дмитрия Козулева и проезд № 2 Кад. №: 43:40:001030:3363	1 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Снигирев Ю.О.	По ул. Московской, ул. Воровского, з/у 173 Кад. №: 43:40:000128:417	5 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Русланов Е. В.	Ул. Павла Корчагина, д. 39а Кад. №: 43:40:000626:416	3 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Русланов Е. В.	Ул. Рудницкого, д. 11, 13, 21, 23, 25, 29, 33/1	6 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Русланов Е. В.	Ул. Павла Корчагина, з/у 240а	3 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Русланов Е. В.	Ул. Гагарина, д. 6а	4 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Русланов Е. В.	З/у от ул. Воровского до ул. Московской (на участке от улицы Ульяновской до улицы Московской)	4 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Русланова Р. Р.	Ул. Воровского, д. 42 Кад. №: 43:40:000364:31	6 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Комаровских И. А.	Ж/к ZNAK, ул. Дмитрия Козулева, з/у 10а Кад. №: 43:40:001030:2207	3 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Шигаев В. Н.	Ленинский р-н, (парк им. Кирова) Кад. №: 43:40:000378:116, 43:40:000378:20	65 кв. м	Обнаружен	Акт ГИКЭ
2023	Егоров А. В.	Ул. Торфяная, з/у 6а	3 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Егоров А. В.	Ул. Владимира Меланьина, д. 2а Кад. №: 43:40:000000:3407	2,5 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ

2023	Комаровских И. А.	Квартал ул. Ленина — Мопра — Свободы — Розы Люксембург	1 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Шорохов М. В.	З/у Лянгасово Кад. №: 43:40:003900:10	4 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Комаровских И. А.	З/у ул. Агрономическая	2 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Кукушкин Ф. Ф.	Транспортный переход на ул. Советской, Нововятский р-н	7 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2023	Оруджов Э. И.	Земельный участок под реконструкцию «КЛ-6кВ ТП-16 (I с. ш) — ТП-212 (I с. ш)» г. Киров, ул. Ленина, 88/ ул. Спасская, 27	2 кв. м	Не обнаружено	Отчет
2023	Оруджов Э. И.	Земельный участок под реконструкцию «КЛ-6кВ ТП-72 — ТП-234», г. Киров, ул. Ленина, 104/ Ленина, 113	4 кв. м	Обнаружен	Отчет
2023	Русланов Е. В.	Ул. Набережная Грина, 7А	1 кв. м	Не обнаружен	Отчет
2023	Егоров А. В.	Ул. Ленина, 67	4 кв. м	Обнаружен	Отчет
2024	Комаровских И. А.	Ж/к ZNAK, ул. Дмитрия Козулева, з/у 11 Кад. №: 43:40:000000:3426	4 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2024	Глушков К. Н.	Ул. Преображенская, д. 20, 20а Кад. №: 43:40:000283:30, 43:40:000283:33	3 кв. м	Обнаружено	Акт ГИКЭ
2024	Кириллова С. А.	Ул. Свободы, д. 123 Кад. №: 43:40:000361:19	2 кв. м	Обнаружен (моложе 100 лет)	Акт ГИКЭ
2024	Глушков К. Н.	Проезд Хлебозаводской, д. 20, 30а, 30 Кад. №: 43:40:000340:11, 43:40:000340:47, 43:40:000340:54	3,5 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2024	Глушков К. Н.	Ул.-дор.сеть на ул. Дорофеева	2,5 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2024	Глушков К. Н.	От ул. Дмитрия Козулева до ул. Энтузиастов	2,5 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2024	Комаровских И. А.	Ул. Дерендяева, д. 61а Кад. №: 43:40:000317:19	1 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2024	Комаровских И. А.	Правобережная часть г. Кирова, от ул. Павла Корчагина до слободы Симоновской	3 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ
2024	Владимиров Н. В.	Ул. Ленина (ул. Горбачева — ул. Свободы — ул. Герцена)	3,5 кв. м	Не обнаружено	Акт ГИКЭ

Раскопочные работы на территории г. Кирова в 2020–2024 гг.

(см. цв. вклейку рис. 2, 3)

В 2020 г., в продолжение работ, связанных с изучением Вятско-ветлужской археологической культуры Ананьинской культурно-исторической области, которые на территории г. Кирова начались в 2019 г.[18], продолжились в октябре — ноябре 2020 г. отрядом археологической экспедиции Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан и Вятского государственного университета под руководством Э. И. Оруджова и А. О. Кайсина, на территории городища были проведены археологические раскопки. На площадке городища был заложен раскоп площадью 50 кв. м. Проведенные на данном участке археологические раскопки показали наличие культурных напластований Вятско-ветлужской археологической культуры АКИО позднего периода (последняя четверть V–III в. до н. э.). Количество предметов, полученных в результате раскопок, составляет 203 ед., среди которых к археологическим источникам мы можем отнести лишь 166 ед. (164 ед. — керамика, 1 — фрагмент льячки и 1 — фрагмент терочной плиты)[19].

В 2021 г. КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области» под руководством Р. Р. Руслановой были проведены раскопки на территории усадьбы купцов Сунцовых г. Вятки в 2021 г. На пересечении улиц Свободы и Спасской, на территории дореволюционной усадьбы купцов Сунцовых, сотрудниками НПЦ в 2021 г. были проведены спасательные археологические раскопки, предваряющие застройку участка. Всего в ходе работ в четырех раскопах был вскрыт культурный слой общей площадью 240 кв. м. Раскопки дали богатый вещевой материал, отражающий повседневную жизнь вятских горожан периода второй половины XVIII — начала XX в. В числе находок — остатки глиняной, фарфоровой, фаянсовой посуды, фрагменты стеклянной тары от алкогольных напитков, минеральной воды, парфюмерной и фармакологической продукции. Среди отдельных примечательных находок — монеты XVIII–XIX вв., фрагменты игрушек, керамические банки для косметики, пуговицы, украшения. Особый интерес представляют собой находки шведской монеты «2 эре» 1759 г. и глиняной мужской фигурки.

В 2022 г. начались раскопки обнаруженного Р. Л. Старковым культурного слоя на перекрестке ул. Герцена, Володарского и Копанского переулка. НПЦ по охране ОКН Кировской области провел раскопки под руководством Э. И. Карпова. На данном участке был исследован культурный слой городской усадебной застройки XIX–XX вв. (на участке располагались дома крестьян Лаптева, Клабукова и Сунцова начала XX в.). На раскопе выявлена большая коллекция археологических предметов, отражающая быт горожан Вятки указанного периода. Часть слоя раскопа представлена бытовым мусором XVIII–XIX вв., которым засыпался расположенный здесь отвершек оврага Засора.

В 2022–2023 гг. в рамках государственного задания Кировской области КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области» были проведены научные раскопки на территории объекта археологического наследия «Кремль г. Хлынова-Вятки» под руководством А. В. Егорова, площадь работ составила 110 кв. м. В качестве участка проведения работ была выбрана крайняя северная часть территории археологического объекта по адресу: Динамовский проезд, 14а, граничащая с современной территорией Преображенского женского монастыря. На данном участке, свободном от современной застройки и коммуникаций, был заложен раскоп общей площадью 50 кв. м. В XVIII–XIX вв. данный участок входил в состав территории, приписанной к Троицкому собору г. Вятки, еще раньше на участке располагался вал и ров кремля города, обозначение которого сохранилось на ряде исторических карт XVIII–XIX вв. В ходе работ были исследованы пласты следующих хронологических периодов:

1. Период XVIII — начала XX в. Слои, относящиеся к данному периоду, отражают историю данного участка в период нахождения его в границах территории Троицкого собора (разрушен в 1930-е гг.). Являются стандартными слоями на памятниках эпохи раннего нового времени.

2. Период XVI–XVII вв. Слои, относящиеся к данному периоду, отражают историю данного

---

[18] Оруджов Э. И., Кайсин А. О. Топографические и культурно-хронологические аспекты в изучении Чижевского городища // Поволжская Археология. 2020. № 3 (33). С. 196–207.

[19] Оруджов Э. И. Археологические раскопки на Наговицынском городище (последняя четверть V—III в. до н. э.) в 2020 г. // Историко-географический журнал. 2023. Т. 2, № 2. С. 81.

участка в период существования в г. Хлынове-Вятке оборонительного вала. На исследуемых горизонтах прослежены конструктивные особенности вала и расположенная рядом с валом обгоревшая деревянная конструкция (жилое или хозяйственное сооружение), перекрытое слоем одной из подсыпок вала. Внутри слоя вала были зафиксированы остатки внутривальных конструкций в виде деревянных срубов.

3. Период XV–XVI вв. Слои, относящиеся к данному периоду, отражают историю данного участка в период до появления вала и сразу после его возведения. Сам вал был исследован полностью, включая внутривальные конструкции. Под сгоревшими деревянными конструкциями в восточной части раскопа выявлена деревянная мостовая, расположенная внутри периметра укреплений. В западной части раскопа вплотную к мостовой примыкают бревна, вероятно, от разрушенного жилого или хозяйственного сооружения. Судя по всему, сооружение было заглублено в материк и существовало до создания на участке мостовой (мостовая проложена сверху бревен сооружения)[20].

На основании вышеизложенного материала, а также комплекса накопленных с 1935 г. знаний об археологии города Кирова, изучения планов города и культурного слоя, обнаруженного в ходе археологических работ, считаем, что граница охраняемого культурного слоя г. Кирова (Хлынова, Вятки) XVII–XIX вв. может быть проведена следующим образом: на севере — по ул. Профсоюзной до Октябрьского проспекта, на западе — от перекрестка ул. Профсоюзной и Октябрьского проспекта до перекрестка с ул. Блюхера, на юге — по течению р. Хлыновки по ул. Блюхера и ул. Хлыновской, на востоке — по течению р. Вятки от впадения в нее р. Хлыновки до ул. Профсоюзной. Юридическая фиксация исторического культурного слоя г. Кирова (Хлынова, Вятки) XVII–XIX вв. как объекта археологического наследия, по нашему мнению, могла бы способствовать активизации охранных археологических работ на территории исторической части города. В таком случае строительные организации были бы вынуждены более ответственно относиться к требованиям, установленным федеральным законодательством в части необходимости проведения историко-культурной экспертизы на месте будущего строительства. Полученные в ходе археологических изысканий сведения о характере и мощности культурного слоя, о распространении и датировке древнейших отложений на территории исторической части г. Кирова позволили бы составить комплексное представление об истории города в XVII–XVIII вв.

References

Bulakova E. A., Trofimova E. A. [The Cultural Layer of the 18th — Early 20th Centuries Ekaterinburg according to Archaeology: Problems and Prospects of Study]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2022, vol. 1, no. 3, pp. 92–109. DOI: 10.58529/2782-6511-2022-1-3-92-109 (In Russian).

Egorov A. V. [Preliminary Results of Archaeological Excavations on the Territory of the Northern Part of the Kremlin of the City of Khlynov-Vyatka in 2022]. *XVI Baderovskiye chteniya: sbornik nauchnykh statey po materialam Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiyem) nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 120-letiyu so dnya rozhdeniya O. N. Badera. Perm', 27 noyabrya — 1 dekabrya 2023 goda* [16th Bader Readings: A Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the All-Russian (With International Participation) Scientific Conference Dedicated to the 120th Anniversary of the Birth of O. N. Bader. Perm, November 27 — December 1, 2023]. Perm: Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet Publ., 2023, pp. 107–112. (In Russian).

Egorov A. V. [New Data of Historical and Archaeological Topography of Kirov and Slobodskoy Obtained through 2015–2022 State Historical and Cultural Expertise]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], 2024, vol. 24, no. 3, pp. 504–510. DOI: 10.31833/uav/2024.24.3.032 (In Russian).

Glazyrina M. K., Kaisin A. O., Kharina V. M. [Mentions in the Periodical Press of Archaeological Research in the City of Kirov in the 20th — Early 21st Centuries]. *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii (NPK-2020): XX Vseros. nauch.-prakt. konf., 17 fevr. — 26 apr. 2020 g.: v 2 t.* [Society. Science. Innovations (NPC-2020): 20th All-Russian Sci. and Pract. Conf., February 17 — April 26, 2020: In 2 Vols]. Kirov: Vyatskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2020, vol. 1, pp. 138–143. (In Russian).

[20] Егоров А. В. Предварительные итоги археологических раскопок на территории северной части кремля г. Хлынова-Вятки в 2022 г. // XVI Бадеровские чтения: сборник научных статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения О. Н. Бадера. Пермь, 27 ноября — 1 декабря 2023 года. Пермь, 2023. С. 107–109.

Kaisin A. O., Borisova A. M., Glazyrina M. K. [The Khlynov Kremlin in the 16th–18th Centuries according to the Data from Archaeology]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2022, vol. 1, no. 1, pp. 82–92. DOI: 10.58529/2782-6511-2022-1-1-82-92 (In Russian).

Kaisin A. O., Glazyrina M. K. [On the Issue of the Boundaries of the Cultural Layer of the City of Kirov (Khlynov, Vyatka) in the 17th–19th Centuries]. *Regional'nyye stolitsy Rossii — tochki opory i rosta: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiyem. Ekaterinburg, Perm', 20–22 sentyabrya 2023 goda* [Regional Capitals of Russia — Points of Support and Growth: Proceedings of the All-Russian Sci. Conf. with International Participation. Ekaterinburg, Perm, September 20–22, 2023]. Ekaterinburg; Perm: Al'fa Publ., 2023, pp. 27–30. (In Russian).

Kaisin A. O., Glazyrina M. K., Borisova A. M. [The Settlement of the City of Khlynov in the 16th–18th Centuries according to Archaeological Information]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2022, vol. 1, no. 3, pp. 76–91. DOI: 10.58529/2782-6511-2022-1-3-76-91 (In Russian).

Kryazhevskikh A. L. [The History and the Prospects of Studying the Burial Mounds of the Late Middle Ages and Modern Times in the Territory of Hlynov-Vyatka]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], 2019, no. 1 (25), pp. 157–168. DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-13 (In Russian).

Lyubimov V. A. *Staraya Vyatka. Kvartal za kvartalom. Pervaya chast'. Nachalo (Ot Zasory do Ostrozhnoy)* [Old Vyatka. Block by Block. Part One. The Beginning (From Zasora to Ostrozhnaya)]. Kirov: Kirovskaya oblastnaya tipografiya Publ., 2014. (In Russian).

Maslyuzhenko D. N., Novikov I. K., Skorodumov M. P. [Cemeteries and Burial Sites of the City of Kurgan according to Cartography and Archaeology] *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: v 2 t.* [Russian Culture in Archaeological Research: In 2 Vols]. Bratsk; Omsk: Izdatel'skiy dom "Nauka" Publ., 2024, vol. 2, pp. 274–279. (In Russian).

Orudzhov E. I. [Archaeological Excavations at the Nagovitsyn Settlement (The Last Quarter of the V–III Centuries BC) in 2020]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2023, vol. 2, no. 2, pp. 76–83. DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-2-76-83 (In Russian).

Orudzhov E. I., Kaisin A. O. [Topographic, Cultural and Chronological Aspects in the Study of the Chizhevskoe Hillfort]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], 2020, no. 3 (33), pp. 196–207. DOI: 10.24852/pa2020.3.33.196.207 (In Russian).

Perevozchikova S. A. [Defining Boundaries of Modern Times Archaeological Heritage Sites in Izhevsk and Sarapul, Udmurt Republic]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], 2024, vol. 24, no. 3, pp. 535–548. DOI: 10.31833/uav/2024.24.3.035 (In Russian).

Sennikova L. A., Kaisin A. O., Onufrienko Yu. A., Zhilina M. V., Borisova A. M. [Archaeological Works on the Territory of the Assumption Trifon Monastery]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* [Herald of Humanitarian Education], 2018, no. 1, pp. 64–75. DOI: 10.25730/VSU.2070.18.008 (In Russian).

Tinsky A. G. *Planirovka i zastroyka goroda Vyatki v XVII–XIX vv.* [Planning and Development of the City of Vyatka in the 17th–19th Centuries]. Kirov: Volgo-Vyatskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1976. (In Russian).

УДК 902.2(470.342) DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-72-85

Оруджов Эдуард Игоревич
к. и. н., старший научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (Россия, Казань)
ORCID: 0000-0003-2686-7780.
E-mail: orudzhov.eduard@mail.ru

Кайсин Алексей Олегович
заведующий научно-исследовательской археологической лабораторией, Вятский государственный университет (Россия, Киров)
ORCID: 0000-0002-6188-0043
E-mail: akai_slob@mail.ru

Шипилов Антон Валентинович
к. и. н., старший научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (Россия, Казань)
ORCID: 0000-0003-3770-8777
E-mail: Shipilov_anton@mail.ru

Археологические исследования на Пижемском городище в 2022 году

АННОТАЦИЯ. В статье дается описание физико-географического расположения Пижемского городища. Кратко излагается история изучения памятника с середины XIX века вплоть до настоящего времени. Подведены итоги совместной археологической экспедиции Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ и Вятского государственного университета в 2022 г. на территории Пижемского городища. В северно-западной части площадки городища был заложен раскоп площадью 78 кв. м. По результатам данных исследований при прокопке верхнего горизонта раскопа были обнаружены контуры прямоугольного деревянного наземного сооружения эпохи Средневековья. Полученный при раскопках археологический материал представлен изделиями из керамики, кости, металла, обожженной глины и камня. Основную часть коллекции занимает керамический комплекс, который представлен фрагментами сосудов вятско-ветлужской культуры среднего и позднего периода ананьинской культурно-исторической области (V–IV вв. до н. э.) и керамикой эпохи Средневековья (VIII–XIII вв.). Анализ находок, полученных в результате исследований Пижемского городища, позволил сделать вывод о хозяйственной жизни населения городища, в которой значительную роль играла охота (наконечники стрел), рыбная ловля (острога), прядение (пряслица), шитье (острия), обработка шкур (скребки, лопатки-тупики, ножи), металлургия (фрагмент льячки). Обнаруженная в верхнем горизонте раскопа серия железных наконечников стрел свидетельствует об участии населения городища в вооруженных столкновениях в эпоху раннего Средневековья (VIII–XIII вв.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кировская область, Советск, Пижма, Пижемское городище, вятско-ветлужская культура, ананьинская культурно-историческая область

Для цитирования: Оруджов Э. И., Кайсин А. О., Шипилов А. В. Археологические исследования Пижемского городища 2022 г. // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3. № 4. С. 72–85. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-72-85

Поступила в редакцию 05.08.2024

Принята к публикации 02.12.2024

© Оруджов Э. И., Кайсин А. О., Шипилов А. В., 2024

UDC 902.2(470.342) DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-72-85

Eduard I. Orudzhov
Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (Russia, Kazan)
ORCID: 0000-0003-2686-7780.
E-mail: orudzhov.eduard@mail.ru

Alexey O. Kaisin
Vyatka State University (Russia, Kirov)
ORCID: 0000-0002-6188-0043
E-mail: akai_slob@mail.ru

Anton V. Shipilov
Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (Russia, Kazan)
ORCID: 0000-0003-3770-8777
E-mail: Shipilov_anton@mail.ru

Archaeological research at the Pizhma settlement in 2022

ABSTRACT. The article describes the physical and geographical location of the Pizhma settlement. A brief history of the study of the site from the mid-19th century until today is presented. The results of the joint archaeological expedition of the A. H. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan and Vyatka State University in 2022 on the territory of the Pizhma settlement are summed up. An area of 78 sq.m. was laid in the north-western part of the site of the settlement. According to the results of these studies, during the excavation of the upper horizon of the excavation, the contours of a rectangular wooden ground structure of the Middle Ages were discovered. The archaeological material obtained during the excavations is represented by products made of ceramics, bone, metal, baked clay and stone. The main part of the collection is a ceramic complex, represented by fragments of vessels of the Vyatka-Vetluzh culture of the middle and late period of the Ananyino cultural and historical region (5th – 4th centuries BC) and ceramics of the Middle Ages (8th –13th centuries). The analysis of the findings obtained as a result of the research of the Pizhma settlement allowed us to conclude about the economic life of the population of the settlement, in which hunting (arrowheads), fishing (spears), spinning (spindle whorl), sewing (points), processing of hides (scrapers, dead-end blades, knives) and metallurgy (a fragment of a ladle for pouring molten metal) played a significant role. A series of iron arrowheads discovered in the upper horizon of the excavation indicates the participation of the population of the settlement in armed clashes in the early Middle Ages (8th –13th centuries).

KEYWORDS: Kirov region, Sovetsk, Pizhma River, Pizhma settlement, Vyatka-Vetluzh culture, Ananyino cultural and historical region

For citation: Orudzhov E. I., Kaisin A. O., Shipilov A. V. [Archaeological research at the Pizhma settlement in 2022]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2024, vol. 3, no. 4, pp. 72–85. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-72-85 (In Russian).

Received 5 August 2024

Accepted 2 December 2024

© 2024 The Authors

Пижемское городище расположено в среднем течении р. Вятки, на высоком берегу, возле устья ее правого притока р. Пижмы. В 0,8 км к северо-востоку от д. Волчихи и в 4,6 км к северо-востоку от г. Советска, на юго-западной окраине бывшей д. Городище. Памятник занимает узкий обрывистый мыс подтреугольной формы площадью около 2000 кв. м, который ограничен с севера крутым спуском к реке, а с юга небольшим оврагом. Городище принадлежит к типу мысовых одноплощадных поселений, укрепленных с напольной стороны одним валом высотой до 4,5 м и рвом глубиной 1,5 м. Высота мысовой стрелки составляет 23 м от поймы реки Вятки *(см. цв. вклейку, рис. 4, 5)*.

История изучения Пижемского городища берет свое начало еще с XIX века. Впервые городище было обследовано управляющим Вятской удельной конторы П. В. Алабиным в 1864 г.[1] Исследователем были произведены археологические раскопки, в результате которых была собрана богатая коллекция артефактов, состоящая из фрагментов керамики, изделий из кости и металла.

В 1887–1888 гг. раскопки на памятнике производили А. А. Спицын и П. А. Пономарев. В результате проведенных исследований на склонах мыса было вскрыто около 455 кв. м площади городища. По итогам изучения культурных напластований было зафиксировано большое количество изделий из кости, металла и камня, а также предметов литейного искусства, фрагментов глиняных изделий и костей животных. Дана стратиграфическая характеристика культурного слоя городища[2].

В 1906 г. раскопки на Пижемском городище проводил А. С. Лебедев. В отчете по итогам осуществленных им исследований значительное место отведено описанию городища и истории его изучения. В заключительной части отчета дается подробное описание полученной в результате раскопок археологической коллекции.

Данная коллекция была проанализирована А. С. Лебедевым. Находки были распределены по материалу изготовления и по функциональной принадлежности. Были выделены изделия из кости (295), глины (22), железа (8), камня (6) и меди (2). По функциональности определено пять групп изделий, которые состояли из предметов для охоты, рыбной ловли, домашнего обихода, украшений, а также орудий, функциональную принадлежность которых определить не удалось[3].

Дальнейшее изучение памятника относится уже к советскому периоду и связано с деятельностью Вятско-Камской экспедиции Московского антропологического института МГУ, возглавляемой Б. С. Жуковым. В работе экспедиции по исследованию бассейна р. Вятки принимали участие О. Н. Бадер, А. В. Збруева, Л. Н. Вараксина, М. В. Талицкий и др. В рамках изучения памятников бассейна р. Вятки в 1928 г. сотрудниками данной экспедиции были произведены небольшие археологические раскопки на территории городища. Результаты данной работы впоследствии были опубликованы А. В. Збруевой в 1935 г. в Известиях Государственной академии истории материальной культуры, в статье «Пижемское городище»[4].

Произведенные рекогносцировочные раскопки на площадке городища экспедицией Московского антропологического института МГУ позволили Анне Васильевне не только произвести детальный анализ стратиграфии площадки памятника, но и установить особенности распространения культурного слоя, что впоследствии сыграло немаловажную роль при определении участка производства археологических работ уже в 2022 г. На основе полученного при раскопках археологического материала, а также с привлечением коллекций, собранных предыдущими исследователями на городище, А. В. Збруева обозначила основные стороны хозяйственной жизни населения Пижемского городища на всем протяжении его существования. При этом она впервые дает подробную характеристику керамическому комплексу городища, выделяя в нем несколько типов керамики, и проводит параллели с «костеносными городищами» на р. Каме и Ветлуге (Збруева, 1935, с. 288–294). Однако вопрос со временем существования памятника на тот момент ей так и не удалось решить. Лишь позднее в своей монографии «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху» Анна Васильевна согласится с датировкой — VII век до н. э., предложенной

[1] Алабин П. В. Относительно нескольких древностей Вятского края. Вятка, 1865.

[2] Спицын А. А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии Восточных губерний России. М., 1893. Вып. 1. С. 59–62.

[3] Лебедев А. С. Пижемское городище. Казань, 1908. 20 с.

[4] Збруева А. В. Пижемское городище. Из истории родового общества на территории СССР // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. 1935. Вып. 106. С. 265–297.

Л. И. Вараксиной, на основании анализа бронзового трехлопастного наконечника стрелы с боковым шипом из коллекции городища[5].

В 1976 г. городище было вновь обследовано разведгруппой КВАЭ под руководством Н. И. Леконцевой. В его западной части, на самом краю обрыва, был заложен раскоп общей площадью 18 кв. м. Находки представлены керамическим материалом, изделиями из кости и камня, бронзовыми и железными изделиями. В результате проведенных исследований автором определены хронологические рамки существования городища — вторая половина I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.

Летом 2017 г. сотрудниками КОГАУК «Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области» были проведены археологические работы по определению границ городища для включения памятника в реестр объектов культурного наследия федерального значения (Глушков, 2019)[6].

В июле 2022 г. отрядом археологической экспедиции Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан и Вятского государственного университета было возобновлено изучение культурных напластований Пижемского городища. В северо-западной части площадки городища с захватом северной оконечности вала был заложен раскоп общей площадью 78 кв. м *(см. цв. вклейку, рис. 5)*. Выбор участка проведения археологических раскопок был не случаен. Еще А. В. Збруева писала, что мощность культурного слоя ближе к северо-западному склону достигает 1,5 м, тогда как в юго-восточной и центральной части площадки она составляет не более 30–40 см[7]. Аргументом в пользу закладки раскопа на северо-западной окраине памятника послужила и высокая степень антропогенного воздействия на остальную часть площадки городища (большое количество ям). Подобное расположение раскопа также имело цель — одновременно с фиксацией культурных напластований площадки получить стратиграфический разрез вала городища.

К сожалению, в 2022 г. работы завершить не удалось, раскоп был законсервирован. Однако, несмотря на то, что исследования в 2022 г. на данном участке культурного слоя Пижемского городища были не окончены, полученные результаты позволили выделить культурно-хронологические этапы развития материальной культуры памятника на протяжении двух периодов его существования.

По итогам проведенных летом 2022 г. работ был зафиксирован культурный слой мощностью до 2,5 м. Анализ стратиграфической картины раскопа выявил высокую степень смещения культурного слоя в северном, северо-западном направлении к р. Пижма. В связи с данным обстоятельством не удалось полностью произвести строгую стратиграфическую привязку к выявленным в процессе раскопок культурным напластованиям, за исключением слоя светло-серой пестроцветной супеси с включениями угля, золы и известняка, в котором были обнаружены исключительно находки ананьинского времени, V–IV вв. до н. э. Тем не менее анализ материального комплекса городища, полученного в результате раскопок, позволил выделить три культурно-хронологических горизонта: 1) второй этап II периода АКИО (ананьинской культурно-исторической области) (V в. до н. э.); 2) III период АКИО (конец V–IV вв. до н. э.); 3) эпоха Средневековья (VIII–XIII вв.).

Также в верхнем горизонте культурного слоя на городище, при снятии верхних пластов раскопа, на глубине 30–35 см от уровня дневной поверхности были зафиксированы очертания наземного сооружения. Сооружение прямоугольной формы, предположительно каркасно-столбовой конструкции, о чем свидетельствует наличие по его контуру сохранившихся обугленных столбов, а также следов от сгоревшего бревна в виде углисто-зольной полосы, размеры сооружения — 4,9×4,73 м. Предполагаемое время существования — эпоха Средневековья. Данный вывод подтверждается обнаруженным в сооружении комплексом находок, который включает в себя: фрагменты неорнаментированной лепной керамики *(рис. 1)*, которая была широко распространена на данной территории во второй половине I тыс. н. э. — первой половине II тыс. н. э., изделия из железа: нож с прямой спинкой, несколько приспущенной к острию, с узким клинком при толстом обушке (4–5 мм) и прямоугольным шиловидным черенком *(рис. 2.5)*, ножи данной формы появляются

[5] Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. М., 1952. Т. 5. С. 299. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 30).

[6] Глушков К. Н. Отчет об археологической разведке в Кирово-Чепецком, Котельничском, Лебяжском, Пижанском, Советском районах и городе Кирове Кировской области за 2017 г. Киров, 2019 // Архив НПЦ по охране ОКН Кировской области.

[7] Збруева А. В. Пижемское городище. Из истории родового общества на территории СССР. С. 269.

на территории Восточной Европы начиная с VIII века[8], клиновидный наконечник стрелы с ромбовидным сечением *(рис. 2.2)*. Подобные наконечники, по мнению А. Ф. Медведева, появились на рубеже нашей эры и встречаются на территории Восточной Европы вплоть до конца XIII века[9]. Выявленное в процессе раскопок сооружение вполне коррелируется с культурно-хронологическим контекстом верхнего горизонта раскопа.

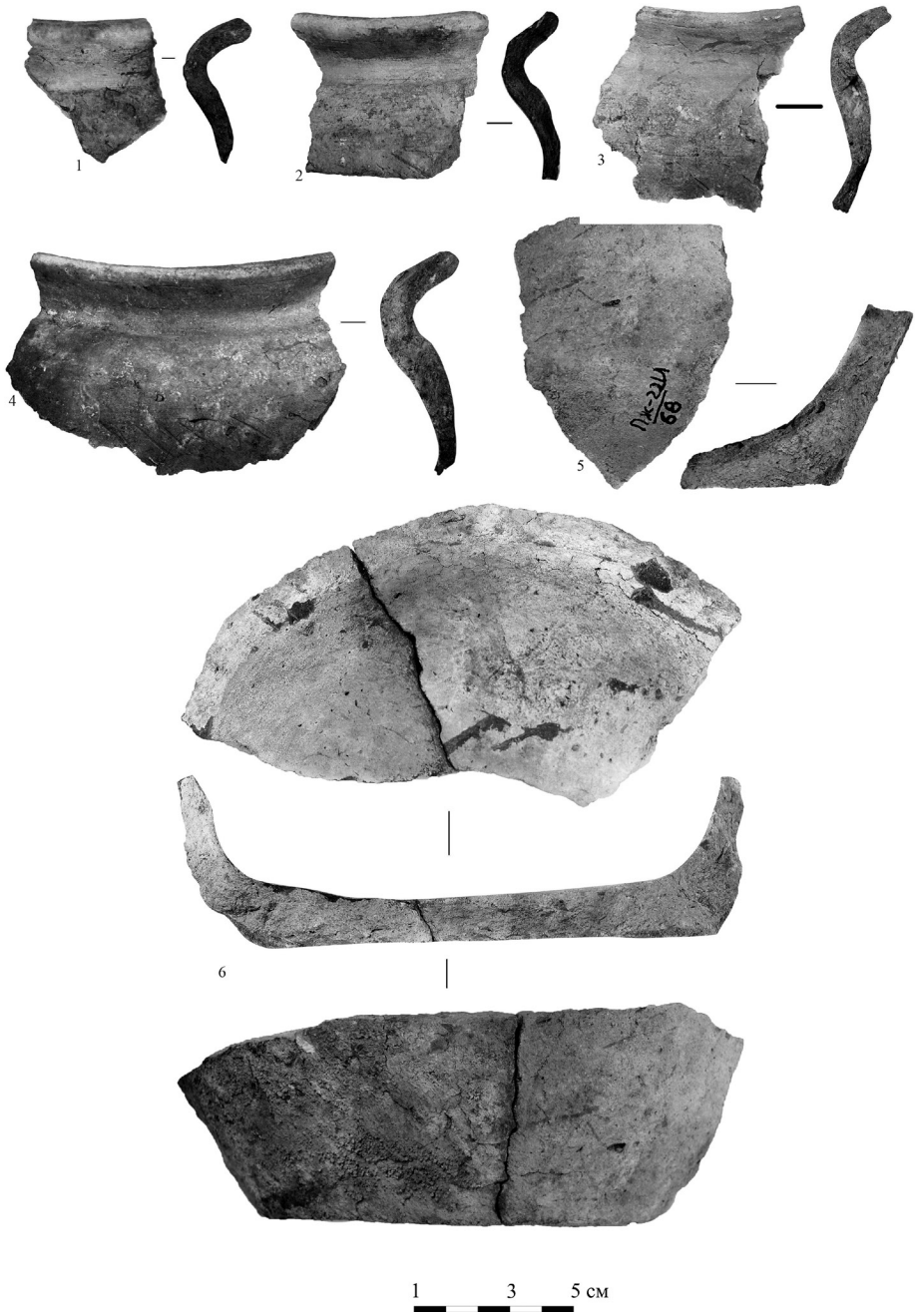

Рис. 1. Керамический комплекс эпохи Средневековья
Fig. 1. Ceramic complex of the Middle Ages

[8] Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М., 2012. С. 17.
[9] Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М., 1966. С. 67–68. (Археология СССР. Свод археологических источников; Вып. Е1-36.)

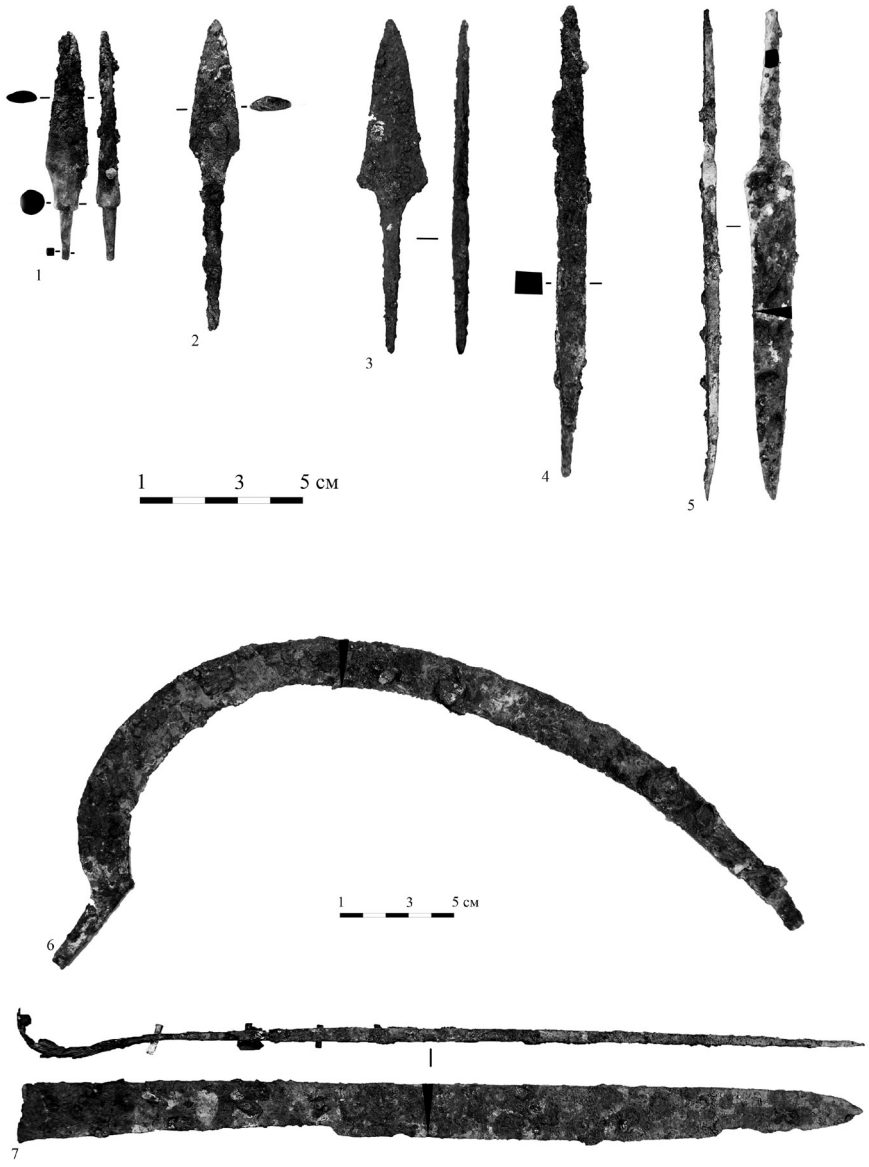

Рис. 2. Изделия из железа
Fig. 2. Iron products.

1–4 — наконечники стрел, 5, 7 — нож, 6 — серп

Всего при проведении археологических раскопок в июле — августе 2022 г. на Пижемском городище было обнаружено 1859 единиц находок, которые представлены фрагментами керамики, изделиями из кости, камня, глины и металла. Основная часть коллекции состоит из фрагментов лепной керамической посуды (1764 единицы).

В рамках культурно-хронологической периодизации выделяется три типа керамики: ВВК АКИО (вятско-ветлужской культуры ананьинской культурно-исторической области), второй этап II (V в. до н. э.) и III (V–IV вв. до н. э.) периодов, а также фрагменты посуды эпохи Средневековья (VIII–XIII вв.).

К вятско-ветлужской культуре АКИО относятся круглодонные сосуды с прямой либо слегка отогнутой верхней частью, с примесью в тесте ракушки речного моллюска. Нередко на сосудах встречается утолщение в верхней части в виде валика либо воротничка. В коллекции присутствуют как орнаментированные (54 %), так и неорнаментированные (46 %) сосуды *(рис. 3.3, 3.9, 3.13)*. Орнамент располагается в верхней части сосуда, представлен ямочным (4 %), гребенчатым (67 %) *(рис. 3.1, 3.11, 3.12)* и шнуровым штампом (18 %) *(рис. 3.6)*, а также различными видами вдавлений (6 %)

(ногтевидные, ромбовидные, прямоугольные) *(рис. 3.2, 3.4, 3.10)*, изредка встречается сочетание обозначенных выше элементов орнамента (5 %) *(рис. 4)*. Высокий процент неорнаментированной посуды, преобладание одно-, двухкомпонентных орнаментальных композиций, образованных одним или двумя мотивами, на ананьинской посуде свидетельствует о развитии городища в III периоде АКИО (конец V–IV вв. до н. э.) *(рис. 3)*, однако встречается также керамика, которую можно отнести к более раннему II периоду АКИО (вторая половина / четверть VII–V вв. до н. э.), для нее характерно сочетание различных элементов орнамента в пределах одного орнаментального поля, а также наличие многокомпонентных композиций, образованных тремя мотивами и более *(рис. 4)*. В связи с тем, что количество фрагментов керамической посуды с признаками, которые можно отнести ко II периоду АКИО, незначительно по сравнению с III периодом, а также учитывая низкую плотность орнаментального поля, то данную керамику можно непосредственно связать только со вторым этапом II периода АКИО (V в. до н. э.).

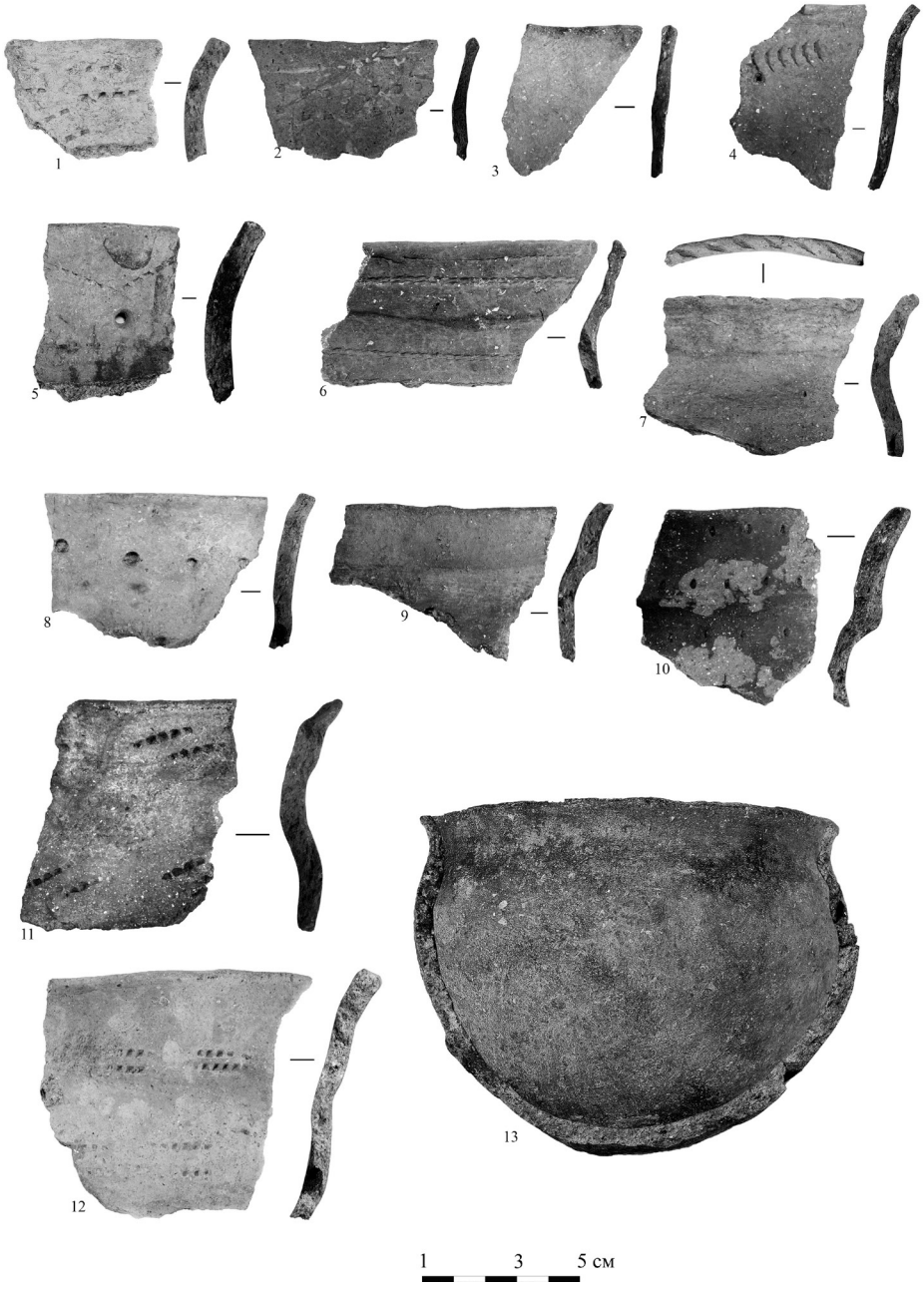

Рис. 3. Керамический комплекс. III период АКИО
Fig. 3. Ceramic complex. III period of the Ananyino cultural and historical region

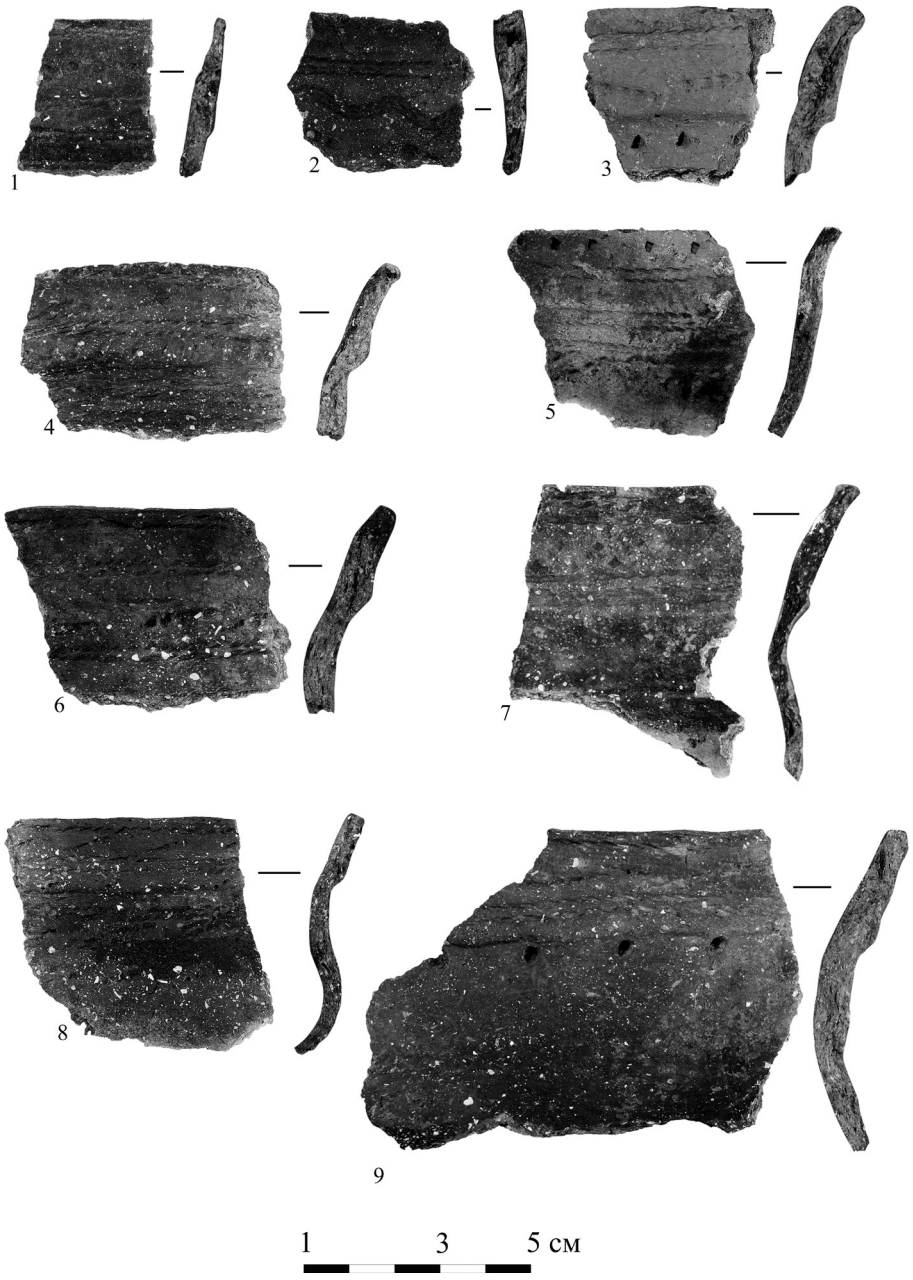

Рис. 4. Керамический комплекс. II период АКИО
Fig. 4. Ceramic complex. II period of the Ananyino cultural and historical region

Керамика эпохи Средневековья представлена плоскодонными сосудами со средне либо сильно отогнутым венчиком и расширенным туловом, в качестве примесей к тесту встречается песок и шамот. Сосуды неорнаментированные *(рис. 1)*. В основном зафиксированы в слое серой подзолистой пестроцветной рыхлой гумусированной супеси с включением известняка, а также в заполнении выявленного при проведении раскопок сооружения на глубине до 60 см от уровня дневной поверхности. Подобный тип посуды характерен для кочергинской археологической культуры (IX–XI вв.) и широко распространен в бассейне р. Вятки вплоть до XIII в.[10]

Если керамика отражает хронологические рамки функционирования, то изделия из кости и рога способны рассказать нам о хозяйственной деятельности человека. Особенно это актуально для лесной полосы ананьинского мира, к которому относится Пижемское городище.

[10] Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. С. 320.

С учетом функциональной принадлежности, все зафиксированные костяные изделия при проведении раскопок можно распределить по группам: I — охотничье-промысловые; II — орудия труда и приспособления для промысловой деятельности; III — украшения, детали одежды и предметы культа.

К первой группе относятся наконечники стрел, среди них типологически выделяются:

1) наконечники с вытянутым узким пером с треугольным сечением и плавным переходом от пера к черешку с круглым сечением (3 ед.) *(рис. 5.4)*;

2) с вытянуто-треугольным пером с треугольным сечением, с выделенным переходом от пера к черешку (1 ед.) *(рис. 5.7)*;

3) с узким пером с овальным сечением, без ярко выраженного черешка *(рис. 5.3)*;

4) с узким пером с ромбовидным сечением и плавным переходом от пера к черешку (2 ед.) *(рис. 5.6)*;

5) с вытянутым узким пером с треугольным сечением и выделенным переходом к черешку с овальным сечением (1 ед.) *(рис. 5.5)*.

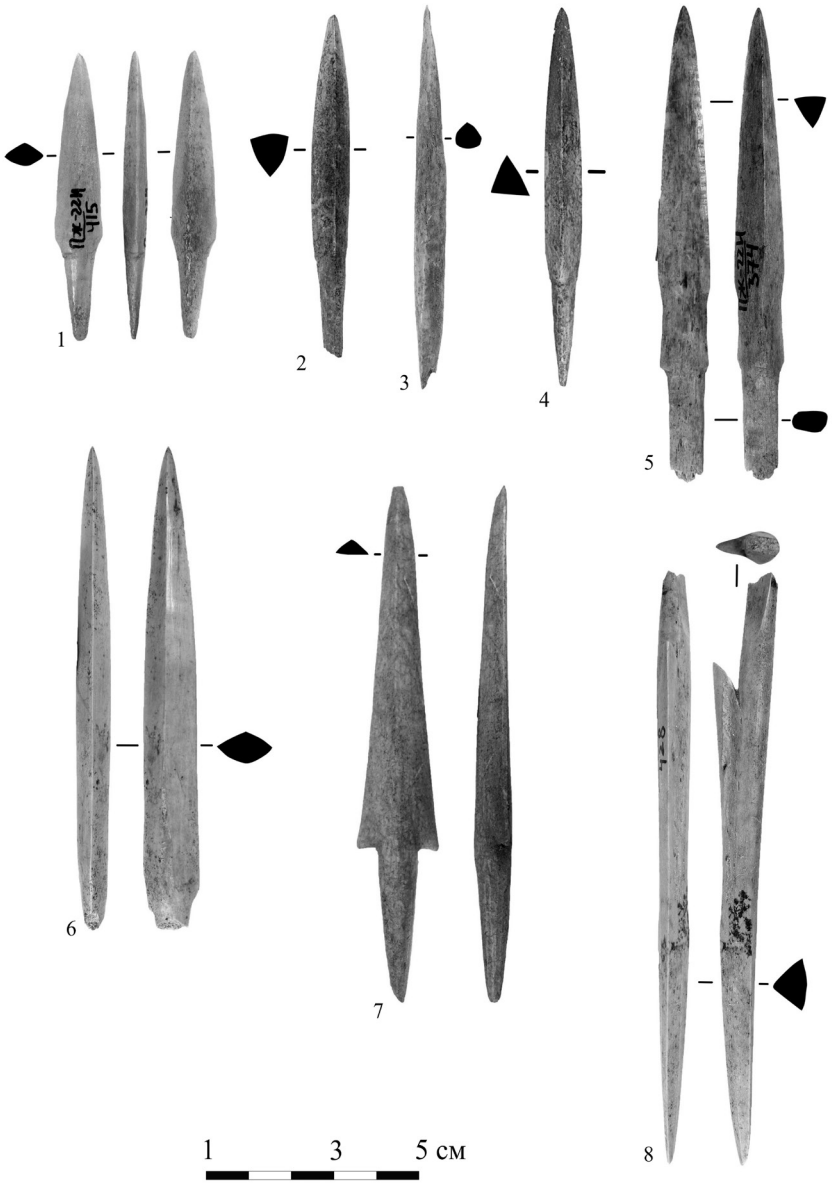

Рис. 5. Изделия из кости
Fig. 5. Bone products

1–7 — наконечники стрел, 8 — острога

Помимо готовых целых изделий, встречаются также заготовки либо фрагменты наконечников стрел.

К данной группе следует также отнести костяной односторонний однозубчатый наконечник остроги *(рис. 5.8)*, обнаруженный на глубине –146 см от 0 в слое светло-серой пестроцветной супеси с включением угля, золы и известняка. Выше уже было сказано, что данный слой был сформирован в ананьинское время, V–IV вв. до н. э., отсюда можно сделать вывод, что наконечник остроги, в отличие от костяных наконечников стрел, которые фиксируются на всех зафиксированных культурно-хронологических горизонтах раскопа, относится к ананьинскому периоду существования городища.

Вторая группа представлена такими категориями предметов, как острия, скребки, лопатки-тупики, пряслице, рукояти, пронизи *(рис. 6.1)*, втоки, а также изделием для плетения веревки *(рис. 6.2)*.

Наиболее представительной категорией в данной группе являются острия (23 ед.), в коллекции встречаются как целые изделия, так и фрагментированные. Данные изделия изготавливались из трубчатых костей животных, которые с одной либо двух сторон заострялись. Чаще всего они использовались в качестве проколок, игл либо кочедыков *(рис. 6.3, 6.7, 6.9)*.

Рис. 6. Изделия из кости
Fig. 6. Bone products

1 — пронизь, 2 — изделие для плетения веревки, 3, 7, 9 — «острие», 4 — амулет, 5 — скребло, 6 — биконическое пряслице, 8 — лопатка-тупик, 10 — вток, 11 — поясной крючок

Для работы со шкурами животных также использовались зафиксированные в культурном слое городища лопатки-тупики *(рис. 6.8)*. Эти орудия предположительно использовались в кожевенном производстве для снятия мездры со шкур животных[11].

Ко второй группе также относится биконическое костяное пряслице с внешним диаметром 4,2 см, со сквозным отверстием по центру диаметром 0,8–1 см, оформленное прочерченными концентрическими кругами. Края пряслица ярко выражены *(рис. 6.6)*. Наиболее близкие аналогии известны из погребальных комплексов Варнавинского могильника, поздней мыдланьшайской стадии поломской археологической культуры (последняя четверть VIII–IX вв.)[12].

Следующая категория орудий труда, относящаяся к данной группе, это втоки (4 ед.) *(рис. 6.10)*. Это изделие из трубчатой кости со сквозным отверстием или отверстиями и срезанным с одной стороны под углом окончанием. Существуют две основные версии использования данных орудий: 1) в качестве орудий для обработки земли — «мотыжки»[13]; 2) в качестве «втоков», известно размещение аналогичного изделия в погребении 19 Мурзихинского II могильника, у ног погребенного на одной линии с бронзовым наконечником копья[14], аналогии также встречаются в качестве втоков-гарпунов в усть-полуйской культуре[15]. Данные орудия зафиксированы в слое светло-серой пестроцветной супеси с включением угля, золы и известняка и относятся к ананьинскому культурно-хронологическому горизонту Пижемского городища.

К последней, третьей группе принадлежат поясной крючок с антропоморфным изображением *(рис. 6.11)*, а также амулет из клыка медведя *(рис. 6.4)*.

Изделия из металла немногочисленны, к ним относятся: наконечники стрел, железные ножи, серп, изделие из меди в виде прямоугольной пластины со сквозными отверстиями по краям. Зафиксированные при раскопках изделия из металла существовали в рамках широкого хронологического диапазона, начиная с эпохи Средневековья, заканчивая Новым временем.

Наиболее представительной среди металлических изделий является коллекция железных наконечников стрел (12 единиц). Данные изделия зафиксированы при прокопке верхних слоев раскопа в слое серой подзолистой пестроцветной супеси с включением известняка на глубине от –120 до –168 см от условной нулевой отметки, за исключением одного наконечника *(рис. 2.1)*, который был обнаружен на глубине –65 от условной нулевой отметки в слое серой рыхлой супеси.

Выявленные в процессе раскопок 2022 г. наконечники относятся к четырем типам:

1) крупные ромбовидно-клиновидные наконечники, уплощенные в сечении, с расширением в нижней трети длины пера без упора (7 ед.) *(рис. 2.2)*. В культурно-хронологическом контексте аналогичный тип наконечников зафиксирован как в эпоху Средневековья, так и в Новое время (вплоть до второй половины XVII в.)[16];

2) ромбовидный наконечник, уплощенный в сечении, с расширением в нижней трети длины пера (1 ед.), со ступенчатым переходом к округлому черешку *(рис. 2.1)*, хронологически относится к X–XIV вв.[17];

3) шиловидные граненые наконечники со слабо выраженным упором (из-за сильной коррозии упор не читается) (3 ед.) *(рис. 2.4)*. Относятся к категории бронебойных с прокалывающим действием. Распространены на территории Восточной Европы с X по XVII в.[18];

4) треугольный плоский наконечник без упора *(рис. 2.3)*. По назначению относится к рассекающим-широколопастным, датируется концом XIV — XVII в.[19]

---

[11] Ашихмина Л. И., Черных Е. М., Шаталов В. А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н. э.). Ижевск, 2006. С. 50.

[12] Сабирова Т. М. Пряслица в составе погребальных комплексов Варнинского могильника поломской культуры // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 4 (48). С. 185, 187.

[13] Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. С. 45.

[14] Чижевский А. А., Хисяметдинова А. А. Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем средневековье // Археология Евразийских степей. 2020. № 2. С. 181.

[15] Мошинская В. И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. С. 83. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 35.)

[16] Медведев А. Ф. Указ. соч. С. 62; Двуреченский О. В. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2007. Вып. 3. С. 285–286.

[17] Медведев А. Ф. Указ. соч. С. 64–65.

[18] Медведев А. Ф. Указ. соч. С. 62; Двуреченский О. В. Указ. соч. С. 281–282.

[19] Двуреченский О. В. Указ. соч. С. 288.

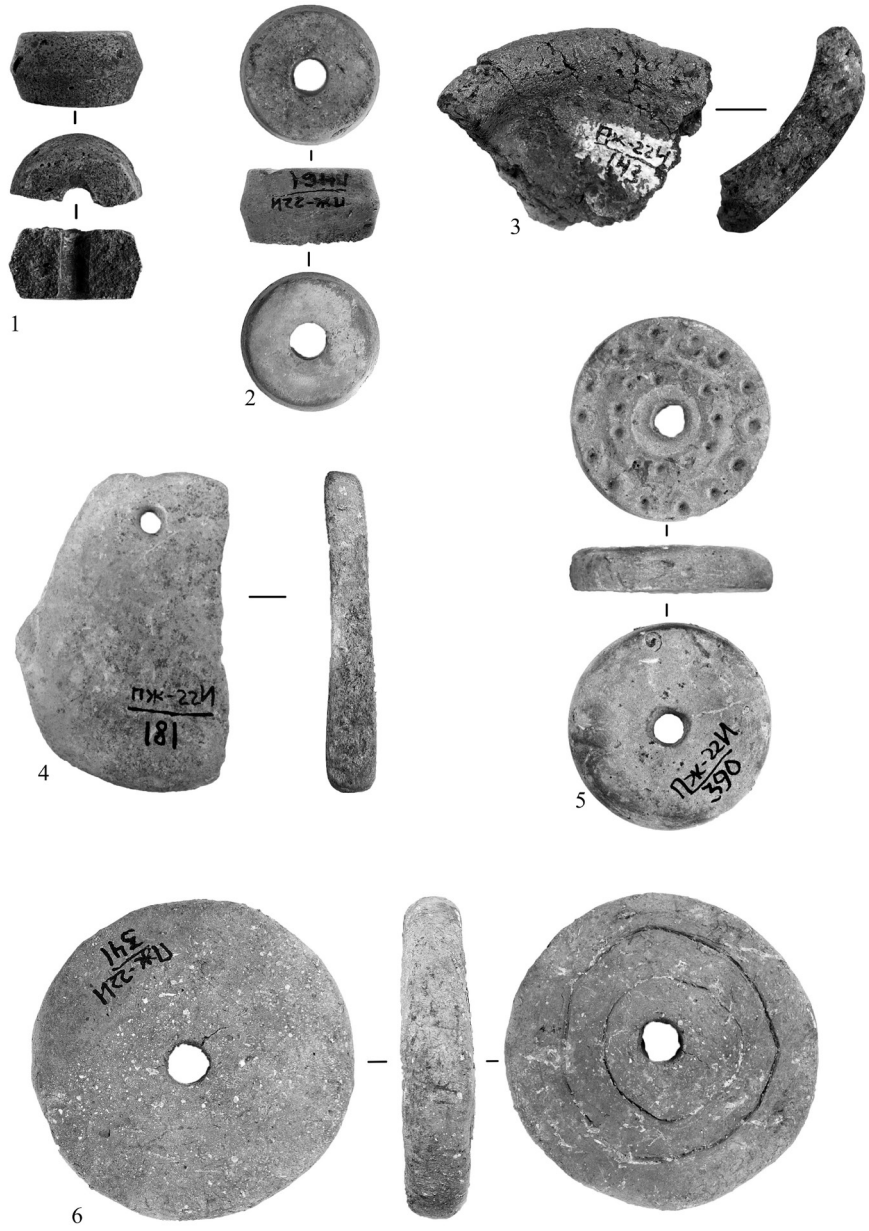

Рис. 7. Изделия из глины и камня
Fig. 7. Clay and stone products

1–2 — биконические пряслица (Средневековье) (керамика), 5 (глина) — 6 (камень) — орнаментированные пряслица (АКИО), 3 — фрагмент льячки (глина), 4 — оселок (камень)

Среди изделий из железа в раскопе зафиксировано также два ножа:

1) зафиксирован на глубине –123 см от 0 в слое серой подзолистой рыхлой супеси с включением известняка. Общая длина изделия 20 см, клинок ножа узкий (13,7 см), с прямой спинкой, слегка приспущенной к острию и толстым обушком (5 мм), черенок длинный (6,3 см), шиловидный. Переход от клинка к черенку выделен уступами *(рис. 2.5)*. Подобные ножи появляются в VIII в. и широко распространяются на территории Восточной Европы начиная с IX в.[20];

2) второй нож пластинчатой формы, зафиксирован на глубине –133 см от 0 в слое серой подзолистой рыхлой супеси с включением известняка. Имеет общую длину 26 см, ширина пластины со стороны обушка около 3 мм, рукоять выделена небольшим уступом со стороны лезвия.

[20] Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. Указ. соч. С. 17.

На рукояти ножа фиксируются заклепки *(рис. 2.7).* Вблизи с местом обнаружения данного ножа зафиксирован железный серп, общая длина орудия 36 см *(рис. 2.6)*. Данные изделия относятся к Новому времени, по всей вероятности, использовались в хозяйстве жителей деревни Городище, существовавшей вплоть до XX в. рядом с Пижемским городищем.

В процессе археологических раскопок на территории городища также были зафиксированы предметы, изготовленные из глины и камня. Данные изделия представлены глиняными и каменными пряслицами, каменным оселком, а также фрагментом льячки из обожженной глины. Время использования данных пряслиц относится к двум культурно-хронологическим периодам: 1) АКИО (VI–III вв. до н. э.); 2) эпоха Средневековья (VIII–XIII вв.). К первой группе относятся глиняные пряслица биконической формы *(рис. 7.1, 7.2),* зафиксированные после снятия первого пласта раскопа на глубине – 10–20 см от современной дневной поверхности. Ко второй группе относятся орнаментированные пряслица из глины и камня. Орнамент выполнен только с одной стороны, на глиняном — в виде концентрических кругов *(рис. 7.6)*, каменное пряслице украшено точечным орнаментом *(рис. 7.5)*.

Обобщая полученные данные археологических раскопок на Пижемском городище в 2022 г., следует отметить, что формирование культурного слоя памятника происходило на протяжении двух периодов:

1) первая фаза раннего железного века, представленная развитием вятско-ветлужской культуры ананьинской КИО на протяжении двух периодов II (среднего) (V в. до н. э.) и III (позднего) периода АКИО (конец V–III в. до н. э.);

2) эпоха Средневековья, VIII–XIII вв.

Полученный археологический материал также отражает хозяйственную жизнь населения городища, в которой значительную роль играла охота (наконечники стрел), рыбная ловля (острога), прядение (пряслица), шитье (острия), обработка шкур (скребки, лопатки-тупики, ножи), металлургия (фрагмент льячки) и т. д. Обнаруженная на верхнем горизонте серия железных наконечников стрел свидетельствует об участии населения городища в вооруженных столкновениях в эпоху раннего Средневековья (VIII–XIII вв.), возможно, это происходило в период колонизации русским населением бассейна р. Вятки (XII в.).

References

Ashikhmina L. I., Chernykh E. M., Shatalov V. A. *Vyatskiy kray na poroge zheleznogo veka: kostyanoy inventar' anan'inskoy epokhi (I tysyacheletiye do n. e.)* [Vyatka Region on the Threshold of the Iron Age: Bone Inventory of the Ananyino Era (1st Millennium BC)]. Izhevsk: izd-vo UdGU Publ., 2006. (In Russian).

Chizhevsky A. A., Khisametdinova A. A. [Defensive Structures of the Cusp Settlements of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age and the Early Middle Ages]. *Arkheologiia Evraziiskikh Stepei* [Archaeology of the Eurasian Steppes], 2020, no. 2, pp. 6–277. (In Russian).

Dvurechensky O. V. [Arrowheads of Muscovite Rus' and the Russian State of the 15th–17th Centuries]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauch. seminara* [Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of a Sci. Seminar]. Moscow: IA RAN Publ., 2007, iss. 3, pp. 277–331. (In Russian).

Goldina R. D. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda* [Ancient and Medieval History of the Udmurt People]. Izhevsk: izd-vo UdmGU Publ., 1999. (In Russian).

Medvedev A. F. *Ruchnoye metatel'noye oruzhiye. Luk i strely, samostrel VIII–XIV vv.* [Hand Throwing Weapons. Bow and Arrows, Crossbow of the 8th–14th Centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1966. (Archaeology of the USSR. Collection of Archaeological Sources; iss. E1-36). (In Russian).

Moshinskaya V. I. [Material Culture and Economy of Ust-Poluy]. *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [Ancient History of the Lower Ob Region]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1953, pp. 72–106. (Materials and research on the archaeology of the USSR; no. 35). (In Russian).

Sabirova T. M. [Spindle Whorls in Funeral Complexes of Varni Burial Ground of the Polom Archaeological Culture] *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal], 2023, no. 4 (48), pp. 182–191. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.48.10 (In Russian).

Zavyalov V. I., Rozanova L. S., Terekhova N. N. *Traditsii i innovatsii v proizvodstvennoy kul'ture Severnoy Rusi* [Traditions and Innovations in the Production Culture of Northern Rus']. Moscow: Ankil Publ., 2012. (In Russian).

Zbrueva A. V. [The Pizhemskoe Settlement. From the History of a Clan Society on the Territory of the USSR]. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii material'noy kul'tury* [Bulletin of the State Academy of Material Culture], 1935, iss. 106, pp. 265–297. (In Russian).

Zbrueva A. V. [History of the Population of the Kama Region in the Ananyino Era]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Urala i Priural'ya* [Materials and Research on the Archaeology of the Urals and the Cisural Area]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1952, vol. 5. (Materials and research on the archaeology of the USSR; no. 30). (In Russian).

УДК 902.2(470.342) DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-86-109

Егоров Андрей Владимирович
начальник отдела археологии Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области (Россия, Киров)
ORCID: 0009-0003-9627-4873
E-mail: general882007@yandex.ru

Харин Павел Анатольевич
младший научный сотрудник Центра историко-археологических исследований Кировской области
ORCID: 0009-0006-8615-8176
E-mail: pashkah83@mail.ru

Археологические работы на Котельничском городище в 2023 г.

АННОТАЦИЯ. В статье описаны предварительные итоги спасательных археологических работ на одном из старейших русских памятников Вятского края — Котельничском городище, проведенных в 2023 г. в ходе проекта газификации по ул. Старое Городище. Было заложено и исследовано 7 небольших раскопов на площадке городища общей площадью 13,15 м, в которых после полного исследования культурного слоя осуществлялся монтаж газового оборудования для прокладки газопровода к частным домовладениям, расположенным на памятнике. Дано общее описание раскопов. Несмотря на ограниченную площадь работ, получены новые сведения о стратиграфии этого достаточно сложного памятника. Охарактеризован комплекс находок. Спасательные работы отразили разные периоды истории раннего ядра г. Котельнича — Котельничского городища. В одном из раскопов выявлен участок влажного культурного слоя. В другом раскопе выявлен и описан участок Котельничского могильника XVI–XVIII вв. Отдельно проведена предварительная характеристика керамического комплекса, представлены результаты технико-типологического анализа. Коллекция керамической посуды представляет собой как наиболее массовый, так и важнейший источник по характеристике городского культурного слоя, однако с начала 1990-х гг. данной категории находок не уделялось должного внимания в публикациях, посвященных русским памятникам Вятского края. Предварительно показана достаточно архаичная технология производства керамической посуды, характерной для данного памятника. Безусловно, исследования на Котельничском городище представляют научную новизну и интерес к дальнейшим исследованиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Котельничское городище, спасательная археология, керамический комплекс, XIII–XIX вв.

Для цитирования: Егоров А. В., Харин П. А. Археологические работы на Котельничском городище в 2023 г. // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3. № 4. С. 86–109. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-86-109

Поступила в редакцию 05.08.2024

Принята к публикации 12.12.2024

© Егоров А. В., Харин П. А., 2024

UDC 902.2(470.342) DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-86-109

Andrey V. Egorov
Scientific and Production Center for the Protection of Cultural Heritage Sites of the Kirov Region (Russia, Kirov)
ORCID: 0009-0003-9627-4873
E-mail: general882007@yandex.ru

Pavel A. Kharin
Center for Historical and Archaeological Research of the Kirov Region (Russia, Kirov)
ORCID: 0009-0006-8615-8176
E-mail: pashkah83@mail.ru

Archaeological Work at the Kotelnich Hillfort in 2023

ABSTRACT. The article describes the preliminary results of rescue archaeological work at one of the oldest Russian sites in the Vyatka region — the Kotelnich hillfort, carried out in 2023 during the gasification project along Staroe Gorodishche Street. Seven small excavations were laid and explored on the site with a total area of 13.15 m, in which, after a complete study of the cultural layer, gas equipment was installed to lay a gas pipeline to private households located on the monument. A general description of the excavations is given. Despite the limited area of the work, new information was obtained about the stratigraphy of this rather complex site. The set of finds is characterized. The rescue work reflected different periods in the history of the early core of the town of Kotelnich — the Kotelnich hillfort. In one of the excavations, a section of a wet cultural layer was discovered. In another excavation, a section of the Kotelnich burial ground of the 16th–18th centuries was discovered and described. A preliminary description of the ceramic complex was separately conducted, and the results of the technical and typological analysis were presented. The collection of ceramic ware is both the most widespread and the most important source for the description of the urban cultural layer, but since the early 1990s, this category of finds has not received due attention in publications dedicated to Russian sites of the Vyatka region. A rather archaic technology for the production of ceramic ware, typical of this site, is preliminarily shown. Certainly, the research at the Kotelnich hillfort represents scientific novelty and interest for further research.

KEYWORDS: Kotelnich hillfort, rescue archaeology, ceramic complex, 13th–19th centuries

For citation: Egorov A. V., Kharin P. A. [Archaeological Work at the Kotelnich Hillfort in 2023]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2024, vol. 3, no. 4, pp. 86–109. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-86-109 (In Russian).

Received 1 August 2024

Accepted 12 December 2024

© 2024 The Authors

В октябре 2023 г. экспедицией Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области под руководством А. В. Егорова были проведены спасательные археологические работы на Котельничском городище — одном из наиболее ранних городских памятников русского средневековья на Вятской земле.

Котельничское городище расположено на длинном узком мысу правого берега р. Вятки, на южной окраине г. Котельнича. В настоящее время площадка городища почти полностью застроена, что представляет серьезную опасность для сохранности культурного слоя памятника.

В общерусских летописях Котельнич впервые упоминается под 1459 г.: «...посылал князь великы рать свою на Вятку, князя Ивана Юрьевича, Ивана Ивановича, князя Дмитреа Ряполовского, съ многою силою. Они же, шед, взяша два городка, Орлов да Котельнич, а прочих приведоша к целованью за великого князя, и тако възвратишася»[1]. После присоединения Вятской земли к Московскому государству в 1489 г. Котельнич стал одним из четырех городских центров, в которых разместились великокняжеские наместники[2].

В письменных источниках городище активно фигурирует в источниках XV–XVII вв. как «город» или «кремль». Известно, что в начале XVII в. на нем были расположены три церкви — соборная Михайловская, Никольская и Троицкая, а также «двор земский» для приезда государевых посланников[3]. От «города» в западном, восточном и северо-западном направлениях распространяется посад[4]. Само городище сохраняет функции крепости и административного центра[5].

2 октября 1686 г. город сгорел со всеми церквями и крепостными укреплениями. Известно, что Троицкая церковь была восстановлена, однако укрепления кремля на мысу, вероятно, решено было не ремонтировать, и поэтому при осмотре в марте 1708 г. у города констатируется отсутствие вала и рвов[6]. В XVIII в. городской центр был перенесен к северу от кремля на высокий берег р. Вятки, где разместился административный центр с присутственными местами[7].

В дальнейшем городище упоминается в источниках крайне редко. На генеральной карте Вятской губернии, составленной в начале XIX в., на площадке городища обозначены амбары, проектируемые для строительства[8]. В 1862 г. И. Г. Глушков описал площадку городища: «*Ныне на отлогих концах этой возвышенности построены купеческие амбары, а на самой возвышенности и на скате к оврагу раскинуто не более десятка самых скромных домиков. Почти на середине этой возвышенности стоит каменный четырехугольный столб, как памятник давно бывшей на том месте церкви. Недалеко от этого каменного столба еще в недавнее время находился другой такой же столб. В настоящее время возвышенность, бывшая некогда местом города Кокшарова, очень необширна: длина ее простирается до 200 саж., а ширина менее 50 саж. Говорят, что еще не так давно этот хребет имел значительную широту, но от изгиба на него реки Вятки он много осыпался*»[9]. В начале XX в. в Котельничском календаре-альманахе также встречается описание городища: «*Котельничское [городище] на месте старого кремля, в настоящее время под арестантским огородом...*»[10]. Застройка площадки городища жилыми усадьбами произошла уже в первой половине XX в.

Об археологических находках на городище мы также впервые узнаем в Котельничском календаре-альманахе: «*...в этом г-ще были найдены, между прочим, остатки финской эпохи, обделанные человеческой рукой кремни, кости животных, черепки глиняной посуды грубой работы, костяной наконечник копья и более поздней эпохи: несколько крестов, пряжка с драконом или другим зверем...*»[11].

---

[1] Низов В. В. Летописи о вятском городе Котельниче // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи (к 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга). Материалы Междунар. науч. симп. / отв. ред. В. В. Низов. Киров, 1997. С. 359.

[2] Большаков С. Д. История города Котельнича. Котельнич, 2006. С. 15.

[3] Там же. С. 20.

[4] Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 7. Позднее средневековье (середина XV–XVII в.). / Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ / под общ. ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань, 2022. С. 383.

[5] Большаков С. Д. Указ. соч. С. 28–29.

[6] Там же. С. 30.

[7] Археология Волго-Уралья. С. 384.

[8] Кайсин А. О., Пантюхина К. А. Генеральная карта Вятской губернии с планами и видами губернского, уездных и безуездных городов 1806 г. // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3, № 2. С. 124. Рис. 17.

[9] Глушков И. Топографическо-статистическое и этнографическое описание города Котельнича // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1862. Кн. 1. Исследования и материалы. С. 6.

[10] Котельнический календарь-альманах на 1912 год / ред.-изд. Я. Ф. Мултановский. Котельнич, 1912. С. 79.

[11] Там же.

В 1957 г. городище обследуется разведгруппой под руководством Л. М. Еговкиной[12]. В 1976 г. оно обследовано разведотрядом КВАЭ под руководством Т. К. Ютиной[13]. В 1982 г. на площадке городища отрядом КВАЭ под руководством Л. Д. Макарова проведены стационарные исследования на площади 350 кв. м. Были обнаружены следы укреплений в виде срубов, забутованных глиной, и фрагмент угловой башни с отапливаемым нижним помещением. Сооружение этих укреплений Л. Д. Макаров относит ко времени после захвата города московскими войсками в 1489 г.[14] Также в ходе работ изучена часть христианского могильника XVI–XVIII вв. Выявлены захоронения 110 умерших, расположенных в 2–3 ряда. Глубина могил чаще всего незначительна (20–50 см от поверхности), поэтому костяки зафиксированы в потревоженном виде. От погребальных конструкций сохранились остатки гробовищ, изредка — с железными гвоздями. В могилах погребального инвентаря почти не выявлено. Лишь в одном погребении обнаружен медный нательный крестик, а в другом — два изделия из свинцово-оловянистого сплава (вероятно, пули)[15].

В 1988 г. памятник осмотрен разведгруппой КВАЭ под руководством С. Е. Перевощикова с целью контроля за его состоянием[16]. В 2008 г. памятник был обследован разведгруппой Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области под руководством А. Л. Кряжевских. При этом обнаружены фрагменты гончарных керамических сосудов, один фрагмент лепного сосуда и фрагмент стеклянного изделия[17].

В ходе работ 2023 г. на площадке городища было заложено 7 раскопов общей площадью 13,15 кв. м. Работы носили охранный характер: раскопы были заложены на ограниченных по площади участках, в которых после полного исследования культурного слоя осуществлялся монтаж газового оборудования для прокладки газопровода к частным домовладениям, расположенным на памятнике, в ходе реализации проекта прокладки газопровода по улице Старое Городище *(рис. 1–3)*. Выбор мест определялся проектными требованиями. Размеры раскопов определялись размерами проектируемых объектов – приямков для монтажа газового оборудования. Минимальные размеры площадей исследования, безусловно, не смогли позволить в достаточной мере отследить особенности развития городища в средневековый период.

Раскоп № 1

Раскоп № 1 размерами 1х1 м заложен в центральной части городища, на задернованном возвышенном придорожном участке ул. Старое Городище *(рис. 2, 3; см. цв. вклейку, рис. 6)*, к северу от придомовой территории дома № 7 на ул. Старое Городище, примерно в 50 м к северо-востоку от раскопа 1982 г. Раскоп ориентирован практически по сторонам света, с небольшим отклонением на северо-восток. Поверхность раскопа задернована, понижается в направлении с юго-востока на северо-запад на 15 см.

В верхней части раскопа под слоем современной задернованной серо-коричневой супеси фиксировались переотложенные слои красно-коричневой глины с включением песка, переотложенной серой пестроцветной супеси с включением глины и природной извести, переотложенной пестроцветной красно-коричневой глины, желтовато-коричневой супеси и переотложенной красно-коричневой глины. По-видимому, данные слои и постройки связаны с застройкой площадки городища и созданием грунтовой дороги в первой половине XX в., и, возможно, планировочными работами в предреволюционный период. В них содержится минимальное количество находок керамики. Ниже, вплоть до материковой красно-коричневой глины, залегает слой темно-серой супеси с мощным включением угля мощностью 0,39–0,71 м, который можно охарактеризовать как культурный горизонт средневекового Котельнича XIII–XVII вв., пострадавший в результате пожара 1686 г. Точнее его хронологию выявить сложно в связи с отсутствием датирующего материала.

---

[12] Еговкина Л. М. Отчет об археологических разведках на Средней Вятке в 1957 г.// Архив КОМК. НВ-75-40.

[13] Ютина Т. К. Отчет о разведке в Свечинском, Котельническом районах Кировской области, в Осинском и Частинском районах Пермской области, проведенных летом 1976 г. // Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 48.

[14] Макаров Л. Д. Русские города Вятского края в исследованиях археологов // Русские в Прикамье: Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. / отв. ред. О. М. Мельникова. Сарапул, 2018. С. 39.

[15] Макаров Л. Д. Отчет об исследованиях на Средней Вятке в пределах Котельничского района Кировской области, проведенных летом 1982 г. // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ. Ф. 2. Д. 154.

[16] Перевощиков С. Е. Отчет о разведочных работах, проведенных в 1988 г. в Котельничском районе Кировской области // Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 265.

[17] Кряжевских А. Л. Отчет о археологической разведке по территории Котельничского района Кировской области за 2008 г. // Архив КОГАУК «НПЦ по охране ОКН Кировской области».

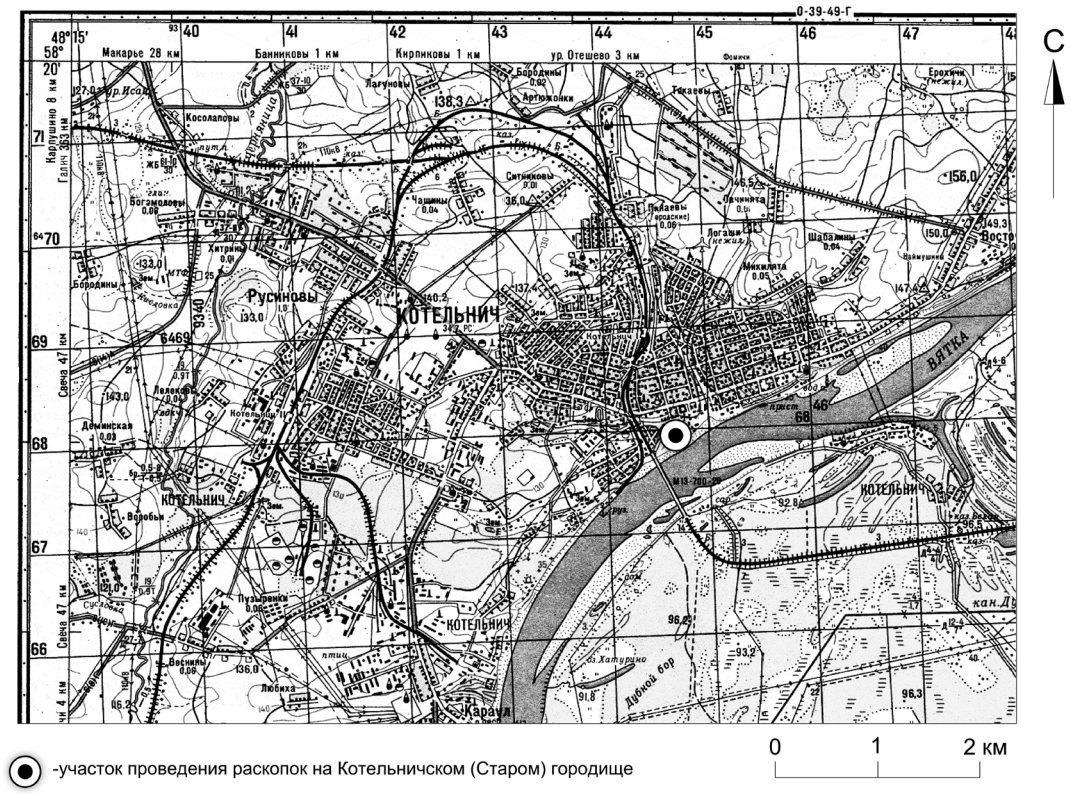

Рис. 1. Место расположения работ на карте г. Котельнича в 2023 г.
Fig. 1. Location of works on the map of Kotelnich in 2023

Рис. 2. Спутниковая карта части г. Котельнича с указанием границ Котельничского городища, мест расположения раскопов 2023 г. и раскопа 1982 г.
Fig. 2. Satellite map of part of Kotelnich indicating the boundaries of the Kotelnich hillfort, the locations of the 2023 excavations and the 1982 excavation

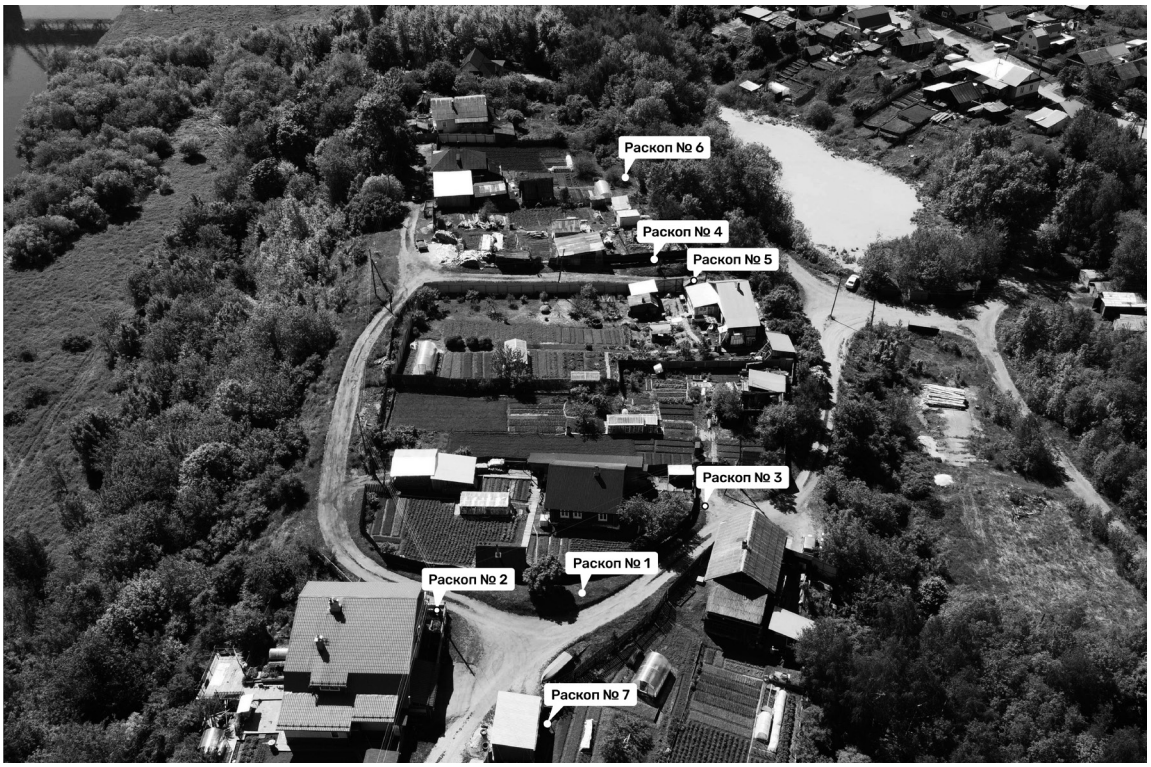

Рис. 3. Фото площадки Котельничского городища с указанием мест расположения раскопов 2023 г.
Fig. 3. Photo of the Kotelnich hillfort site indicating the locations of the 2023 excavations

В составе керамического комплекса раскопа 1 (табл. 1) преобладают архаичная сероглиняная керамика (см. описание керамической коллекции), а также наиболее часто встречающиеся в ходе работ на Котельничском городище 2023 г. группы красноглиняной запесоченной, красноглиняной без грубых примесей и грубой мореной керамики. Основная концентрация находок, причем всех групп, приходится на слой темно-серой супеси с мощным включением угля. Стоит также отметить находки в слое переотложенной пестроцветной красно-коричневой глины фрагментов двух днищ керамических сосудов с клеймами в виде креста в круге и колеса (окружности с радиусами) *(рис. 4, 1–2)*.

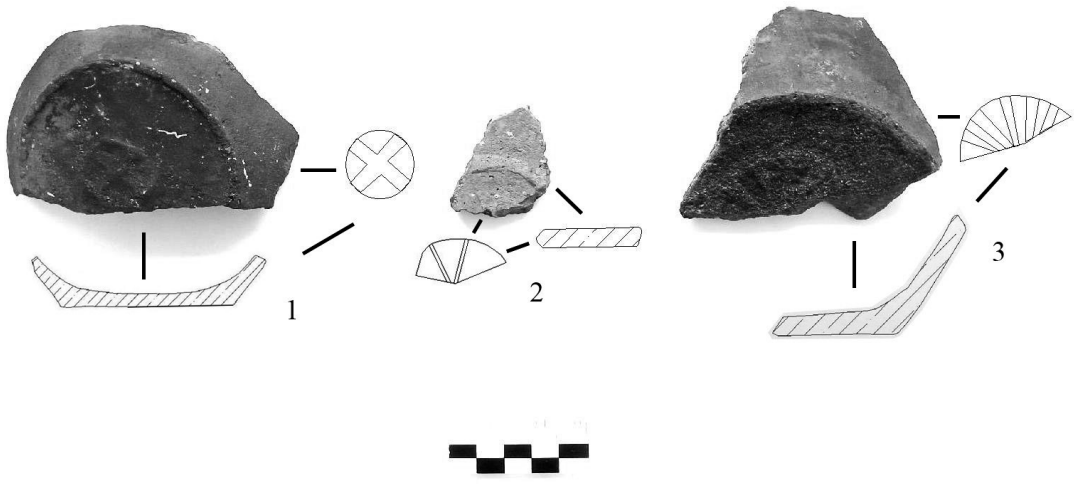

Рис. 4. Фрагменты днищ керамических сосудов с клеймами. 1–2 (раскоп № 1), 3 (раскоп № 5)
Fig. 4. Fragments of the bottoms of ceramic vessels with stamps. 1–2 (excavation № 1), 3 (excavation № 5)

Оба вида клейм широко распространены на археологических памятниках России вплоть до этнографического времени[18]. По всей видимости, клейма на днищах использовались гончарами в качестве оберега[19].

Таблица 1

Статистика керамики из раскопа № 1

Table 1

Statistics of ceramics from excavation № 1

Слой	сероглиняная	«славяноидная»	красноглиняная запесоченная	грубая моренная	красноглиняная без грубых примесей	неопределимая
задернованная серо-коричневая супесь			3	1	3	
переотложенная красно-коричневая глина с включением песка		1	2		3	1
переотложенная пестроцветная красно-коричневая глина			1		2	
темно-серая супесь с мощным включением угля	15	2	8	9	9	1
Всего: 61	15	3	14	10	17	2

Раскоп № 2

Раскоп № 2 размерами 1х1 м (площадь 1 кв. м) заложен в центральной части городища *(рис. 2–3, см. цв. вклейку, рис. 7)*, вплотную к забору, ограждающему придомовую территорию дома № 6 на ул. Старое Городище, в 20 м к юго-востоку от раскопа № 1, примерно в 30 м к северо-востоку от раскопа 1982 г. Раскоп ориентирован по линии юго-восток — северо-запад. Поверхность раскопа задернована, понижается в направлении с юго-востока на северо-запад на 13 см.

Культурные отложения в данном раскопе в значительной степени были разрушены ямой для установки газовой трубы для дома № 6, прокопанной без согласования с археологами. Одним из следствий этого является полное отсутствие находок в раскопе. Были зафиксированы последовательно слои задернованной серо-коричневой супеси, коричневой супеси с включением битого кирпича, переотложенной красно-коричневой глины с включением песка, достаточно мощные слои темно-серой супеси (до 0,31 м) и переотложенной пестроцветной красно-коричневой глины (до 0,5 м) и темно-серой супеси с мощным включением угля (0,14–0,16 м). Несмотря на отсутствие находок, судя по общей стратиграфической картине и схожести структуры слоя с подобным у раскопа № 1, данный слой можно атрибутировать как культурный слой городища XIII–XVII вв.

Раскоп № 3

Раскоп № 3 площадью 5 кв. м заложен в северной части городища *(рис. 2–3, см. цв. вклейку, рис. 8)*, к северо-западу от дома № 7 на ул. Старое Городище и юго-востоку от дорожного полотна улицы, в 11 м к западу — северо-западу от раскопа № 1, в 50 м к северу от раскопа 1982 г. Раскоп в форме неправильного 8-угольника представляет из себя квадрат размерами 2х2 м, с юго-восточ-

[18] Кобозева Е. В. Тверские гончарные клейма из раскопок 2007–2011 годов на Затьмацком и Загородском посадах // Археология Подмосковья. 2014. Вып. 10. С. 375–376. Рис. 6–8; Панченко К. И. Клейма XII–XIX веков на донцах керамических сосудов из раскопок в городе Дмитрове // Археология Подмосковья. 2007. Вып. 3. С. 203–204. Таб. 2.

[19] Москва. Раскопки на Великом посаде. Московская керамика по материалам исследований / Векслер А. Г. [и др.]. М., 2016. С. 117.

ной стороны которого по центру был прирезан еще один квадрат размерами 1х1 м. Ориентирован по линии юго-восток — северо-запад. Поверхность раскопа частично задернована, частично покрыта щебнем с дорожного полотна ул. Старое Городище. Поверхность понижается с юго-востока на северо-запад на 56 см.

Ниже уровня дерна по всей поверхности раскопа фиксируется достаточно мощный слой темно-коричневой супеси (мощность 0,3–0,52 м), насыщенный находками керамических сосудов. Кроме красноглиняной запесоченной, красноглиняной без грубых примесей и грубой мореной керамики (которые количественно доминируют во всех слоях данного раскопа) в слое были выявлены единичные находки сероглиняной, «славяноидной», а также привозной мореной, черноложеной и кирпично-красной посуды.

Среди других находок в данном слое представлены две индивидуальные находки — грузило *(рис. 5.5)* и железный нож *(рис. 5.3)*. *Грузило* керамическое, шаровидной формы, красноглиняное. Находки подобных грузил характерны для русского города, в том числе и в Кировской области[20], и имеют широкий хронологический диапазон. *Нож* черенковый, с двусторонним уступом при переходе от лезвия к черенку и прямой спинкой. Подобные экземпляры относятся к категории хозяйственно-универсальных орудий. Также в данном слое найдены фрагмент оконного стекла, кованый гвоздь и незначительный фрагмент слюды от оконницы. Вся совокупность находок позволяет датировать слой в пределах конца XVIII—XX в. и атрибутировать его как огородный, хоть и перемешанный в результате локальных перекопов.

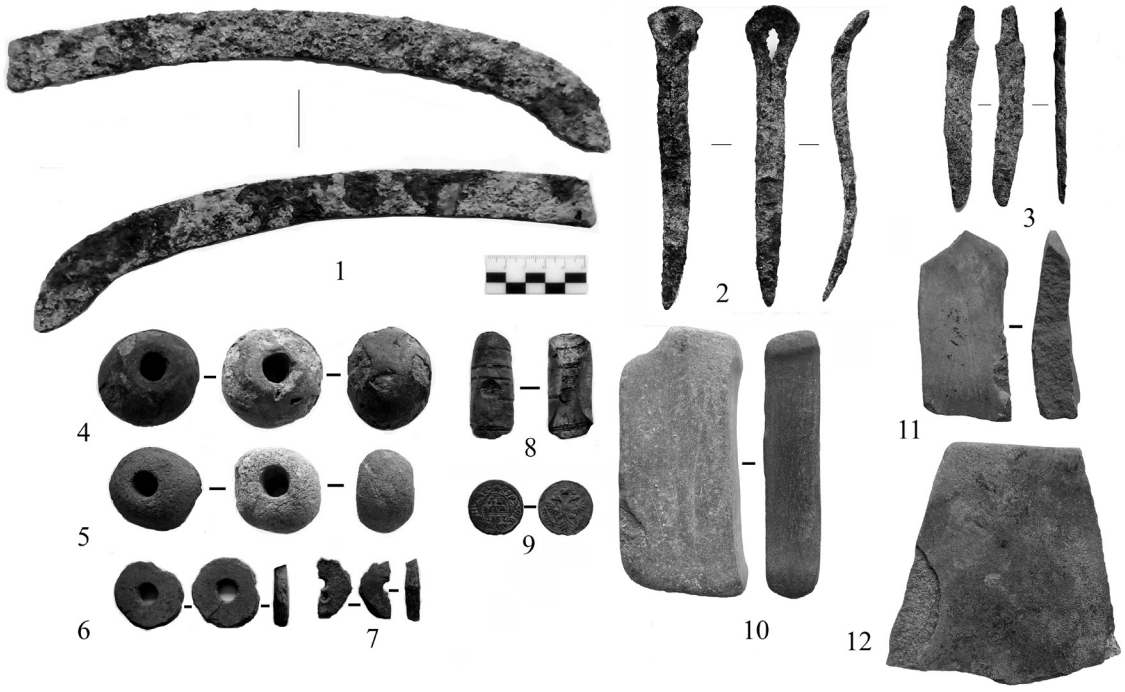

Рис. 5. Индивидуальные находки из черного и цветного металла, глины, бересты и камня. 1, 2, 7, 10 (раскоп № 6); 3–6, 12 (раскоп № 3); 8 (раскоп № 5); 9 (раскоп № 7), 11 (раскоп № 4)
Fig. 5. Individual finds made of ferrous and non-ferrous metal, clay, birch bark and stone. 1, 2, 7, 10 (excavation № 6); 3–6, 12 (excavation № 3); 8 (excavation № 5); 9 (excavation № 7), 11 (excavation № 4)

Ниже практически по всей протяженности раскопа зафиксирован слой темно-коричневой пестроцветной супеси (мощностью 0,1–0,35 м). Он также насыщен остатками керамической посуды, среди которой, кроме традиционных запесоченной красноглиняной, красноглиняной без грубых примесей и грубой мореной керамики, представлены отдельные находки сероглиняной

[20] Владимиров Н. В., Егоров А. В. Изучение культурного слоя XVII–XIX вв. г. Слободского в ходе археологических работ 2009–2017 гг. // Вестник гуманитарного образования. 2019. № 1 (13). С. 84.

и чернолощеной посуды. Отдельного внимания заслуживает находка фрагмента венчика белоглиняного горшка, датируемого второй половиной XVII в. Широкие хронологические рамки имеют находки в данном слое шаровидного мореного *грузила (рис. 5.4)*, миниатюрного дисковидного *пряслица (рис. 5.6)*, выточенного из стенки грубого мореного сосуда, и фрагмента *тёрочника (рис. 5.12)*, изготовленного из песчаника. На основе керамического комплекса мы датируем данный слой XVIII в.

Ниже последовательность слоев теряет свою организованность, так же, как и резко сокращается количество находок. Слои и тонкие прослойки темно-коричневой супеси с включением угля, коричневой супеси с включением щепы, коричневой супеси с включением щепы и древесного тлена, а также переотложенной коричневой глины, по-видимому, отражают драматичные изменения в жизни котельничского «кремля» в конце XVII — начале XVIII в. Наиболее распространенными керамическими находками остаются находки грубой мореной, красноглиняной запесоченной и красноглиняной без грубых примесей керамики с редкими включениями сероглиняной посуды.

На уровне 7-го штыка (–140 от условного нуля) в северо-западной части раскопа зафиксирована часть сооружения: два бревна, одно из них пересекает раскоп по линии юг — север, другое расположено перпендикулярно первому по линии запад — восток и прилегает к нему способом соединения «в обло». Сохранился лишь нижний венец постройки. Вероятно, данное сооружение является остатками расположенного на данном участке жилого или хозяйственного строения, функционировавшего в XVI–XVII вв., которое предположительно было разобрано в XVII в. Еще уровнем ниже (– 160 см от условного нуля), фактически на уровне материка, были зафиксированы две параллельные полосы древесного тлена — следы от двух истлевших, параллельных друг другу деревянных лаг, вероятно, от пола вышеописанного сооружения. К сожалению, границы раскопа не позволили должным образом исследовать данное сооружение.

В северо-восточном углу раскопа было зафиксировано западение слоя темно-серой супеси с включением угля мощностью до 0,42 м, по всей вероятности, культурный слой раннего этапа функционирования городища. Находки в слое оказались ограничены единичными экземплярами красноглиняной запесоченной и грубой мореной керамики.

Таблица 2

Статистика керамики из раскопа № 3

Table 2

Statistics of ceramics from excavation № 3

Слой	сероглиняная	«славяноидная»	красноглиняная запесоченная	грубая мореная	красноглиняная без гр. примесей	неопределимая	чернолощеная	кирпично-красная	мореная	белоглиняная
темно-коричневая супесь	1	2	44	88	114	5	3	1	2	
темно-коричневая пестроцветная супесь	3		51	83	69	6	2			1
темно-коричневая супесь с включением угля	3		3	10	7	2				
коричневая супесь с включением щепы	1		4	14	1	1				
коричневая супесь с включением щепы и древесного тлена	6		17	13	4					
темно-серая супесь с включением угля			2	1						
Всего: 564	14	2	121	209	195	14	5	1	2	1

Раскоп № 4

Раскоп № 4 размерами 1,4х1 м заложен в центральной части городища *(рис. 2–3, см. цв. вклейку, рис. 9)* вплотную к северо-восточной стене дома № 10 на ул. Старое Городище, в 64 м к западу–юго-западу от раскопа № 3, примерно в 50 м к северо-западу от раскопа 1982 г., на задернованной поверхности. Раскоп ориентирован по линии юго-запад — северо-восток. Поверхность раскопа понижается в направлении с северо-востока на юго-запад на 4 см.

Ниже уровня задернованной серо-коричневой супеси фиксируется слой переотложенного коричневого пестроцветного суглинка (мощностью 0,14–0,62 м), который сформировался при строительстве дома во второй половине XX в. и является, очевидно, следами засыпки фундамента, и в котором выявлены единичные находки керамической посуды. Ниже фиксируются многочисленные чередующиеся прослойки темно-коричневой и темно-серой супеси с включениями угля, переотложенного пестроцветного светло-коричневого суглинка, коричневой супеси, насыщенной древесным тленом, и прокаленной почвы. С северо-восточной стороны данная последовательность слоев и прослоек в верхней части в значительной степени срезана мощным (до 0,64 м) переотложенным слоем светлой серо-коричневой супеси, сформировавшимся, возможно, при создании дорожного покрытия ул. Старое Городище, граничащей с северо-восточной стороны от раскопа. Так или иначе, перед нами следы как минимум двух локальных пожаров, имевших место на данном участке, причем слой темно-серой супеси с мощным включением угля является, вероятнее всего, отголоском пожара 1686 г. К сожалению, данный раскоп оказался скуден на находки, ограничившись незначительным количеством фрагментов керамической посуды традиционных уже для данного городища типов красноглиняной запесоченной, красноглиняной без грубых примесей и грубой мореной керамики. Интересно, что в слое коричневой супеси, насыщенной древесным тленом, было найдено несколько фрагментов архаичной сероглиняной керамики. Остальные находки ограничены несколькими кусками печины и фрагментом *точильного камня (рис. 5.11)*, обнаруженном в слое темно-серой супеси, насыщенной углем.

Таблица 3

Статистика керамики из раскопа № 4

Table 3

Statistics of ceramics from excavation № 4

Слой	сероглиняная	красноглиняная запесоченная	грубая мореная	красноглиняная без гр. примесей
переотложенный коричневый пестроцветный суглинок			2	
темно-коричневая супесь с включением угля		1	1	1
коричневая супесь, насыщенная древесным тленом	4		3	1
темно-серая супесь с мощным включением угля		4	3	4
Всего: 24	4	5	9	6

Раскоп № 5

Раскоп № 5 размерами 1,5х1,5 м был заложен в центральной части городища, недалеко от его северного края, на участке грунтовой дороги, проходящей между домами № 9 и 10 по ул. Старое Городище, в 7 м к северу от раскопа № 4, примерно в 55 м к северо-западу от раскопа 1982 г.

(рис. 2–3, см. цв. вклейку, рис. 10). Раскоп ориентирован по линии юго-запад — северо-восток. Поверхность раскопа понижается в направлении с юго-востока на северо-запад на 24 см.

Культурные отложения раскопа № 5 в значительной степени были уничтожены современной водопроводной траншеей, пересекающей площадку раскопа практически по всей ширине и состоящей из переотложенных слоев коричневого пестроцветного суглинка и пестроцветной коричневой супеси с включением битого кирпича и строительного мусора. Их глубина достигает 0,87–1,55 см от условного нуля, в заполнении пестроцветной коричневой супеси было найдено несколько фрагментов керамики. Ниже горизонта засыпки траншеи были зафиксированы прослойки темно-коричневой супеси с включением переотложенной глины и древесного тлена, и темно-серой супеси с включением тлена (к сожалению, без находок), и влажный слой серо-коричневой супеси, насыщенный щепой, мощностью 0,1–0,57 м. В нем кроме нескольких фрагментов красноглиняной и сероглиняной керамики, кусков шлака и печин были найдены фрагменты кожаной обуви, сохранившиеся благодаря влажности слоя. В частности это:

— *фрагмент нижней части сапога (рис. 6.1)*, от которого сохранились головка с поднарядом, подошва и одна подпяточная прокладка. Головка со слабозаостренным носком (насколько можно судить по сохранившейся части) и относительно удлиненными крыльями покрыта по поверхности головки тиснением. Тиснение как прием декорировки поверхности кожаного изделия получает широкое распространение с XVI в.[21] Поднаряд двухчастный, полный. У подошвы широкие пучковая и пяточная части, слабо выделенная перейма, она крепится с головкой сквозным выворотным и потайным швом, с задником — сквозным швом. Такой вариант конструкции обуви появляется в русских городах на рубеже XV–XVI вв.[22] и исчезает к началу XVII в.[23] Полный поднаряд был характерен для обуви XVI в.[24] Таким образом, данный экземпляр сапога можно датировать XVI — началом XVII в.;

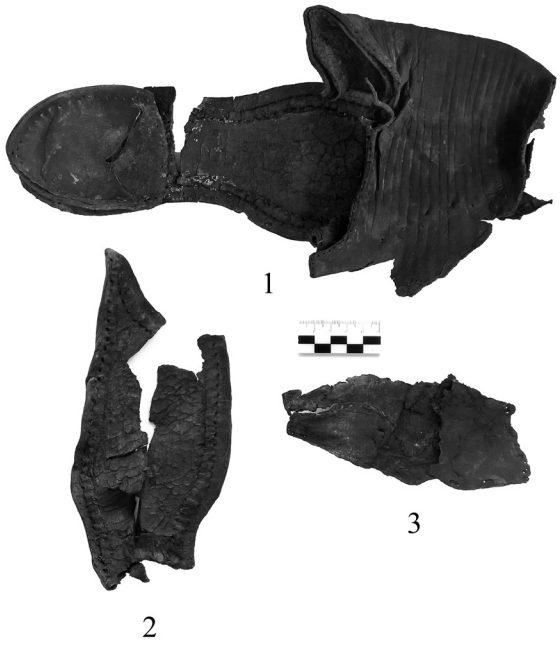

Рис. 6. Фрагменты кожаной обуви
Fig. 6. Fragments of leather shoes

[21] Артемичева Т. Н. Находки деталей обуви из раскопок 2012 г. в г. Бежецке // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2019. Вып. 12. С. 273.

[22] Курбатов А. В. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. 2008. № 3. С. 222.

[23] Коллекция кожаных изделий из Тары (по материалам раскопок 2012–2014 гг.) / Осипов Д. О. [и др.] // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 1. С. 116.

[24] Фатюнина О. А. Детали кожаных сапог г. Переяславля Рязанского XV — начала XVII в. // Археология Подмосковья. 2012. Вып. 8. С. 288.

— *головка сапога (рис. 6.2)*. У детали не выявлена форма верхнего обреза, поэтому невозможно достоверно определить принадлежность деталей к сапогам или туфлям. По шовным отверстиям выявлено, что с подошвами головки соединялись сквозным выворотным швом. Форма обреза носка – остроконечная;

— *задник сапога (рис. 6.3)*. Являлся деталью сапога жесткой конструкции, по следам швов выявлено, что сшивался прямым выворотным швом, с голенищем и головкой — тачным швом. Верх треугольной формы, боковины наклонные, нижний обрез края закругленный. Подобная форма характерна для фасонов сапог, появившихся в русских городах в конце XV — начале XVI в[25].

Кроме того, в данном слое были найдены обрывки и обрезки кожаной обуви, изделие из бересты в форме круга с отверстием в центре (возможно, поплавок) *(рис. 5.8)*, фрагмент деревянного изделия и фрагмент днища керамического сосуда с клеймом в виде колеса (окружности с радиусами) *(рис. 4.3)*. Учитывая, что ниже влажного слоя на данном раскопе фиксируется материковый красно-коричневый суглинок, можно предположить, что на данном участке городища освоение начинается не ранее XVI в.

Таблица 4

Статистика керамики из раскопа № 5

Table 4

Statistics of ceramics from excavation № 5

Слой	сероглиняная	красноглиняная запесоченная	грубая мореная	красноглиняная без гр. примесей	неопределимая
пестроцветная коричневая супесь с включением битого кирпича и строительного мусора	3	1	1	4	1
серо-коричневая супесь, насыщенная щепой	1	2		1	
Всего: 14	4	3	1	5	1

Раскоп № 6

Раскоп № 6 размерами 1х1 м был заложен в северо-западной части городища на северном краю памятника *(рис. 2–3, см. цв. вклейку, рис. 11)*, на усадебной территории дома № 11 на ул. Старое Городище, в 37 м к юго-западу от раскопа № 5, примерно в 80 м к западу от раскопа 1982 г. Раскоп ориентирован по линии юго-восток — северо-запад. Поверхность раскопа задернована, понижается в направлении с юго-востока на северо-запад на 8 см.

Ниже уровня дерна по всей поверхности раскопа фиксируется слой темно-коричневой супеси (мощность 0,26–0,36 м), который является перемешанным огородным слоем. Он включает в себя находки фрагментов красноглиняной запесоченной, красноглиняной без грубых примесей и грубой мореной керамики, а также несколько фрагментов сероглиняной керамики. Кроме того, среди находок в данном слое были найдены кованый гвоздь, фрагмент печины и фрагмент дисковидного *пряслица (рис. 5.7)*, выточенного из стенки грубого мореного сосуда.

Ниже фиксируется достаточно мощный слой пестроцветной темно-коричневой супеси с включением углей (мощностью 0,49–0,75 м). Слой насыщен находками керамических сосудов. Кроме традиционных групп керамики, в слое представлено достаточно большое количество фрагментов архаичных сероглиняных сосудов, а также несколько фрагментов лепных сосудов. Среди других находок выявлены фрагмент *косы-горбуши (рис. 5.1)* и железный *кочедык (рис. 5.2)*. У косы сохранился фрагмент рабочей части длиной 30,5 м и шириной клинка 2,4 см. Стандартная форма кос

[25] Курбатов А. В. Указ. соч. С. 222.

сохраняется с домонгольской эпохи до XX в.[26] Кочедык — инструмент для плетения, в нашем случае с петлей из крученого дрота. Подобные орудия неоднократно находили на русских памятниках Вятской земли, в том числе в Хлыновском кремле[27], их находки также имеют широкий хронологический диапазон с домонгольского времени до XIX в.[28] В целом кажется (несмотря на отсутствие узко датирующих находок), при наличии как поздних материалов, так и архаичной сероглиняной и особенно лепной керамики, что данный слой, в значительной степени переотложенный, сформировался при планировочных работах (возможно, при укреплении склона городища) в относительно поздний период XVIII–XIX вв. Для слоев и прослоек, следующих ниже, характерно то, что они в той или иной степени пострадали от огня (наличие включений угля, обожженной или прокаленной почвы), поэтому заманчиво соотнести их с пожаром 1686 г. Ниже следует еще один достаточно мощный (до 0,3 м) слой темно-коричневой супеси с включением угля, древесного тлена и обожженной глины. Количество фрагментов керамической посуды сильно снижается, среди находок чаще встречается красноглиняная гладкая керамика, также выявлены фрагменты лепных сосудов. Среди прочих находок кусок шлака и *точильный камень (рис. 5.10)*. В слоях желто-серого песка с включением обожженной глины и пестроцветной коричневой супеси с включением песка и угля также выявлены немногочисленные фрагменты керамической посуды, в частности фрагмент кругового сосуда с включением раковины (т. н. славяноидная керамика). К сожалению, несмотря на относительно значительное количество находок, точно датировать самые ранние культурные отложения в данном раскопе представляется сложным.

Таблица 5

Статистика керамики из раскопа № 6

Table 5

Statistics of ceramics from excavation № 6

Слой	сероглиняная	«славяноидная»	красноглиняная запесоченная	грубая мореная	красноглиняная без гр. примесей	неопределимая	лепная
темно-коричневая супесь	7		12	12	12		
пестроцветная темно-коричневая супесь с включением углей	18		24	24	32	3	2
темно-коричневая супесь с включением угля, древесного тлена и обожженной глины	5		4	8	11		4
желто-серый песок с включением обожженной глины				1			
пестроцветная коричневая супесь с включением песка и угля		1	2	1	2		
Всего: 185	30	1	42	46	57	3	6

Раскоп № 7

Раскоп № 7 размерами 1,5х1 м был заложен в центральной части городища *(рис. 2–3)*, на приусадебном участке дома № 3 на ул. Старое Городище, вплотную к стене гаража, в 22 м

[26] Левашова В. П. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1956. С. 91. (Тр. ГИМ; вып. 32).
[27] Макаров Л. Д. Типология и хронология древностей Хлынова // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1994. С. 172. Рис. 1–27.
[28] Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1959. Т. 2. С. 69. Рис. 55–2 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 65); Шутова Н. И. Удмурты XVI — первой половины XIX в.: По данным могильников. Ижевск, 1992. С. 37, рис. 46–7–10.

к востоку от раскопа № 1, примерно в 60 м к северо-востоку от раскопа 1982 г. Раскоп ориентирован по сторонам света. Поверхность раскопа задернована, понижается в направлении с юго-запада на северо-восток на 16 см.

Ниже слоя дерна на данном раскопе залегает слой темно-коричневой супеси с редкими находками керамики, среди которой выявлены фрагменты поливной керамики XIX — первой половины XX в. Также здесь найдены *монета денга 1737 г. (рис. 5.9)* и *фрагмент стеклянной бутылки с клеймом «Заведения минеральных вод Ф. Х. Грахе»* (Казань, вторая половина XIX в. — нач. XX в.). Это огородный слой, который можно датировать XVIII–XX вв. Ниже залегает переотложенный слой пестроцветной темно-коричневой супеси с включением красного суглинка и угля с редкими находками фрагментов керамической посуды. В слое на уровне –73 см от нуля был найден человеческий череп, в этом же слое выявлены разрозненные человеческие кости от погребения, разрушенного в результате хозяйственной деятельности на участке в XVIII–XIX вв.

Ниже залегает слой темно-коричневой супеси с включением переотложенной глины. В данном слое на глубине –95–100 см были зафиксированы два погребения — мужское в юго-восточном углу и парное (женское и детское) в северо-западном углу *(см. цв. вклейку, рис. 12)*. На площади раскопа были расчищены лишь верхние части погребений, нижние уходят в борта. Оба погребения совершены по обряду трупоположения в деревянных гробовищах, остатки которых фиксируются в виде полосок древесного тлена. Заполнение погребений состоит из пестроцветной темно-коричневой супеси с включением переотложенной глины. Погребения ориентированы в юго-западном направлении. Подобный же погребальный обряд был зафиксирован при раскопах Котельничского могильника Л. Д. Макаровым в 1982 г. Могильник Л. Д. Макаров датирует периодом XVI–XVIII вв.[29] Таким образом, в данном части городища также был зафиксирован участок Котельничского могильника. В связи с тем, что раскоп был ограничен проектными границами, было решено законсервировать данные погребения, чтобы сохранить их для будущих исследований.

Таблица 6

Статистика керамики из раскопа № 7

Table 6

Statistics of ceramics from excavation № 7

Слой	красноглиняная запесоченная	красноглиняная без гр. примесей	неопределимая	грубая мореная	поливная
темно-коричневая супесь		2		1	3
пестроцветная темно-коричневая супесь с включением красного суглинка и угля	1	18	1		
темно-коричневая супесь с включением переотложенной глины		7	1		
Всего: 34	1	27	2	1	3

Керамический комплекс

Культурный слой городища оказался в значительной степени переотложен, особенно в ходе планировки и застройки площадки в XX в. Однако многочисленные фрагменты керамической посуды представляют значительный интерес для понимания развития данной территории. Анализ керамической коллекции, полученной в ходе работ 2023 года, представляет собой сложную методическую задачу. Давно известны проблемы с отсутствием четкой и работающей классификации руской

[29] Макаров Л. Д. Исследования в Котельничском районе Кировской области // Археологические открытия 1982 года. М., 1984. С. 157.

керамики Кировской области[30]. Исследованием круговой керамики Вятской земли занимался Д. А. Салангин[31]. К сожалению, его работа, несмотря на все ее безусловные плюсы, не увенчалась разработкой детальной классификации[32]. Учитывая, что практически вся совокупность полученных керамических материалов представляет собой фрагменты круговой неполивной посуды, сырьем для изготовления которой служила красножгущаяся глина, критериями для разделения керамики на группы в нашем случае послужили режим обжига и разновидность керамического теста по составу (за исключением отдельных случаев). При этом необходимо осознавать известную условность данного разделения.

В целом можно охарактеризовать коллекцию как крайне фрагментированную (был получен только 1 полный профиль горшка и 2 профиля мисок), особенностью которой является в некоторой степени архаичность: использование в массе своей ручного гончарного круга (традиция, которая сохранилась на Вятской земле до XX в.[33]) и низкотемпературного печного обжига. Вся коллекция керамики представлена 882 фрагментами, которые могут быть разделены на следующие группы:

Лепная (6 фрагментов, 0,7 % о общего количества) *(рис. 7.3, 7.8)*. Найдена только в раскопе № 6. Найдены фрагменты стенок и венчик чашевидных сосудов без дополнительной обработки поверхности, внешняя поверхность неровная. Цвет серовато-желтый, стенки толстые, обжиг костровой, цвет слома черепка трехцветный, с серой полоской посередине. Примесь — песок. Орнамент отсутствует. Увязать с какой-либо известной археологической культурой данного региона проблематично, но, скорее всего, принадлежала финно-угорскому населению края.

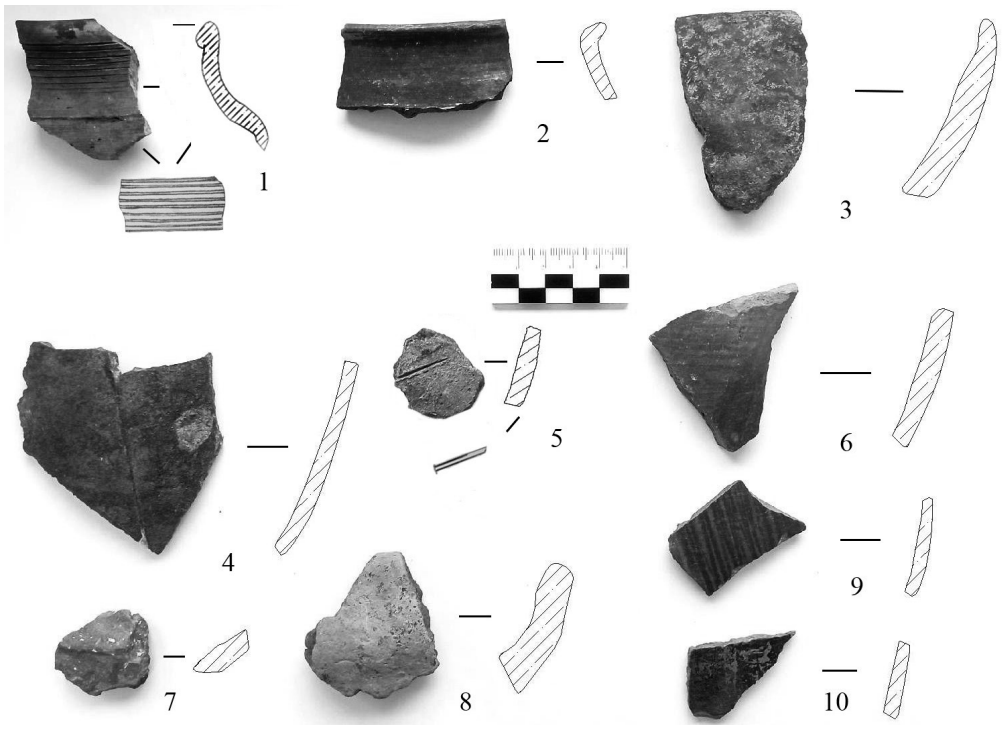

Рис. 7. Малые керамические группы: белоглиняная (1, раскоп № 3); поливная (2, раскоп № 7); лепная (3, 8, раскоп № 6); мореная (4, 10, раскоп № 3); «славяноидная» (5, 7, раскоп № 1); чернолощеная (6, 9, раскоп № 3)

Fig. 7. Small ceramic groups: white clay (1, excavation № 3); glazed (2, excavation № 7); hand-made (3, 8, excavation № 6); fumed (4, 10, excavation № 3); "Slavic" (5, 7, excavation № 1); black-burnished (6, 9, excavation № 3)

[30] Владимиров Н. В., Егоров А. В. Указ. соч. С. 84.

[31] Салангин Д. А. Круговая неполивная посуда вятского края в XII–XVIII вв. (по археологическим источникам): дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1999.

[32] Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV веках: дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2006. С. 327.

[33] Трушкова И. Ю. Восточно-поморский город Лальск: этноархеологические очерки. Киров, 2022. С. 31–32.

Сероглиняная (67 фрагментов, 7,6 % от общего количества) *(рис. 8)*. Цвет фрагментов темно-коричневый, серо-коричневый, серый, темно-серый, поверхность шероховатая, иногда заглаженная, большая часть фрагментов покрыта бытовым нагаром. Обжиг печной, окислительный, срез трехслойный, с темно-серой прослойкой посередине. Примеси — дресва и крупный песок (размером больше 1 мм). Гончарный круг — ручной, подсыпка — песок, реже зола или мелкая дресва. Орнамент отсутствует. Форма сосудов — горшки. Типы венчиков — плавно отогнутые наружу с закругленным краем или со срезанным краем.

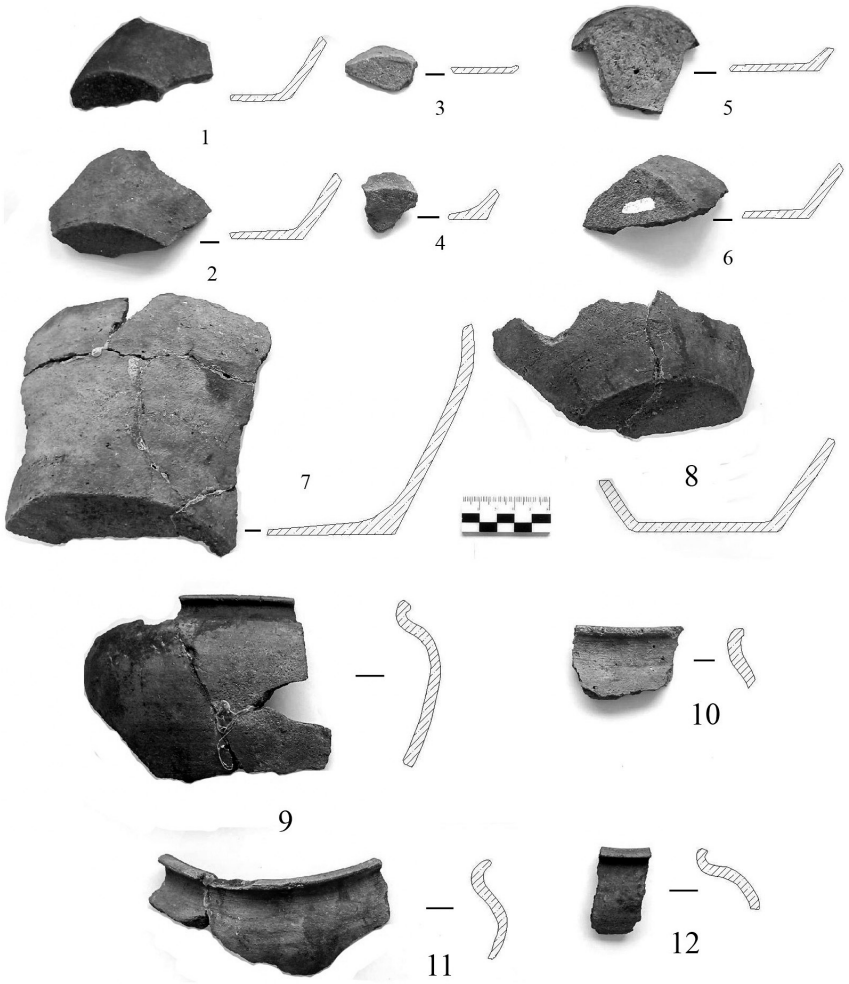

Рис. 8. Сероглиняная керамика. 1, 4, 6 (раскоп № 3), 2, 5 (раскоп № 1), 3, 10 (раскоп № 4), 7–9, 12 (раскоп № 6)
Fig. 8. Gray clay ceramics. 1, 4, 6 (excavation № 3), 2, 5 (excavation № 1), 3, 10 (excavation № 4), 7–9, 12 (excavation № 6)

В. Ю. Коваль замечает, что на значительной части территории нашей страны замена дресвы песком в качестве отощителя и вообще стремление к уменьшению минеральных примесей происходит в XIV–XV вв., в частности в Москве в XV в., в то время как в Новгороде и Пскове это происходит позднее[34]. В частности, в Пскове дресва в качестве отощителя используется еще в XVII в[35]. При работах в Котельниче в 2023 г. керамика с примесью дресвы и крупного песка встречается на всех горизонтах работ, хотя в большей степени характерна для нижних горизонтов. Предварительно в материалах Котельничского городища данная керамика может быть датирована периодом

[34] Коваль В. Ю. Русское гончарство в Золотоордынскую эпоху // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. Том 2. С. 56–57.
[35] Кильдюшевский В. И. Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 7.

XIII–XVII вв., по аналогии с материалами раскопок Хлыновского кремля, где подобная посуда датируется XV–XVII вв.[36]

Красноглиняная запесоченная (186 фрагментов, 21 % от общего количества) *(рис. 9–11, 4.3)*. Цвет фрагментов коричневый, красно-коричневый, серо-коричневый, практически все фрагменты покрыты бытовым нагаром. Поверхность шероховатая запесоченная, иногда заглаженная. Обжиг печной, окислительный, срез трехслойный, с серой прослойкой посередине. В качестве примесей использовался песок с размером части до 1 мм, также в единичных случаях шамот или шамотовидные включения. Гончарный круг — ручной, подсыпка — песок. На одном днище зафиксировано клеймо в виде колеса (окружности с радиусами) *(рис. 4.3)*. В четырех случаях встречается орнамент, дважды линейный и дважды в виде волны. Обнаружены фрагменты горшков, в том числе и одного полного профиля *(рис. 11)*. Горшок кухонный, покрыт нагаром, приземистый. Тулово раздутое, выпуклое плечико, практически без шейки переходящее в отогнутый наружу прямой короткий венчик. Высота сосуда 9,4 мм, ширина в тулове достигает 15,5 мм.

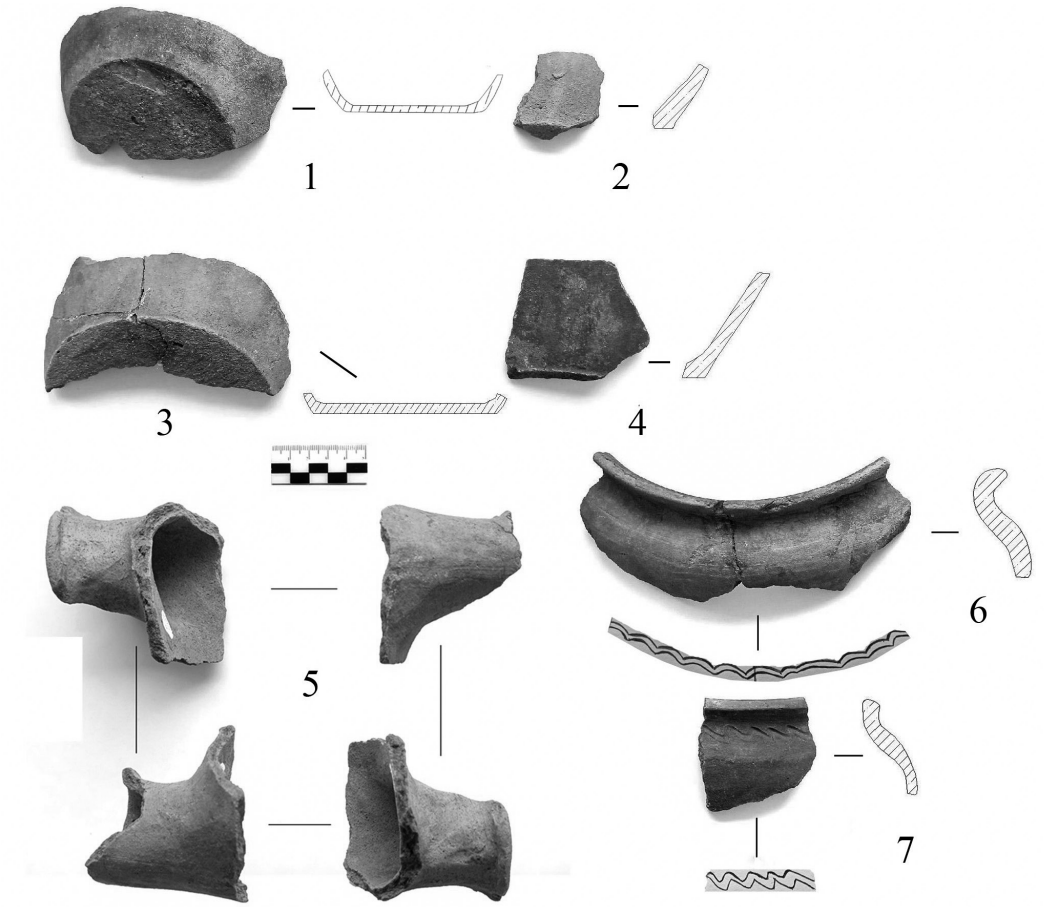

Рис. 9. Красноглиняная запесоченная керамика. 1, 4–6 (раскоп № 3), 2 (раскоп № 5), 3, 7 (раскоп № 6)
Fig. 9. Red clay sanded ceramics. 1, 4–6 (excavation № 3), 2 (excavation № 5), 3, 7 (excavation № 6)

Типы венчиков — отогнутые наружу прямые с четким переломом профиля и закругленным «чистовым» краем, плавно отогнутые наружу с закругленным краем, плавно отогнутые со срезанным краем. Данная керамика характерна для XIV–XVII вв., в нашем случае она встречается на всех раскопах, причем чаще в верхних слоях.

Красноглиняная без грубых примесей (307 фрагментов, 34,8 % от общего количества) *(рис. 4. 1, 4.2; 12, 13)*. Цвет фрагментов коричневый, бурый, светло-коричневый, грязно-серый, светло-

[36] Егоров А. В. Предварительные итоги археологических раскопок на территории северной части кремля г. Хлынова-Вятки в 2022 г. // XVI Бадеровские чтения. Пермь, 2023. С. 110.

серый, фрагменты сосудов зачастую покрыты бытовым нагаром. Поверхность гладкая. Обжиг печной (возможно, в некоторых случаях горновой), окислительный, срез трехслойный, с серой прослойкой посередине, черепок звонкий. Примеси — без видимых примесей или с естественной примесью мелкозернистого песка (до 0,5 мм). Гончарный круг — ручной, подсыпка — песок, в единичных случаях зола или дресва, иногда дно срезано нитью, встречаются следы закраин. На двух фрагментах днищ зафиксированы клейма в виде креста и колеса *(рис. 4. 1, 4.2)*. Встречается линейный (8 раз), реже волнистый (4 раза) орнамент. Обнаружены фрагменты горшков и мисок. Наиболее распространенные типы венчиков — отогнутые наружу прямые с четким переломом профиля и закругленным «чистовым» либо утолщенным краем. Наиболее распространенная керамическая группа, встречается во всех раскопах и на всех горизонтах. Датируется широко в пределах XIII–XIX вв.

Рис. 10. Горшок. Раскоп № 3
Fig. 10. Pot. Excavation № 3

Рис. 11. Горшок. Раскоп № 6
Fig. 11. Pot. Excavation № 6

Грубая мореная (276 фрагментов, 31 % от общего количества) *(рис. 14–15)*. Цвет фрагментов серый, темно-серый, черный, подавляющая часть фрагментов покрыта бытовым нагаром. Обжиг печной, восстановительный, срез серый или черный. В качестве примесей использовался песок размером до 1 мм, а чаще более мелкий. Гончарный круг — ручной, подсыпка — песок. Встречается волнистый (6 раз) и линейный (1 раз) орнамент. Находки представлены фрагментами горшков, крышек, мисок. Типы венчиков — отогнутые наружу прямые с четким переломом профиля и закругленным «чистовым» краем, плавно отогнутые наружу с закругленным краем, вертикальные с округлым краем, с шейкой, наклоненной внутрь горшка, и устьем, отогнутым наружу через

резкий перелом профиля, изредка отогнутые наружу с черновым краем, завернутым внутрь. Последний вариант оформления венчика является распространенным для разных районов Руси в XIII–XV вв.[37] В материалах исследования 2023 г. он встречается редко, однако косвенно может свидетельствовать об относительно раннем начале производства местной мореной керамики в Котельниче. В целом данная группа датируется широко в пределах XIII–XIX вв. и встречается во всех раскопах 2023 г.

Рис. 12. Красноглиняная без грубых примесей керамика. 1–2 (раскоп № 6), 3 (раскоп № 5), 4 (раскоп № 3)
Fig. 12. Red clay ceramics without coarse impurities. 1–2 (excavation № 6), 3 (excavation № 5), 4 (excavation № 3)

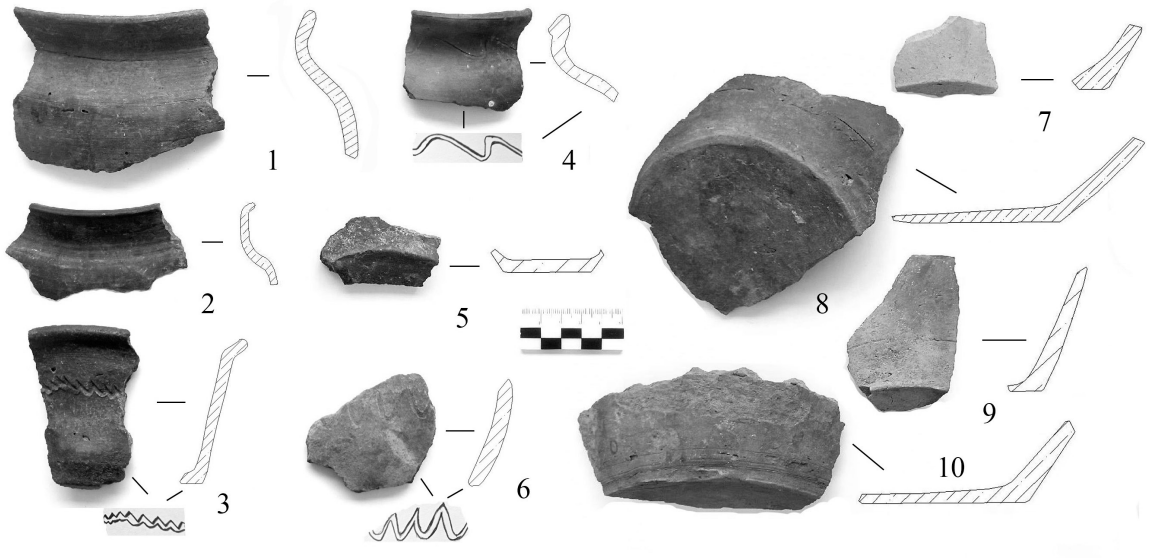

Рис. 13. Красноглиняная без грубых примесей керамика. 1–3, 8–10 (раскоп № 3), 4, 7 (раскоп № 1), 5–6 (раскоп № 6)
Fig. 13. Red clay ceramics without coarse impurities. 1–3, 8–10 (excavation № 3), 4, 7 (excavation № 1), 5–6 (excavation № 6)

[37] Коваль В. Ю. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны восточной Европы). М., 2016. С. 106.

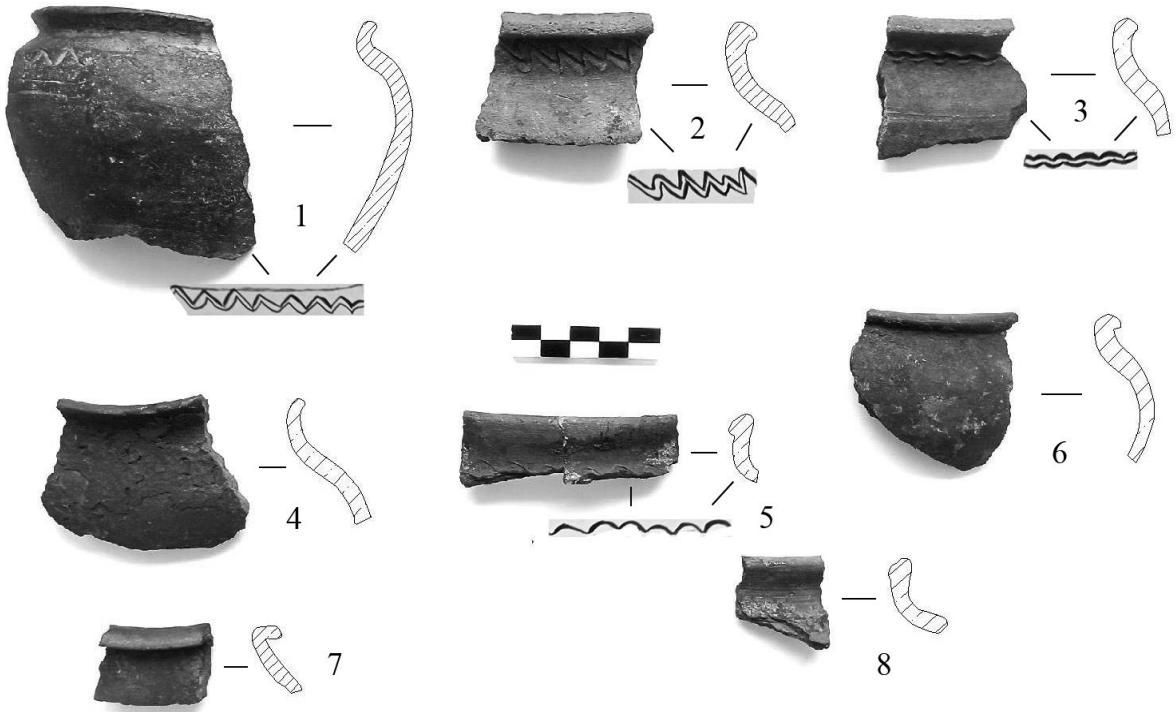

Рис. 14. Грубая мореная керамика. 1, 8 (раскоп № 5), 2, 3, 7 (раскоп № 6), 4, 6 (раскоп № 3), 5 (раскоп № 4)
Fig. 14. Rough fumed ceramics. 1, 8 (excavation № 5), 2, 3, 7 (excavation № 6), 4, 6 (excavation № 3), 5 (excavation № 4)

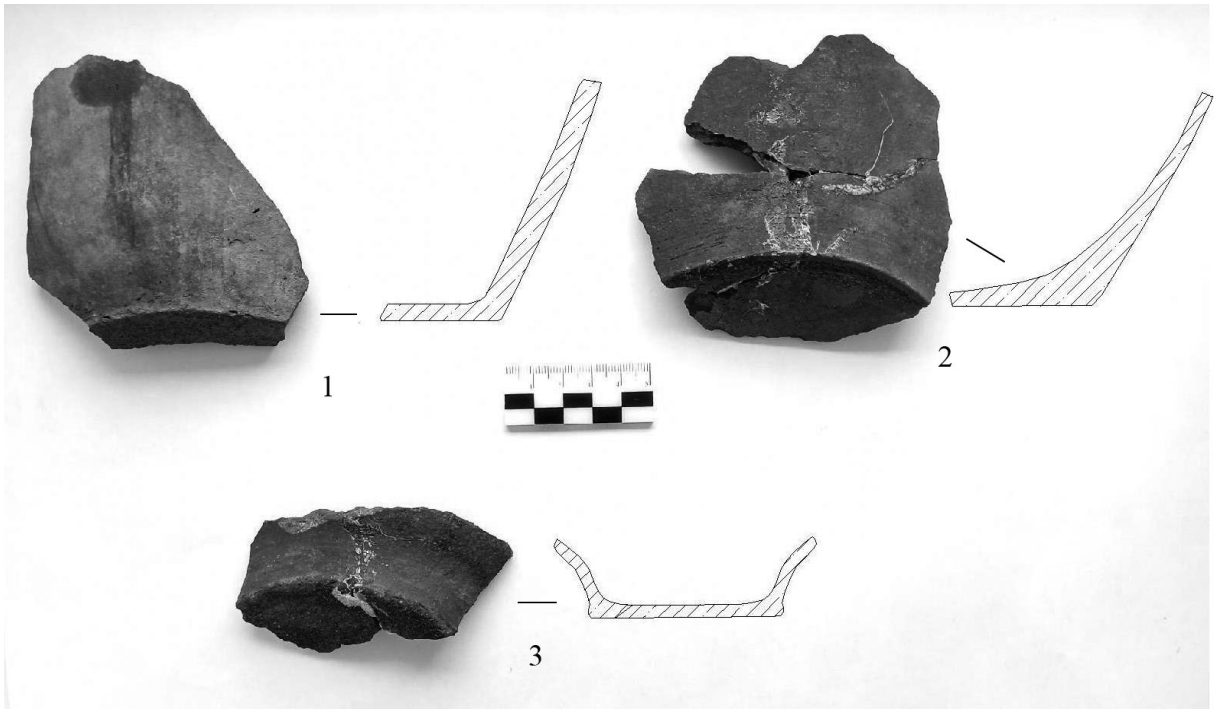

Рис. 15. Грубая мореная керамика. 1–3 (раскоп № 3)
Fig. 15. Rough fumed ceramics. 1–3 (excavation № 3)

«Славяноидная» (6 фрагментов, 0,7 % от общего количества) *(рис. 7.5, 7.7)*. Традиционно «славяноидной» называют круговую гончарную керамику, изготовленную в славяно-русских традициях, но содержащей в качестве примеси толченую раковину, которая является основным отощителем в керамических традициях финно-угорских культур.

Цвет поверхности варьируется коричневый или серый, фрагменты кухонных сосудов несут следы бытового нагара. Поверхность сосудов шероховатая, запесоченная. Обжиг печной, окислительный, срез трехслойный, с серой прослойкой посередине. Примеси — толченая раковина, песок. Гончарный круг — ручной, подсыпка — песок. Единственный найденный венчик прямой, отогнут наружу с четким переломом профиля и закругленным «чистовым» краем. На одной из стенок присутствует орнамент в виде диагональных насечек. Традиционная «славяноидная» керамика датируется XII–XV вв.[38], однако на территории Вятского края встречается вплоть до XX в.[39]

Белоглиняная (1 фрагмент венчика, 0,1 % от общего количества) *(рис. 7.1)*. Выявлен в раскопе № 3. Поверхность серая, излом белый однородный, с примесью мелкого песка, обжиг горновой, гончарный круг ручной. Тип венчика — вертикальный, подтреугольной формы с валиком с внутренней стороны. Венчик с внешней стороны покрыт узкой зоной линейного орнамента из 9 линий. Датируется второй половиной XVII в[40]. Представляет собой импорт из центральных областей страны.

Мореная (2 фрагмента стенок, 0,2 % от общего количества) *(рис. 7.4, 7.10)*. Выявлена только в раскопе № 3. Тесто плотное, с небольшой примесью мелкого песка. Обжиг восстановительный горновой, гончарный круг ножной. Черепок звонкий, фрагменты черного или серого цвета, срез серого или темно-серого цвета. Находки представлены фрагментами стенок сосудов. Представляет собой импорт из центральных областей страны, датируется XVIII–XIX вв.

Чернолощеная с разреженным лощением (5 фрагментов, 0,6 % о общего количества) *(рис. 7.6, 7.9)*. Найдена в раскопе № 3. Находки представлены пятью фрагментами стенок, лощение вертикальное разреженное. Тесто плотное, без примесей. Обжиг горновой, восстановительный. Гончарный круг — ножной. Черепок звонкий, цвет серый, срез серого цвета. Датируется XVIII–XIX вв. В Вятском крае не существовало местной традиции изготовления чернолощеной посуды, поэтому ее находки представляют собой импорт из центральных областей страны.

Кирпично-красная (1 фрагмент стенки, 0,1 % от общего количества). Найден в раскопе № 3. Тесто плотное, без примесей. Черепок звонкий, срез кирпично-красного цвета. Поверхность гладкая. Обжиг горновой, черепок звонкий. Гончарный круг — ножной. Датируется XIX — нач. XX в.

Красноглиняная тонкая поливная (3 фрагмента, 0,3 % от общего количества) *(рис. 7.2)*. Найдена в раскопе № 7. Тесто плотное, без примесей, полива коричневого и красно-коричневого цветов. Черепок звонкий, срез кирпично-красного цвета. Поверхность гладкая. Обжиг горновой. Гончарный круг — ножной, дно срезано нитью. Обнаружены венчик горшка, стенка и фрагмент днища. Датируется XIX — первой половиной XX в.

В целом можно сделать следующие предварительные выводы. Наиболее распространенными керамическими группами являются красноглиняная без грубых примесей и грубая мореная керамика, в чуть меньшей степени красноглиняная запесоченная, причем для всех этих групп практически общими признаками являются изготовление на ручном круге, печной обжиг, примесь в виде мелкого песка или отсутствие таковой, а также основной вид оформления края венчика в виде отогнутого наружу прямого чистового края. Пока сложно сказать, с чем связано такое однообразие. Достаточно распространена грубая сероглиняная керамика, причем она также встречается на всех уровнях прокопки исследованных раскопов, что, возможно, связано с переотложенностью слоев. Относительно редко встречается «славяноидная»

[38] Никитина Т. Б. К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // Finno-Ugrica. 2005–2006. № 9. С. 116–117.

[39] Салангин Д. А. Указ. соч. С. 153.

[40] Коваль В. Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. 2001. № 1. С. 108. Рис. 3.

керамика, типичная для вятских русских памятников. Очень небольшим числом находок представлены предположительно привозные группы керамики XVII–XIX вв. — белоглиняной, мореной, чернолощеной.

В результате проведения археологических раскопок на территории Котельничского городища получена достаточно интересная информация о материальной культуре населения г. Котельнича XIII — нач. XX в. Несмотря на ограниченную площадь работ, получены новые сведения о стратиграфии этого достаточно сложного памятника. Был выявлен новый участок Котельничского могильника. Что касается хронологии, то без датирующего материала и четкой дробной классификации материала керамического сложно говорить, насколько прав был Л. Д. Макаров, опуская нижнюю границу существования городища до XIII в. Лишь в раскопе № 5 можно уверенно датировать нижний горизонт на уровне XVI в. Однако косвенно подтвердилось мнение Л. Д. Макарова о Котельничском городище как исключительно русском населенном пункте[41], финно-угорских материалов, за исключением нескольких фрагментов лепной керамики, найдено не было. Результаты работ подтверждают необходимость проведения дальнейших археологических исследований на территории этого, одного из старейших городских поселений Кировской области.

References

Arkheologiya Volgo-Ural'ya: v 7 t. [Archeology of the Volga-Ural Region: In 7 Vols]. Kazan: Izd-vo AN RT Publ., 2022, vol. 7. (In Russian).

Artemicheva T. N. [Finds of Shoe Parts from the 2012 Excavations in Bezhetsk]. *Tver', tverskaya zemlya i sopredel'nyye territorii v epokhu srednevekov'ya* [Tver, Tver Land and Adjacent Territories in the Middle Ages]. Tver: Tverskoy nauchno-issledovatel'skiy istoriko-arkheologicheskiy i restavratsionnyy tsentr Publ., 2019, iss. 12, pp. 272–486. (In Russian).

Bolshakov S. D. *Istoriya goroda Kotel'nicha* [A History of the Town of Kotelnich]. Kotelnich: Izd-vo departamenta kul'tury i iskusstva Kirovskoy obl., Otd. kul'tury g. Kotel'nicha Publ., 2006. (In Russian).

Egorov A. V. [Preliminary Results of Archaeological Excavations on the Territory of the Northern Part of the Kremlin of the City of Khlynov-Vyatka in 2022]. *XVI Baderovskiye chteniya* [16th Bader Readings]. Perm: Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet Publ., 2023, pp. 107–112. (In Russian).

Fatyunina O. A. [High-Boots Components of Pereyaslavl' Ryazansky in the 15th — the Beginning of the 17th Century]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara* [Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Scientific Seminar], 2012, iss. 8, pp. 286–296. (In Russian).

Kaisin A. O., Pantyukhina K. A. [General Map of the Vyatka Province with Plans and Views of the Provincial Town, Uezd and Uezd-Less Towns of 1806] *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2024, vol. 3, no. 2, pp. 122–133. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-2-122-133 (In Russian).

Kildyushevsky V. I. [Ceramics of Pskov in the 12th–17th Centuries]. *Ladoga i yeye sosedi v epokhu srednevekov'ya* [Ladoga and Its Neighbors in the Middle Ages]. Saint Petersburg: IIMK RAN Publ., 2002, pp. 4–33. (In Russian).

Kobozeva E. V. [Tver Potter's Stamps from the Excavations of 2007–2011 (On the Materials from Zat'matsky Posad and Zagorodsky Posad)]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara* [Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Scientific Seminar], 2014, iss. 10, pp. 370–392. (In Russian).

Kolchin B. A. [Ironworking Craft of Novgorod the Great (Products, Technology)]. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Works of the Novgorod Archaeological Expedition]. Moscow: IA AN SSSR Publ., 1959, vol. 2, pp. 7–120. (Materials and research on archaeology of the USSR; no. 65). (In Russian).

[41] Большаков С. Д. Указ. соч. С. 9.

Koval V. Yu. [White Clay Ceramics in Medieval Moscow]. *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian Archaeology], 2001, no. 1, pp. 98–109. (In Russian).

Koval V. Yu. [Russian Pottery in the Golden Horde Era]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [The Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan Publ., 2014, vol. 2, pp. 56–63. (In Russian).

Koval V. Yu. *Pervichnaya fiksatsiya massovogo keramicheskogo materiala (na pamyatnikakh epokhi Srednevekov'ya i rannego zheleznogo veka lesnoy zony vostochnoy Evropy)* [Primary Recording of Mass Ceramic Material (Based on Sites of the Middle Ages and Early Iron Age in the Forest Zone of Eastern Europe)]. Moscow: IA RAN Publ., 2016. (In Russian).

Kurbatov A. V. [On the Non-Stratigraphic Dating of Leather Goods Complexes in Russian Medieval Cities]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury* [Notes of the Institute for the History of Material Culture], 2008, no. 3, pp. 210–233. (In Russian).

Levashova V. P. [Agriculture]. *Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII v.* [Essays on the History of the Russian Village of the 10th–13th Century]. Moscow: Goskul'tprosvetizdat Publ., 1956, pp. 19–105. (Proceedings of the State Historical Museum; iss. 32). (In Russian).

Makarov L. D. [Research in the Kotelnichsky District of the Kirov Region]. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1982 goda* [Archaeological Discoveries of 1982]. Moscow: IA AN SSSR Publ., 1984, pp. 156–157. (In Russian).

Makarov L. D. [Typology and Chronology of the Khlynov Antiquities]. *Tipologiya i datirovka arkheologicheskikh materialov Vostochnoy Evropy* [Typology and Dating of Archaeological Materials of Eastern Europe]. Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta Publ., 1994, pp. 166–189. (In Russian).

Makarov L. D. *Drevnerusskoye naseleniye Prikam'ya v X–XV vekakh: dokt. dis.* [Old Russian Population of the Kama Region in the 10th–15th Centuries: Diss. Doct.]. Izhevsk, 2006. (In Russian).

Makarov L. D. [Russian Cities of the Vyatka Region in the Research of Archaeologists]. *Russkiye v Prikam'ye: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Russians in the Kama Region: Proceedings of the All-Russian Sci.-Pract. Conf.]. Sarapul: Udmurtskiy federal'nyy issledovatel'skiy tsentr UrO RAN Publ., 2018, pp. 37–48. (In Russian).

Nikitina T. B. [On the Issue of the Cultural Affiliation of the "Slavic" Ceramics of the Mari-Chuvash Volga Region]. *Finno-Ugrica*, 2005–2006, no. 9, pp. 114–130. (In Russian).

Nizov V. V. [Chronicles on the Vyatka town of Kotelnich]. *Shvedy i Russkiy Sever: istoriko-kul'turnyye svyazi (k 210-letiyu Aleksandra Lavrent'yevicha Vitberga). Materialy Mezhdunar. nauch. simp.* [Swedes and the Russian North: Historical and Cultural Ties (On the 210th Anniversary of Alexander Lavrentyevich Vitberg). Proceedings of the International Sci. Symp.]. Kirov: Dom pechati "Vyatka" Publ., 1997, pp. 354–361. (In Russian).

Osipov D. O., Tataurov S. F., Tikhonov S. S., Chernaya M. P. [Leather Artifacts from Tara, Western Siberia, Excavated in 2012–2014]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2017, vol. 45, no. 1, pp. 112–120. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.1.112-120 (In Russian).

Panchenko K. I. [Potter's Stamps of the 12th–19th Cc. on Clay Vessels from the Excavations in the Town of Dmitrov]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara* [Archaeology of the Moscow Region: materials of the scientific seminar], 2007, iss. 3, pp. 197–204. (In Russian).

Salangin D. A. *Krugovaya nepolivnaya posuda vyatskogo kraya v XII–XVIII vv. (po arkheologicheskim istochnikam): kand. dis.* [Circular Unglazed Ware of the Vyatka Region in the 12th–18th Centuries (Based on Archaeological Sources): Diss. Cand.]. Izhevsk, 1999. (In Russian).

Shutova N. I. *Udmurty XVI — pervoy poloviny XIX v.: Po dannym mogil'nikov* [The Udmurts of the 16th — First Half of the 19th Century: According to Burial Grounds]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 1992. (In Russian).

Trushkova I. Yu. *Vostochno-pomorskiy gorod Lal'sk: etnoarkheologicheskiye ocherki* [East Pomor Town of Lalsk: Ethnoarchaeological Essays]. Kirov: Avers Publ., 2022. (In Russian).

Veksler A. G., Kondrashev L. V., Berkovich V. A., Gusakov M. G., Gening V. V. *Moskva. Raskopki na Velikom posade. Moskovskaya keramika po materialam issledovaniy* [Moscow. Excavations at Velikiy Posad. Moscow Ceramics Based on Research Materials]. Moscow: Departament kul'turnogo naslediya goroda Moskvy Publ., 2016. (In Russian).

Vladimirov N. V., Egorov A. V. [The Study of the Cultural Layer of the XVII–XIX Centuries during the Archaeological Work in 2009–2017]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* [Herald of Humanitarian Education], 2019, no. 1 (13), pp. 79–88. DOI: 10.25730/VSU.2070.19.009 (In Russian).

Сообщения

УДК 929(470.342)«20/21» DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-110-113

Елена Алексеевна Кошелева — к 70-летию со дня рождения

В 2024 году исполняется 70 лет со дня рождения Елены Алексеевны Кошелевой — археолога-исследователя, человека, положившего начало охранной археологии в Кирове.

Елена Алексеевна Кошелева (в девичестве Балыченко) родилась 7 октября 1954 г. в городе Лениногорске Татарской АССР. Через некоторое время семья перебралась в город Сосновку Вятскополянского района Кировской области, где Елена Алексеевна окончила среднюю школу № 1. В 1974 г. она поступила в Казанский государственный университет по специальности «история», где уже на первом курсе увлеклась археологией. Вот как она сама описывала этот поворотный момент в своей жизни: «Я пришла в лабораторию университета и сказала, что хочу заниматься археологией, на что мне ответили: “Прекрасно, деточка, сюда приходят только те, кто ею занимается, значит, вы уже занимаетесь археологией”»[1]. Во время обучения Е. А. Кошелева принимала участие в экспедициях, в том числе ездила на раскопки скифских курганов на Украине. Завершила обучение в университете в 1980 г.

Свою трудовую деятельность Елена Алексеевна начала учителем истории в Вятскополянской школе рабочей молодежи, после чего отправилась на Соловецкий архипелаг, где работала археологом в музее-заповеднике. Здесь она познакомилась со своим будущим мужем — Яковом Петровичем Кошелевым, работавшим в то время старшим научным сотрудником в этом же музее-заповеднике. В 1983 г. у них родилась дочь Полина, и Елену Алексеевну потянуло обратно — в Кировскую область. В промежутке с 1983 по 1991 г. она работала учителем географии и истории в Сосновской школе-интернате, методистом в Вятскополянском бюро путешествий и экскурсий, инспектором Опаринского РОНО, преподавателем истории в местном СПТУ-9.

В сентябре 1991 г. Елена Алексеевна переехала в Киров и была принята на должность старшего научного сотрудника в Кировский государственный объединенный историко-архитектурный и литературный музей (ныне Кировский областной краеведческий музей им. П. В. Алабина), а в 1995 г. была назначена заведующей сектором археологии средневекового города. 24 апреля 1992 г. Управление культуры администрации города Кирова направило в музей письмо с просьбой «оказать содействие в проведении археологических исследований и обеспечить археологические наблюдения реставрационных работ двух ротонд» на городской набережной. 28 июля мэр города Кирова А. М. Михеев подписал распоряжение, котором определялось, что разрешение на проведение земляных работ в «охранных зонах исторической части города» будет выдаваться только при наличии договора на археологические наблюдения. Границы охранной зоны были очерчены на севере улицей Профсоюзной, на юге — рекой Хлыновкой, на востоке — рекой Вяткой, на западе — Октябрьским проспектом. Вслед за этим директором музея В. А. Валовым была организована служба археологического надзора.

Одним из инициаторов постановки этих мер на практическую почву и организатором первых археологических охранных работ явилась Елена Алексеевна Кошелева. Именно она, после отказа в просьбе проследить культурные напластования при земляных работах на территории женского монастыря, проявила настойчивость и, совместно с руководством музея, смогла убедить мэра в необходимости создания системы археологического надзора[2]. Она, являясь старшим научным сотрудником сектора археологии в музее, осуществляла археологический надзор на всех стройках исторической части города и заложила основы систематического изучения археологического наследия Кирова.

---

[1] Евшин А. С. Елена Алексеевна Кошелева. Вехи жизни археолога // LIV Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: Материалы Всероссийской (с международным участием) археологической студенческой конференции. Астрахань, 2022. С. 290–293.

[2] Кайсин А. О., Глазырина М. К., Старков Р. Л. Археологические работы при реставрации церкви Рождества Иоанна Предтечи в городе Кирове // Вестник гуманитарного образования. 2019. № 2 (14). С. 59–67.

Information

УДК 929(470.342)«20/21» DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-110-113

Elena Alekseevna Kosheleva — on the 70th Anniversary of the Birth

Елена Алексеевна Кошелева (1954–2009)
Elena Alekseevna Kosheleva (1954–2009)

В 1991 г. городскими властями был принят «Проект реставрации церкви Иоанна Предтечи (историко-архивные изыскания, обмер, рабочие чертежи на воссоздание верхних ярусов колокольни и завершение холодного храма)», археологический надзор на время реставрационных работ этого памятника архитектуры XVIII в. осуществлялся Е. А. Кошелевой[3]. Заложив траншею возле фундамента церкви, ей удалось обнаружить множественные напластования, состоящие из строительного мусора, гумуса, перемешанного с битым кирпичом, и слоями фундамента. Важными находками стали три медных креста XVII–XVIII вв.

С 1992 г. началась активная застройка района под названием «Старые ямы». В течение четырех лет Е. А. Кошелева обследовала здесь шесть котлованов под застройку домами. Стратиграфия их профилей дала интересную картину. Рельеф культурного слоя имел довольно неровную линию, часто фиксировались пятна просевшего грунта (разрезы могильных ям и траншей). В разрезах ям были обнаружены человеческие кости вперемешку с гумусированным грунтом и включением пятен сгнившего дерева. При проведении археологических исследований в зимний период проследить послойно культурные напластования всего комплекса для воссоздания полной картины захоронений оказалось затруднительно, тем не менее результаты произведенных работ позволили предположить наличие здесь скудельницы (массового захоронения неимущих) доекатерининского времени[4].

Летом 1992 г. при проведении археологической разведки в парке им. С. Халтурина Е. А. Кошелева заложила траншею 16×1 м близ ротонды А. Л. Витберга, где были выявлены слои посада XVI–XVII вв. Именно тогда, с 1992 г., на опыте этих работ, началось формирование устойчивой системы взаимоотношений между городскими властями и археологическим сообществом.

Очередные охранные археологические исследования, проведенные Е. А. Кошелевой в 1994 г. во дворе дома № 3 на улице Московской, дали интересный материал по кирпичному производству в Вятке. Здесь впервые был обнаружен двухъярусный горн для обжига керамической посуды и изразцов, возведенный на рубеже XVII–XVIII вв., что позволило исследователям говорить о существовании в это время в Вятке собственного кирпичного производства. На лицевой стороне одного изразцового фрагмента четко просматриваются знамя и часть древка, стволовая часть пушки, а между знаменем и пушкой — голова воина. На лицевой части другого изображены геометрический орнамент и часть фигуры воина. Еще два фрагмента оказались бракованными, без изображения[5].

В сентябре 1994 г., в ходе проведения охранных археологических исследований при строительстве на: улице Молодой Гвардии, 35, была сделана еще одна интересная находка. В культурном слое начала XX в. был обнаружен клад, упакованный в берестяной бурачок. Бурачок рассыпался на месте, но клад был собран полностью. Всего было обнаружено 514 предметов. Среди них — столовое серебро, шприц в стерилизаторе, золотые цепочки, подвески и сережки с рубином, кошелек из кольчужно-сплетенных серебряных колец, наполненный драгоценными камнями, бусы из поделочного камня, 332 русские серебряные монеты XIX — начала XX в., 150 русских медных монет XVIII — начала XX в., 7 монет различных государств дореволюционного периода, два жетона в память 300-летия дома Романовых.

В период с 1992 по 2003 г. Объединенным музеем было проведено два раскопа и более 60 надзоров в городской черте Кирова. Почти все работы проводились под руководством Е. А. Кошелевой. До 2000 г. все археологические работы носили характер наблюдений. В 2000 г. Областной краеведческий музей впервые приступил к охранным археологическим раскопкам в городе Кирове в тесном сотрудничестве с Вятским государственным гуманитарным университетом (ныне Вятский государственный университет). Первые работы производились на участке под строительство дома на улице Володарского, 84. В результате раскопок были зафиксированы оборонительные сооружения XVII в. — ров и вал. В 2000-е гг. продолжились раскопки под руководством Е. А. Кошелевой по линии посадских укреплений. В результате охранных археологических исследований удалось

[3] Кайсин А. О., Глазырина М. К., Девятова К. А. Находки меднолитейной пластики на территории города Кирова // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России: сб. научных статей. Сургут, 8–13 ноября 2021 г. Т. 1. Омск, Сургут, 2021. С. 123–131.

[4] Кошелева Е. А. Вятка — город поморский // Шведы и Русский север: историко-культурные связи. Киров, 1997. С. 81.

[5] Кайсин А. О., Борисова А. М., Глазырина М. К. Хлыновский кремль в XVI–XVIII вв. по археологическим данным // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 1. С. 82–92.

изучить стратиграфическую картину оборонительных сооружений города Хлынова в XVII в.[6] Наиболее интересную научную информацию дали раскопки рва в пределах выводов (раскоп 2000, 2002 гг.) и проезжих башен — Ильинской (раскоп 2003 г.) и Никитской (раскоп 2005 г.).[7]

С июля 2003 г. Е. А. Кошелева была переведена из музея в Научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры на должность главного специалиста. Центр взял на себя проведение археологических работ в Кирове. В 2006 г. Е. А. Кошелева возглавила отдел охранных археологических исследований. К 2008 г. Елене Алексеевне удалось провести 7 раскопок и больше 50 надзоров в Кирове. Кроме работы в Научно-производственном центре, Елена Алексеевна преподавала археологию на историческом факультете Вятского государственного гуманитарного университета, где под ее руководством в 2005 г. была создана археологическая лаборатория. До этого времени при университете существовал лишь кабинет археологии, и его деятельность не была регулярной.

Длительное время археологические работы Елены Алексеевны были сосредоточены только в городе Кирове. Лишь в последние годы жизни ею было осуществлено руководство археологическими экспедициями по исследованиям трасс газопроводов Кумёны — Мирный на территории Кумёнского и Оричевского районов и Оханск — Киров на территории Фалёнского, Зуевского и Кирово-Чепецкого районов Кировской области.

В 2007 г. у Елены Алексеевны была обнаружена злокачественная опухоль, а 17 января 2009 г. на 55-м году Елена Алексеевна ушла из жизни.

Несмотря на краткость того временного отрезка своей жизни, который Елена Алексеевна посвятила археологии города Кирова, она оставила яркий след в научной и общественной жизни города, создав два научных центра, непосредственно занимающихся археологией в Кировской области и городе Кирове, а именно: археологический отдел Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области и Научно-исследовательскую археологическую лабораторию в Вятском государственном университете.

Сотрудники Научно-исследовательской археологической лаборатории ВятГУ

[6] Кайсин А. О., Глазырина М. К., Борисова А. М. Посад города Хлынова в XVI–XVIII вв. (по археологическим данным) // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 3. С. 76–91.

[7] Кошелева Е. А. Водоотводы г. Хлынова (к вопросу о дренажной системе средневекового города) // Актуальные проблемы истории Вятско-Камского региона: к 110-летию со дня рождения А. В. Эммаусского: материалы региональной научной конференции. Киров, 2008. С. 18–22.

УДК 061.3(470.342) DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-114-115

Всероссийская научно-практическая конференция «Вятка. Музей. Алабин» (к 200-летию П. В. Алабина и 650-летию г. Кирова)

10–12 сентября 2024 г. в Кировском областном краеведческом музее им. П. В. Алабина состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Вятка. Музей. Алабин», посвященная 200-летию со дня рождения основателя Вятского публичного «музеума» Петра Владимировича Алабина (1824–1896) и 650-летию образования города Кирова[1].

Обе даты значимы для истории Вятки и истории России. Петр Владимирович Алабин — выдающийся государственный и общественный деятель, историк, участник Венгерского похода русских войск 1849 г., ветеран Крымской войны 1853–1856 гг. (участник Дунайского похода, битвы при Ольтенице, обороны Севастополя). В 1858 г. Алабин прибыл на службу в Вятку и занял должность помощника управляющего Вятской удельной конторой, затем ее заведующего. Проведя в Вятке восемь лет, он внес большой вклад в развитие культуры губернии. Именно Алабин руководил раскопками Ананьинского могильника в Елабужском уезде Вятской губернии и был первым исследователем памятников ананьинской культуры. Алабин был управляющим делами Вятской публичной библиотеки, инициатором создания библиотеки в Кукарке (1861), основателем Вятского публичного «музеума» (1866 г.). В настоящее время Кировский областной краеведческий музей носит имя П. В. Алабина и является обладателем ценных коллекций, некоторые из которых были собраны его основателем.

Вторая дата, к которой была приурочена конференция, — 650-летие г. Кирова (Хлынова, Вятки). Музей уже много лет является центром краеведческой науки. В его фондах хранится более 250 тысяч единиц музейных предметов, большинство из которых отражают историю Вятского края и становятся основой для исследовательских работ.

Пленарное заседание конференции состоялось в Главном здании Кировского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина. (г. Киров, ул. Спасская, 6). Открывая конференцию, директор музея, доктор исторических наук, проф. Ю. А. Балыбердин отметил возросшую актуальность краеведческих исследований и их практическую значимость, подчеркнул важность изучения роли личности в развитии музейного дела.

Одним из ключевых докладов пленарного заседания стало выступление В. С. Жаравина, главного архивиста ЦГАКО, почетного архивиста РФ, «Петр Владимирович Алабин: военный писатель, историк, создатель Вятского публичного музеума». Владимир Сергеевич много лет занимается изучением жизни и деятельности Алабина, является автором книги «Петр Алабин — почетный гражданин города Вятки» (2005 г.). К началу конференции эта актуальная монография была записана в аудиоформате и торжественно презентована участникам пленарного заседания. Аудиокнига с одноименным названием была озвучена Михаилом Михальчуком, автором и руководителем проекта «В звуке — сила книги» и размещена в свободном доступе в сети Интернет.

Секционные заседания конференции проходили на четырех площадках. Первая секция — «Краеведческие исследования и их роль в развитии территорий» — работала в Главном здании краеведческого музея. Она собрала ученых и практиков, историков, педагогов, музейных работников из Саратова, Архангельска, Сыктывкара, Кирова. Доклады были посвящены различным аспектам региональных исследований и особенностям их применения на практике. Особый интерес слушателей вызвали выступления, связанные с ранней историей Вятской земли: доктора философских наук, доцента, профессора кафедры гуманитарных наук Кировского филиала РАНХиГС

[1] Вятка. Музей. Алабин: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения основателя Вятского публичного музеума Петра Владимировича Алабина (1824–1896) и 650-летию образования города Кирова. Киров, 2024.

Е. А. Счастливцевой «Вятская земля в конце XIV — начале XV в.: события и люди. Суздальско-нижегородские князья» (г. Киров) и заведующего Научно-исследовательской лабораторией Вятского государственного университета (г. Киров) и старшего научного сотрудника Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург) А. О. Кайсина «Слюдяная окончина с раскопок посада г. Хлынова». Живое обсуждение вызвал доклад кандидата исторических наук старшего преподавателя кафедры теории и истории государства и права Волго-Вятского Института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) П. А. Чемоданова «К вопросу о виновниках разрушения Александро-Невского собора в г. Кирове» (г. Киров).

Вторая секция — «Наследие П. В. Алабина: сохранение и популяризация музейных собраний. Формирование образа современного музея» — проходила в музейно-выставочном центре «Диорама». На секции были представлены результаты формирования и изучения музейных коллекций, многие из которых были презентованы впервые. Например, Н. Е. Лисицына, старший научный сотрудник фондового отдела Музейно-туристического центра городского округа Клин (г. Клин, Московская область), рассказывала о коллекции торговых гирек конца XIX — начала XX в. из фондов Краеведческого музея; кандидат исторических наук научный сотрудник отдела фондов Кировского областного краеведческого музея им. П. В. Алабина Е. Ю. Мокерова (г. Киров) представила доклад о кладе серебряных монет XVII в. из Советского района Кировской области, который не так давно был передан в фонды музея и вызвал большой интерес общественности.

Третья секция, посвященная роли личности в музейном деле, состоялась в музее «Приказная изба». В центре внимания исследователей оказались основатели и подвижники музейного дела. Ученый секретарь Чувашского национального музея (г. Чебоксары, Чувашская Республика) Т. А. Давыдова познакомила коллег со справочным изданием «Сотрудники Чувашского национального музея. 1921–2021 гг.», которое является примером сохранения частной памяти о музейных работниках. Ряд докладчиков посвятили свои выступления вкладу духовенства в развитие музейного дела на Вятской земле, обсуждались имена и вклад в музейное дело П. В. Алабина, В. В. Лебедева, Л. А. Гребнева и др.

В Музее воинской славы прошла работа четвертой секции — «Лучшие практики музеев в сохранении духовно-нравственного наследия и патриотическом воспитании». Секция носила ярко выраженный практико-ориентированный характер. Музейные педагоги, вузовские преподаватели, учителя, руководители школьных музеев делились опытом работы с культурным наследием. Был представлен опыт патриотического воспитания на базе Курганского областного краеведческого музея, Слободского музейно-выставочного центра, Тужинского районного краеведческого музея и др. Особый интерес вызвал доклад «Структура, содержание и практика реализации программы дополнительного образования для юных музейщиков в Челябинской области» В. М. Кузнецова, кандидата исторических наук, доцента кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета.

По результатам обсуждений участники конференции приняли резолюцию, которая включила в себя следующие пункты: регулярно проводить на региональном уровне семинары-совещания, научно-практические конференции; включать лучшие областные и районные музеи в экскурсионно-туристские маршруты регионов; привлекать представителей учреждений культуры к сотрудничеству с образовательными организациями; активизировать работу по развитию инновационных методов по работе музеев с различными категориями населения; уделять особое внимание цифровизации музейных фондов и экспозиций для обеспечения их большей доступности и др.

В течение всей конференции в музее работала книжная выставка, на которой были представлены монографии и сборники материалов конференций, посвященные П. В. Алабину.

Всего в конференции приняли участие более 50 человек из Кировской, Московской, Челябинской, Курганской, Саратовской, Архангельской областей, Республики Коми, Чувашской Республики.

При поддержке фонда «Культурное наследие Вятки» был издан сборник докладов и сообщений конференции.

Горбушина Е. И. Кировский областной краеведческий музей имени П. В. Алабина

УДК 94(470.342) DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-4-116-117

Тайны Хлынова: история и находки — выставка к юбилею города

Собрание Кировского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина насчитывает свыше 250 тысяч единиц хранения, составляющих Государственную часть Музейного фонда РФ. Из них почти 40 тысяч единиц — предметы археологической коллекции. Хронологически данная коллекция представлена предметами от эпохи мезолита и до самых поздних находок из переотложенных городских слоев. Основная часть представленных в коллекции предметов была найдена на территории Кировской области. Незначительное количество — например, Херсонесская коллекция, — собрано на территориях других регионов. Несмотря на внушительность фондов коллекции археологии, за последние 10 лет в Кировском областном краеведческом музее им. П. В. Алабина было организовано лишь несколько выставок, или целиком посвященных археологическому прошлому края, или тех, где предметы из коллекции «Археология» были бы центральными экспонатами.

В 2023 г. в краеведческом музее прошла выставка «Древности Вятского края. Три века исследований». Став первой за несколько лет тематической археологической выставкой, она вызвала большой интерес у жителей города, стала резонансным событием для различных, в том числе крупных, СМИ. Ее основной идеей стала попытка осветить все археологические эпохи, представленные в виде артефактов в музейном собрании. Однако, ввиду большого размера экспозиции, материалы по археологии города Кирова в данную выставку не вошли.

В 2024-м, юбилейном для города Кирова, году сотрудники краеведческого музея решили организовать новую тематическую выставку, на этот раз посвященную истории археологических работ, в разное время проводившихся на территории города Кирова, а также наиболее выдающимся находкам, которые были сделаны во время этих работ. Примечательной особенностью выставки стало то, что она, органично «вписываясь» в постоянную экспозицию одного из отделов музея, превращалась в своеобразный смысловой и тематический «мостик» между двумя залами — «Археология» и «Город». Партнерами-организаторами выставки выступили Лаборатория археологических исследований ВятГУ и Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области. При этом новейшие находки археологов составили лишь часть выставки.

Первые археологические работы на территории города относятся к 1935 г. Тогда сотрудники Кировского областного краеведческого музея Б. А. Васильев и М. П. Грязнов провели археологические наблюдения. Ими была прослежена стратиграфия города: обнаружены мостовые и остатки культурного слоя, собрана обширная коллекция предметов утилитарного назначения — ножи, замки, кочедыки, гвозди и т. д. Результаты работ 1935 г. на выставке «Тайны Хлынова: история и находки» представлены, в частности, ритуальной табличкой, фрагментом керамической бутылки с клеймом «Керковиусъ и Комп. Рига».

Следующий этап в истории археологического исследования города связан с работами Л. П. Гуссаковского в 1956–1959 гг. Они проводились в двух районах — в кремлевской части Хлынова-Вятки и на территории сада им. Степана Халтурина (совр. Александровский сад). По результатам проведенных исследований в исторической части г. Кирова Гуссаковским впервые на основе анализа стратиграфии была предложена примерная датировка основания города — около середины XIV в.

Предметы, найденные Гуссаковским на территории Хлыновского Кремля в 1956–1957 гг., представлены в одной из витрин, открывающих выставку. Это комплекс курительных трубок, фрагменты глиняных игрушек, керамических изделий. Организаторы выставки также представили вниманию посетителей археологические предметы утилитарного назначения — фрагменты кирпича, стеклянных изделий, изразца; многочисленные предметы из кожи и бересты, датированные XV–XVI вв.

Отдельно на выставке представлен комплекс рыболовных принадлежностей — грузила, крючки и гарпуны. Стоит также отметить фрагмент курительной трубки голландского типа, датируемой второй половиной XVII — первой половиной XVIII в. Интерес вызывают два клейма, нанесенных на пятку чашки: в ее нижней части изображена женщина в расширяющемся книзу платье, опояске и головном уборе, несущая на коромысле две бадьи; на торце пятки имеется боковая рельефная пяточная марка в виде герба голландского города Гауды — известного центра производства керамических курительных трубок. Совмещение этих двух клейм на трубке может свидетельствовать о том, что данный предмет — лишь подделка настоящей трубки голландского изготовления.

Следующим важным этапом в археологическом изучении города стали 1990-е годы. В этот период Л. А. Сенниковой проводились работы на территории Трифонова монастыря. На выставке «Тайны Хлынова: история и находки» этому периоду посвящена отдельная витрина, на которой представлены предметы быта — вилка, кожаный лапоть и фрагмент изразца. Неординарными находками можно считать фрагменты митры из погребения архимандрита. Визуальным дополнением к этому экспонату стал чертеж погребения архимандрита, обнаруженного при проведении работ. В этот комплекс находок также вошли предметы, собранные Михаилом Петровичем Грязновым в 1935 г. на местах разрушенных соборов и храмов города. Это — зеленый стеклянный крест в металлической оправе с изображением распятия из погребения неизвестного архиерея и медная иконка круглой формы с изображением святого конца XVII в. из колоды архиерея Ионы в Кафедральном соборе, медная пуговица и металлическое украшение. Дополняет комплекс культовых предметов икона «Преподобный Трифон Вятский Чудотворец перед Богоматерью».

Хронологически завершают выставку находки, обнаруженные при проведении археологических работ в начале XXI в. Отдельно следует отметить представленные археологической лабораторией ВятГУ фрагменты мостовой, которые были найдены С. Е. Перевощиковым при проведении работ в 2013 г.

Всего на выставке «Тайны Хлынова: история и находки» можно выделить три больших комплекса предметов. Первый из них составляют экспонаты, входящие в состав постоянной экспозиции и раскрывающие особенности жизни и быта средневекового городского жителя. Это уже упомянутый выше комплекс предметов, найденных во время работ, проведенных Л. П. Гуссаковским, а также витрина, посвященная средневековому вооружению, конскому снаряжению, ремеслам, металлообработке, ювелирному делу.

Второй комплекс экспонатов, ставших основой выставки, — это впервые представленные широкой публике археологические предметы из собрания музея. Третий комплекс — экспонаты из собрания НПЦ и НИ археологической лаборатории. Научно-производственный центр ежегодно проводит работы в черте города, его сотрудниками продемонстрированы новейшие находки, обнаруженные при проведении работ на территории города в 2021–2024 гг. Это сосуды, фрагменты горшка, аптечные флаконы, предметы из железа (наконечники стрел, копий, ножи, топоры). Из индивидуального материала на выставке представлены колокольчик и бляха.

В целом выставка наглядно раскрывает основные этапы археологического изучения города, посредством археологических предметов дает возможность посетителю представить тот материальный мир, который окружал средневекового жителя города Хлынова. А иллюстрации археологических работ, чертежи и схемы, как дополнительный наглядный материал, дают возможность оценить пространственную организацию и материальную среду средневекового города.

Пушков Е. А. Кировский областной краеведческий музей имени П. В. Алабина

Сокращения

АКИО — Ананьинская культурно-историческая область
АП — Археология Подмосковья
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГИКЭ — Государственная историко-культурная экспертиза
ГИМ — Государственный исторический музей
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КВАЭ — Камско-Вятская археологическая экспедиция
КОГАУ — Кировское областное государственное автономное учреждение
КОГБУК — Кировское областное государственное бюджетное учреждение культуры
КОМК — Кировский объединенный музей краеведения
ЛАИ УдГУ — Лаборатория археологических исследований Удмуртского государственного университета
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОКН — объект культурного наследия
РА — Российская археология
РГИА — Российский государственный исторический архив
УИИЯЛ УрО РАН — Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
ФГБОУ ВО — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
ЦГАКО — Центральный государственный архив Кировской области

Научное издание
Историко-географический журнал. 2024. Т. 3. № 4

Главный редактор
М. В. Михеев

Корректор
Т. А. Качалова

Верстка
Н. Р. Хамидулова

Ретушь иллюстраций
И. В. Кулагин

Формат 60×84/8. Бумага ВХИ 80 гр./м^2. Гарнитура Calibri
Уч.-изд. л. 9,94. Усл. печ. л. 13,72
Тираж 120 экз. Заказ № _____
Дата выхода в свет 25.12.2024 г. Цена свободная

Макет подготовлен и отпечатан в ООО Универсальная Типография «Альфа-Принт»
620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж
тел. 8 800 300-16-00

Рис. 1. Уменьшенный план уездного города Слободского Вятской губернии 1860 г.
Fig. 1. Resized plan of the uezd town of Slobodskoy of the Vyatka province 1860

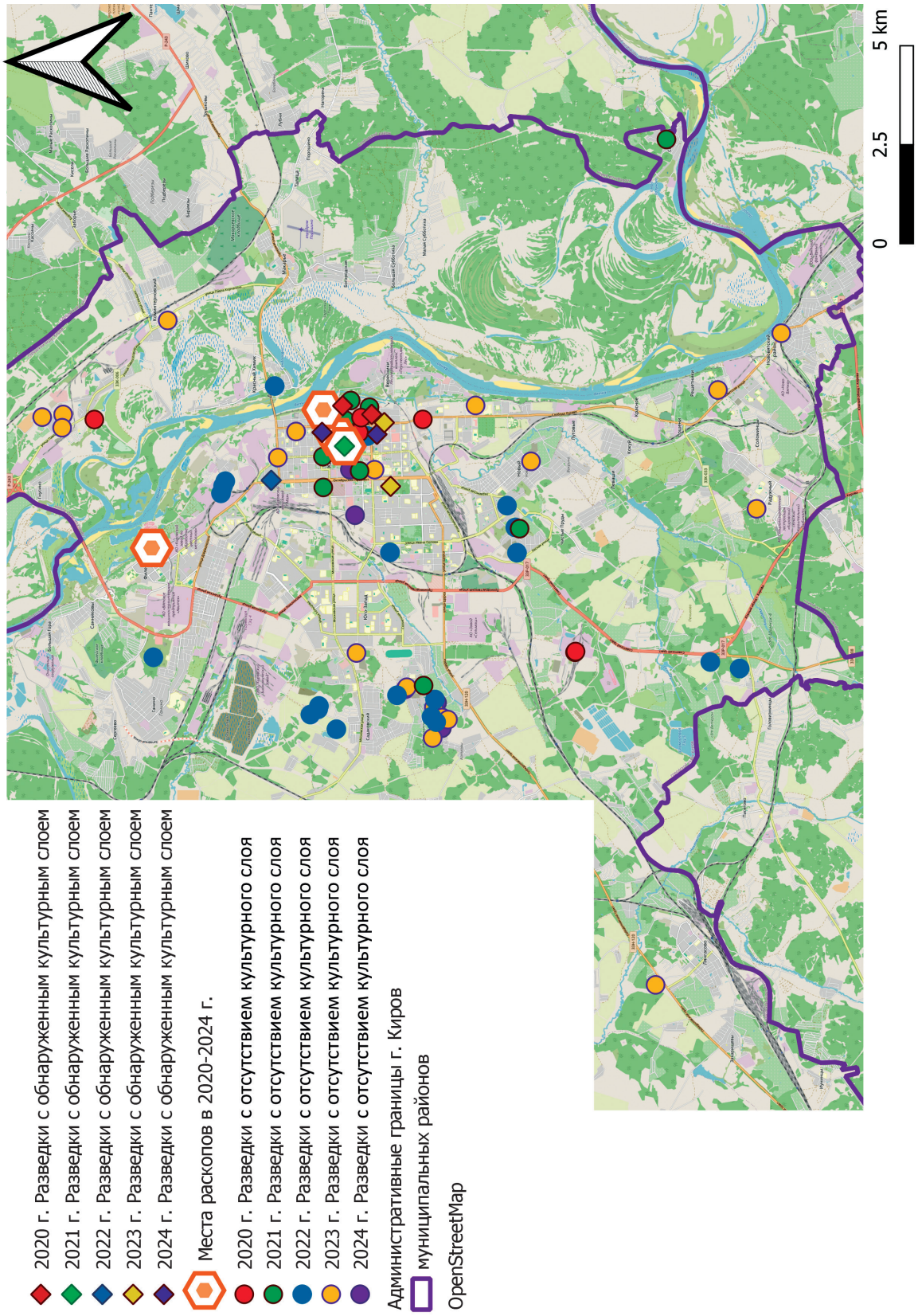

Рис. 2. Карта археологических работ на территории г. Кирова в 2020–2024 гг.
Fig. 2. Map of archaeological work on the territory of Kirov in 2020–2024

Рис. 3. Карта археологических работ на территории исторической части г. Кирова в 2020–2024 гг.
Fig. 3. Map of archaeological work on the territory of the historical part of Kirov in 2020–2024

Рис. 4. Ситуационный план Пижемского городища
Fig. 4. Site plan of the Pizhma settlement

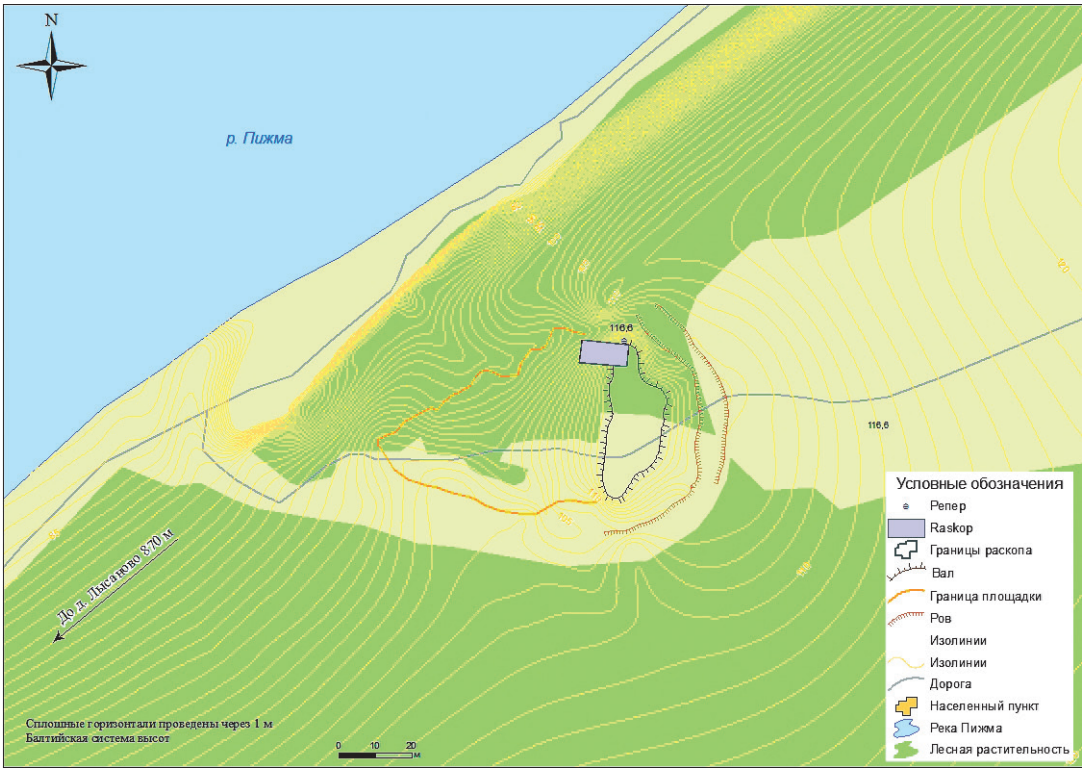

Рис. 5. Топографический план Пижемского городища
Fig. 5. Topographic plan of the Pizhma settlement

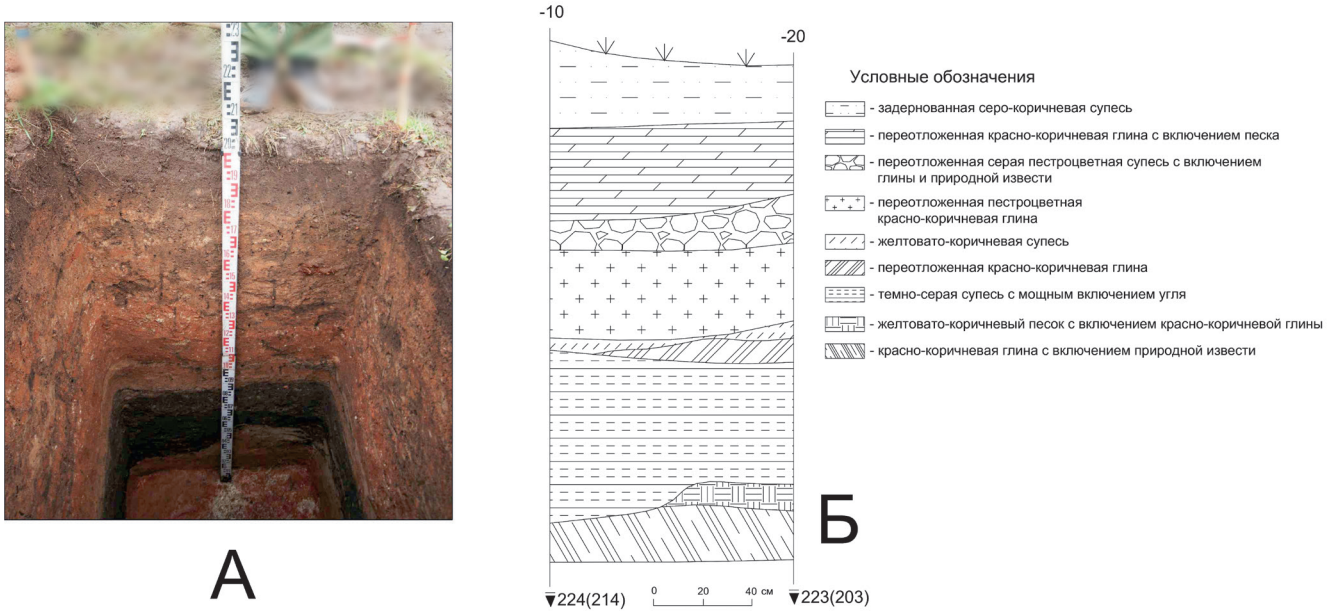

Рис. 6. Раскоп № 1. Западная стенка
Fig. 6. Excavation № 1. Western wall

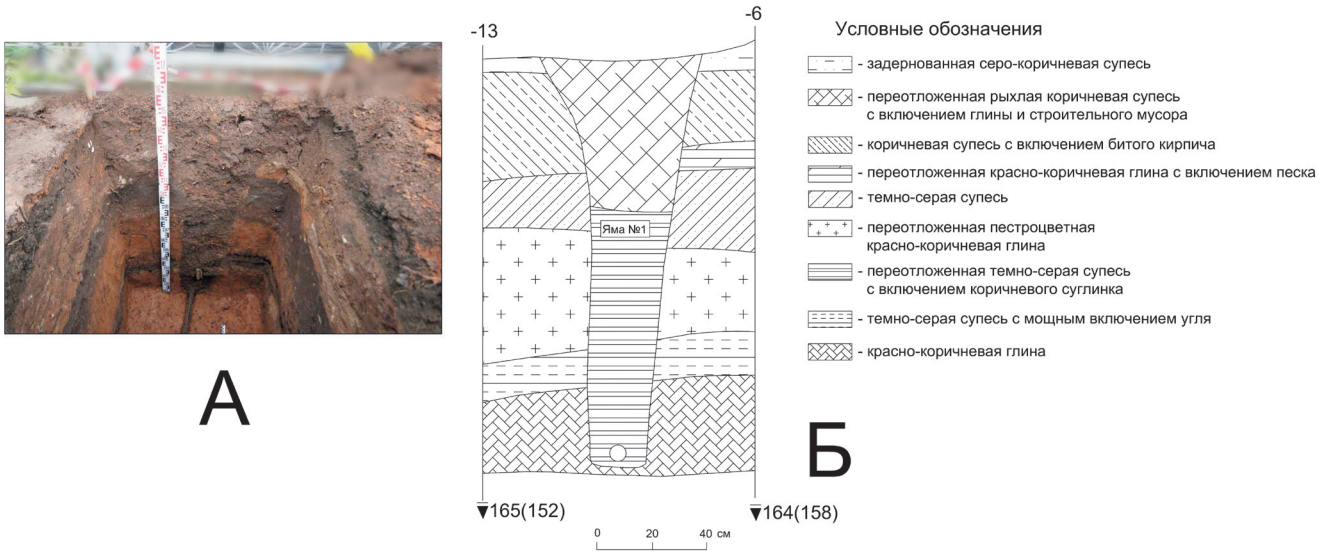

Рис. 7. Раскоп № 2. Северо-восточная стенка
Fig. 7. Excavation № 2. North-eastern wall

А

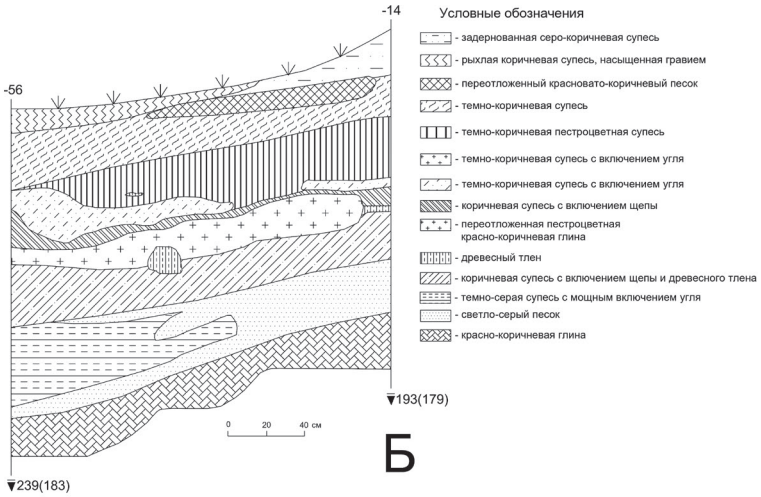

Рис. 8. Раскоп № 3. Северо-восточная стенка, северная часть
Fig. 8. Excavation № 3. North-eastern wall, northern part

А

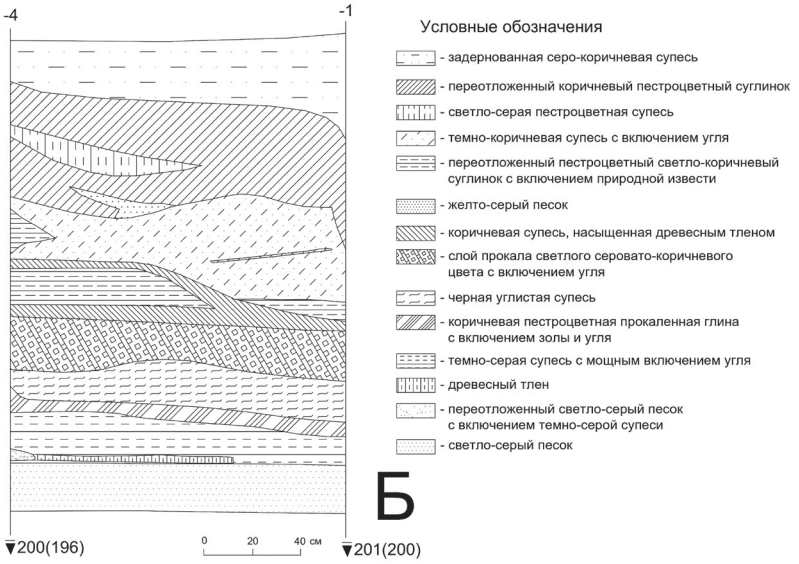

Рис. 9. Раскоп № 4. Северо-западная стенка
Fig. 9. Excavation № 4. North-western wall

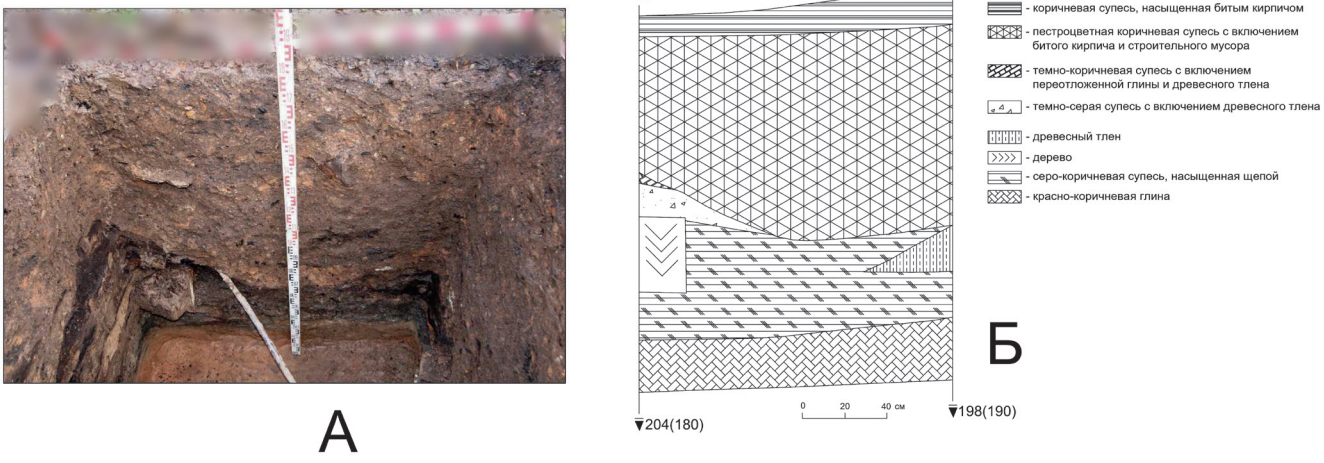

Рис. 10. Раскоп № 5. Северо-восточная стенка
Fig. 10. Excavation № 5. North-eastern wall

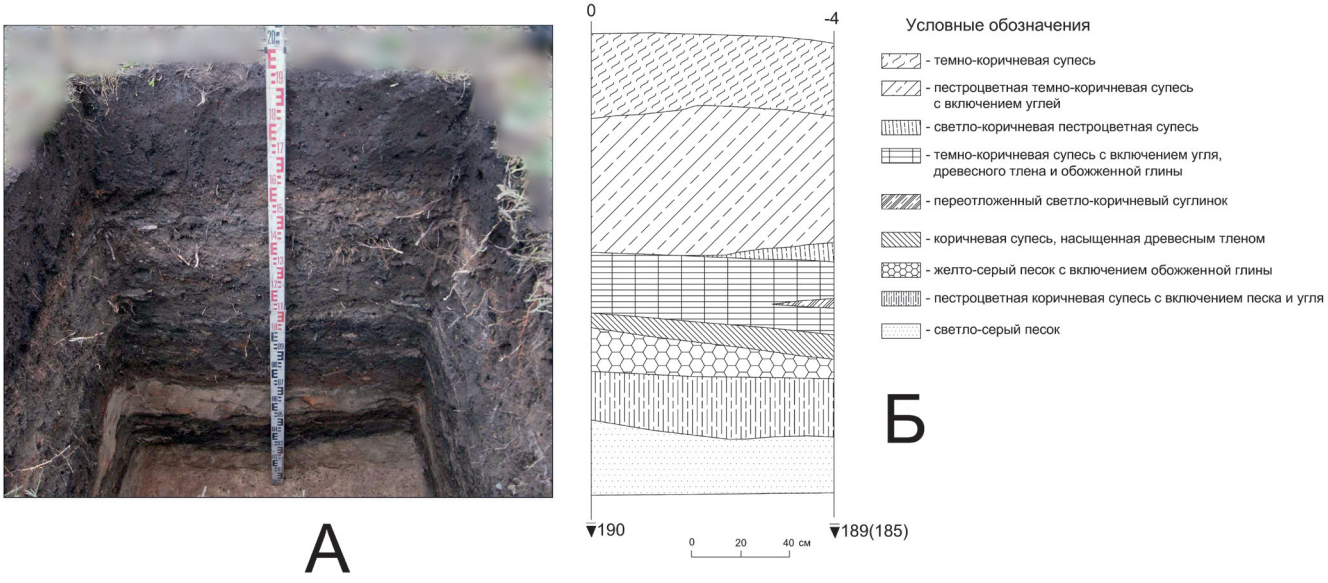
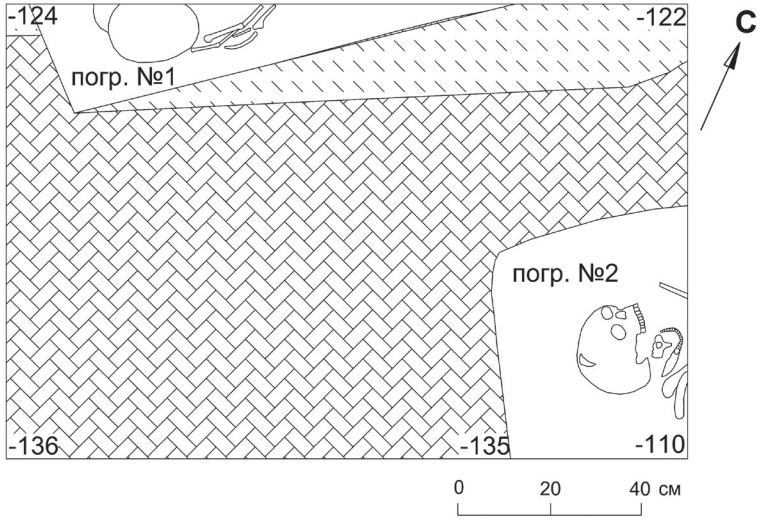

Рис. 11. Раскоп № 6. Юго-западная стенка
Fig. 11. Excavation № 6. South-western wall

А

Б

Рис. 12. Раскоп № 7. План на уровне приостановки работ
Fig. 12. Excavation № 7. Plan at the level of work suspension